

**Перевод подготовлен
Крупнейшей группой
По OreGairu ВК
vk.com/oregairu_fan**

**Романтическая комедия моей юности
явно не удалась**

Автор оригинала: [Ватару Ватару]

Иллюстрации: понкан ⑧

Куратор проекта: Алибек Машуков
Перевод: Олег Довгань

14
ТОМ

Garaga

Перевод: Олег Довгань.

Куратор проекта: Алибек Машуков.

Редакторы: Валерий Трошин и Дмитрий Мызин.

Переведено специально для группы вк: vk.com/oregairu_fan

Оглавление

Прелюдия.	4
Глава 1. Несмотря на это, повседневная жизнь Хикигаи Хачимана продолжается.	6
Прелюдия.	23
Глава 2. Однажды и к этим отношениям можно привыкнуть.	26
Прелюдия.	42
Глава 3. Наверняка есть пора года, которая в памяти всплывает при каждом вдохе этого запаха.	45
Прелюдия.	81
Глава 4. И вот Юкиношита Юкино беззвучно машет рукой.	84
Интерлюдия.	127
Глава 5. Шизука Хирацука грациозно шагает вперёд.	128
Глава 6. Как и когда-то, Юигахама Юи надеется.	153
Интерлюдия.	171
Интерлюдия.	172
Глава 7. Чувства передаются теплом прикосновения.	179
Глава 8. Откроем эту дверь ещё раз.	202
Интерлюдия.	237
Глава 9. Лазурный цвет, поблекнув за годы, таким же лазурным и остался.	243
Глава 10. Поэтому Хикигая Хачиман так сказал.	258
Эпилог.	263

Прелюдия.

Всего одно слово.

Так много времени ушло, чтобы сказать всего лишь одно слово.

Пока я проводила время в бессмысленном блуждании по улицам перед станцией, бывшее недавно тёплым солнце спряталось за морем, и холод начал морозить пальцы.

Если верить тому, что показывают часы на экране телефона, уже прошло час и 15 минут с того момента, как занятия в школе закончились.

Стоило задержать взгляд на часах – числа начали меняться, и, посмотрев на время ещё раз, я издала едва заметный вздох.

Вот уже свет уличных ламп и магазинов начал преобладать вокруг, и толпы учеников в школьной форме заполняют улицы.

Двигая замороженным пальцем, я ввожу сообщение в приложении, которое ещё ни разу не использовалось по назначению, и медленно перечитываю его множество раз.

В итоге я всё-таки провожу, словно поглаживая, изображение маленького бумажного самолётика, в душе надеясь, чтобы оно не дошло до адресата.

Однако же сообщение мгновенно превратилось в облачко в истории сообщений.

Мы можем встретиться?

Это всё, что было написано.

Особого смысла в этих словах нет. Но она наверняка всё поймёт.

Я смотрю на наконец-то отправленное сообщение.

Кажется, что уже прошла одна минута, даже две, но цифры на часах словно зависли.

А если удалить сообщение? Вспоминая, что мне рассказывали, палец двинулся, но экрана коснуться не успел. Похоже, если даже сообщение удалить, то собеседник получит уведомление об удалённом сообщении. Она наверняка свяжется со мной, если увидит это сообщение. Тогда какая разница?

А тем временем около сообщения появилась надпись: «Прочитано». И буквально через несколько секунд пришёл ответ. Она не спрашивает, зачем или где, только: «Хорошо, сейчас». В весёлом, характерном для неё тоне, так что нельзя не улыбнуться, смотря на экран.

После этого я сказала ей, где нахожусь, и спрятала телефон. Она живёт недалеко, поэтому должна прийти довольно быстро.

Я закрыла глаза, чтобы сосредоточиться на звуках. Шелестят кончики ветвей, звонок электрички предупреждает об отправлении состава, гудят двигатели автомобилей, музыка доносится со стороны торгового квартала. Разговоры прохожих. Сигнал светофора.

Среди привычных звуков чьё-то сбитое дыхание и, наконец, её шаги. Сначала резвые, как в польке, но быстро сменились тихими, как в вальсе, чтобы в итоге закончиться.

Ну что ж, что я могу теперь сказать? Что мне стоит говорить? Я медленно открыла глаза и посмотрела на стоящую напротив меня девушку.

Плотный плащ-тренч, свитер, открывающий ключицы, джинсы с подвёрнутыми краями – всё это очень хорошо сочетается с её подвижным образом жизни. К тому же нетуго завязанный шарф демонстрирует мягкий характер обычной девушки. Она очень красивая и милая девушка.

– Добрый вечер, – сказала я, и она ответила улыбкой, потрогала коричневую «булочку» из волос на голове и кивнула в ответ.

Наверняка она бежала сюда, поэтому и умкнула в ответ, но говорить, похоже, ещё не в состоянии. Помахав мне рукой, она быстро сняла шарф.

Посмотрев на неё, я поняла, что этот сезон подошёл к концу.

Глава 1. Несмотря на это, повседневная жизнь Хикигаи Хачимана продолжается.

Капля скатилась по щеке в лужу, создавая на ней вялые круги. Этим холодным утром слышны только звуки воды.

Я открыл всё ещё мокрые глаза и посмотрел на блестящие отражения света в воде. В водной глади умывальника отражалось до боли привычное заспанное лицо. Я открыл слив, и тень человека уткнулась вместе с мутной водой. Я грубовато схватил полотенце и вытер лицо, вздохнув. В воздухе всё ещё витал ментол, входящий в состав геля для лица.

В зеркале лицо выглядит как обычно небрежным, но освежающая прохлада весьма приятна.

По крайней мере, лучше, чем вчера.

Похоже, есть вещи, которые заканчиваются внезапно и без всплесков. Битва, которая около года продолжалась в клубе помощи, закончилась вчера моим поражением. Я прислонил полотенце к лицу и вздохнул, но это было больше похоже на успокоение, чем на досаду.

Это конец.

Осталось только исполнить доверенное мне последнее желание или, я бы сказал, последний оставшийся контракт. Юкиношита Юкино попросила исполнить желание Юигахамы Юи.

Это всё, что я могу сделать. Сосредоточившись на этом, я вылил ещё немного «Нивеи» на руки, хлопнул по лицу и помыл руки.

Время движется вперёд, и вода идёт более тёплая, поэтому трудностей с тем, чтобы умыться после сна, уже нет. Но пальцы всё равно холодные, поэтому я их хорошенько вытер полотенцем, чтобы согреть, и покинул ванну.

Мой небольшой дом словно всё ещё спит – ни звука вокруг. И я нарушаю эту тишину, медленно шагая по коридору. В общей комнате тоже пусто, только стучат настенные часы. Да и я, как правило, в это время всё ещё сплю. Интересно, родители ещё спят, или у них горячий период в конце года и они уже на работе? Понятия не имею, но мне и неважно.

Я пошёл на кухню и включил свет. Только я поставил чайник на огонь и начал насыпать себе быстрорастворимый кофе, как дверь на кухню с грохотом открылась.

– Ух, испугался... – сказал я, дрогнув, и оглянулся назад. Там мой любимый кот Камакура широко зевал, разминаясь у двери. В какой-то момент этот кот приучился открывать дверь, повисая на ручке. Особенно страшно это звучит ночью.

Я снова посмотрел на кружку – там кофе уже с горкой. Удивившись, я резко убрал банку.

– Эй, не так быстро! Тебя так на работу не примут, – сказал я Камакуре, но ему всё равно, и он начал умывать лицо.

Вслед за Камакурой пришла Комачи в пижаме.

– О, привет, братик, – сказала она, зевая.

– Ага, привет.

Комачи кивнула и взяла из холодильника молоко. Я же молча достал стакан с полки и подал ей. Она поблагодарила меня, едва открывая рот, и, словно во сне, пошла в сторону котацу, а за ней и Камакура, мяуканьем просящий молока. Камакура трётся об неё головой, и Комачи, погладив его ногой, налила в чашку молока и быстро выпила его за один заход. Видя, как Комачи после этого вздохнула, я подумал, что она наконец проснулась. Она удивлённо смотрит в мою сторону.

– Э?! Рано! Ты чего так рано?

– Э... Поздно! Ты поздно заметила!

Удивлённая Комачи даже не вытерла молоко со рта.

– Что случилось? У тебя что-то есть сегодня?

– Да нет, ничего, – ответил я, отсыпал обратно горю кофе и налил кипятка из чайника.

Запах распространяется вокруг, однако же, чёрный порошок всё ещё кружится в чашке, не растворяясь. Можно разлить на две чашки, хотя с молоком и сахаром будет нормально. Я взял чашку и пошёл в сторону котацу.

Комачи забралась под котацу и посадила на колени мяукающего Камакуру. А бороду из молока всё ещё не вытерла.

– Хм...

Не в силах смотреть на её то ли подозрительный, то ли уважительный взгляд, я протянул руку к коробке с салфетками и вытащил оттуда две-три штуки для Комачи.

– Борода.

– Ой, ёлки.

Комачи начала вытирать вокруг рта, а я пока долил себе молока в кофе, сделал две порции и протянул одну ей.

Моя сестра сначала удивилась, но потом улыбнулась и взяла.

– Спасибо.

Я кивнул ей в ответ и сжал посильнее чашку, чтобы пальцы не мёрзли. Медленно и осторожно я начал прихлёбывать кофе. Комачи тоже обняла чашку двумя руками, дуя на кофе, чтобы немного остудить. Она посмотрела на меня, и наши глаза встретились.

– Хм, не похоже, что ты не спал. Хотя у тебя глаза всегда такие, что не ясно, – закончила Комачи шуткой. Похоже, моё раннее пробуждение её сильно удивило, и она волнуется, что мне плохо. Сестрёнка, ты такая добрая! Нужно ответить на эту доброту; я гордо улыбнулся. Смотри, какой я свежий! Но я же не могу искренне поблагодарить её, хотя и нужно выразить благодарность!

– Дурочка, ещё как спал! Лучшее пробуждение в моей жизни. Смотри, какие чёткие у меня глаза – сказал я, открывая глаза как можно шире. Чтобы казалось, что я готов зарядить поток звёздной пыли¹. Чёткий такой взгляд, да.

А Комачи, наоборот, прищурила глаза и недоверчиво на меня посмотрела, коснувшись рукой подбородка, похоже, задумалась.

– Что значит «чёткий» взгляд? – спросила она, слегка наклонив голову. Странная реакция. Я даже не знаю, что ответить. Комачи потёрла лицо и успокоилась.

– Ну ладно, раз с тобой всё в порядке.

– В порядке! Я поспал, хоть и недолго.

На самом деле я хорошо уснул. Расслабившись после всей этой суматохи, я просто свалился от усталости. Как будто батарейки вынули.

Но я не видел снов и долгое время просто лежал в кровати, ворочаясь из стороны в сторону и пялясь в телефон. Вопрос, который меня мучал, – стоит ли звонить Юигахаме, или нет. Пробовал написать ей письмо подлиннее, покороче и проще, то писал, то стирал, и так множество раз. В итоге я решил, что нехорошо писать ей так поздно, и думал, когда ей ещё написать, и в какой-то момент незаметно для себя провалился в сон.

Судя по показанию часов сразу перед тем, как провалиться в сон, получается, что я спал около трёх часов. Есть теория, что сон делится на быструю фазу, когда отдыхает мозг, и медленную фазу, когда отдыхает тело, которые чередуются примерно каждые 90 минут. Просыпаться лучше всего во время неглубокого быстрого сна.

Если научиться пользоваться этим методом, то превратишься в прелестную, спокойную, безопасную, дешёвую рабочую лошадь. Полтора часа поспал – и работай остальные сутки! Эх, я так и сдохну...

Впрочем, в будущем я с огромной вероятностью сдохну, но ведь не сейчас же. Я бы даже сказал, сейчас я всё ещё полон сил. И Комачи это тоже заметила, потому что она живёт вместе со мной.

Она сделала глоток кофе и пробормотала:

– Хм... Ну да, ты и правда какой-то бодрый.

– Потому что работа успешно завершена.

---

¹ Из «Sword Art Online»

Я прислонил руку к шее и, повернув голову, приятно хрустнул. Комачи вопросительно посмотрела на меня, спрашивая взглядом, что за работа.

– Помнишь, я тебе про пром рассказывал? Похоже, мы теперь сможем его провести.

– А, помню! Ясно, буду ждать с нетерпением! – сказала Комачи с улыбкой.

Если пром станет традицией в школе Собу, то и Комачи, которая уже поступила сюда, тоже будет участвовать в нём. Может, она даже рада послушать о мероприятии от меня. Да и мне приятно об этом думать.

– Рано ещё говорить о выпускном старшей школы, у тебя сначала будет церемония поступления. А, хотя погоди, сначала ведь выпускной средней школы?

– Ага, на следующей неделе, – сразу же ответила Комачи.

– Ого, как скоро! Во сколько? Где? Родственники могут прийти?

– Не-не-не, что ты там забыл? Тебя звали, что ли? У тебя же школа, – с серьёзным лицом начала махать руками Комачи, забрасывая меня вопросами.

Я не могу это ничем парировать. Только стонать.

Само собой, если меня не звали, то и идти нельзя. К примеру, собрание класса или встреча выпускников, ну или просто люди, которые собрались повеселиться. Я понимаю, что, если придёт кто-то, кого не звали, атмосфера резко испортится. А потом, после встречи, они будут и в реале, и в переписке шутить: «Итак, кто мне скажет, зачем он приходил? О, Энраку-сан, как всегда быстр²!», а потом начнётся соревнование, кто лучше всех о нём пошутит.

Хотя, само собой, незванный гость на чужой встрече будет подвергаться критике. Он ведь ужасен. Прямо как дедлайн. «Алло, я дедлайн, и я стою у тебя за спиной...» – хороший бы ужастик получился! Скорее, это уже какой-то оккультизм с призраками и чудовищами. Хм, а что, если и дедлайн на самом деле не существует?..

Впрочем, судя по опыту, дедлайн, сроки и им подобные вещи существуют. Дедлайн существует!!! Не существую только я на выпускном у Комачи. Я простонал, смотря на сестру, и она в ответ сложила руки на груди и недовольно посмотрела на меня. «Да всё нормально, братика, как правило, никто никуда и не зовёт, он уже привык, что на него смотрят, как на пустое место! Я уже привык!» – мог бы я сказать, но, судя по нахмурившейся Комачи, это не самая лучшая идея.

– Да я шучу, я всё понимаю и не пойду, – сказал я со стоном. Комачи коротко вздохнула и закрыла глаза. Мол, ага-ага, я тебя поняла.

– Хорошо, что понимаешь. Комачи, наверно, плакать будет, и стыдно будет, если это увидят...

– сказала она, смотря в сторону. Как старший брат, я уже множество раз видел её зарёванное лицо, и мне, в принципе, всё равно, но Комачи ведь девочка в том самом возрасте, поэтому

---

² Японский комик; фраза из известной пародии.

она может считать иначе. Хотя почему мне всё равно? Это же такая прелесть! Но она прелесть и когда не плачет! И сейчас, когда пытается сменить тему разговора, кашлянув, и когда скрывает смущение за яркой улыбкой. И когда мило открыла ротик!

– А вот выпускная церемония братика – другое дело!

– Ну да, нам нужно много чего отпраздновать. День рождения, например.

Из-за суеты мы много чего оставили на потом. В частности, меня волнует то, что день рождения Комачи мы перенесли. Поэтому моя фраза прозвучало виновато, но Комачи отрицательно покачала головой.

– Да ладно, не переживай. Сделаем, когда получится. Вы все ведь ещё заняты? Пром ведь не отменили.

Комачи наверняка ничего не подразумевала, но я оказался на секунду в замешательстве.

– Ага... Впрочем, у меня море свободного времени. Есть вещи, которые нужно сделать, но чётких планов нет, – быстро сказал я, чтобы отвести внимание, и пожал плечами. Но Комачи провести вне моих сил. За пятнадцать лет бок о бок она изучила все мои привычки и характер. Наверно, даже если бы я не запнулся и не начал пытаться городить какие-то отговорки, она всё равно что-то поняла. Комачи посмотрела на меня с подозрением.

– Слушай... – сложно начала говорить Комачи. Но не закончила, а вместо этого сделала глоток кофе, словно думая, стоит ли спрашивать или нет. Даже без слов я в целом понимаю, что Комачи хочет сказать. Поэтому я тоже сделал глоток остывшего кофе с молоком и решил подождать, что же она скажет. Видя, что я ничего не говорю и жду её слов, Комачи отставила чашку.

– Братик, у тебя что-то случилось? – осторожно спросила она.

Я помню, когда она прошлый раз задала этот вопрос. То ли в конце осени, то ли в начале зимы, после школьной поездки она мне сказала примерно то же самое. Но в тот раз она просто шутила, спрашивала осторожно именно по той причине, что чувствовала, что назревает редкая ссора с братом, в отличие от того, что происходит сегодня.

Но Комачи не могла не спросить. И она спросила не из интереса или посмеяться, к тому же она понимала, что может начаться ссора. Вспомнив этот случай, её доброту и участие, я не смог не улыбнуться.

– Да, случилось, – сказал я. Комачи же, судя по всему, не ожидала ответа, и смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Моргнув пару раз и сдерживая удивление, она переспросила:

– Случилось, значит...

Я улыбнулся тому, как Комачи мне ответила, и кивнул в ответ.

– Да, много чего случилось... – ответил я. Голос получился у меня такой, словно я говорил о старом добром прошлом, в которое уже не вернуться. Осознание, что те дни уже кончились, сочилось из моих слов.

– Много чего случилось, значит...

– Ага, – ответил я более живым и спокойным тоном, чем сам от себя ожидал, и посмотрел на Комачи прямым и чистым взглядом.

– Вот как, – мило сказала Комачи, фумкнула и замолчала, пристально смотря на меня.

– Э? Чего? – не выдержал я её взгляда.

– Да как-то противно стало от того, как ты честно ответил, – сказала Комачи, не поведя и бровью.

– Э? Сама же спросила! – громче обычного сказал я.

– Так ты ведь, как правило, на такие вопросы не отвечаешь! – ехидным тоном ответила она.

– А, вот оно что... Ясно, – понял я, и Комачи согласно кивнула.

Она права.

В принципе можно ведь было сказать какую-то чушь, чтобы не отвечать на вопрос. Раньше я бы грубо что-то сказал или сделал, намекая, что этой темы лучше не касаться. Но в этот раз я ответил с улыбкой, не пытаясь что-то сыграть. Вот это-то и заставило Комачи поволноваться. Она до сих пор на меня с подозрением смотрит.

– А можно узнать, что случилось? – смотря на меня снизу вверх и осторожно выбирая слова, спросила Комачи. Я же посмотрел на часы, изображая задумчивость. Комачи тоже посмотрела на часы, но всего лишь на мгновение, и, сомкнув губы, ждёт моего ответа. До уроков ещё время есть, но его явно не хватит всё рассказать. К тому же такие проблемы не стоит поднимать с самого утра. И, самое главное, мне ещё нужно кое-что сделать. Не хотелось бы рассказывать незаконченную историю.

У меня не настолько большой выбор вариантов ответа прямо сейчас. Поэтому скажу только то, в чём уверен.

– Я всё расскажу, как закончится.

Уверен, когда всё закончится, я расскажу ей это без утайки. Но не сейчас, а когда-то потом, в далёком будущем...

– Хорошо! – через несколько секунд бодро ответила Комачи и улыбнулась.

Я понимаю, что Комачи не особо меня расспрашивает только потому, что она добрая. А я в ответ использую её доброту, и это мне не нравится. Поэтому я решил добавить.

– Извини. Из-за этого всего сложно нам всем вместе собраться и отпраздновать что-то.

Недавно я вот получил небольшую просьбу по поводу дня рождения Комачи, которую, скорее всего, исполнить не смогу. Хотелось бы явно ей отказать. Пусть это не более чем удовлетворение собственного эго, но думаю, было бы неправильно совсем ничего не

сказать. Вряд ли что-то можно понять из этой невнятной до предела фразы, но Комачи всё же смотрела на меня ласково с каким-то разочарованием.

– Ясно... Ну ладно, когда-нибудь тогда уже... – стараясь улыбаться, бодрым голосом сказала Комачи, но мне показалось, что в её глазах есть грусть, хоть и всего на миг.

Сестрёнка вздохнула и, указав на меня пальцем, начала говорить, ворочая пальцем из стороны в сторону:

– Я ведь говорила уже, что в худшем случае мне и братика достаточно.

– А, ага, – я слегка отклонился назад под давлением, а Комачи приблизила палец ещё ближе, ткнув прямо мне в щеку.

– Для Комачи даже лучше с братиком вдвоём, если решу отблагодарить братика за сюрприз! На людях мне будет стыдно! – тихо сказала Комачи, закрыв ладошками лицо, словно стесняясь.

– Э? Что за сюрприз? Я тронут, даже несмотря на то, что узнал заранее! – шутливо сказал я, подыгрывая ей. Комачи гордо фумкнула, выпятив грудь.

– Правда же? Много-много очков для Комачи!

– Ага, хотя для Хачимана это очень высокая планка... Смогу ли я удивить свою сестричку?.. – с волнением спросил я. Комачи же сделала серьёзный вид.

– Ну, в этот раз проведём собрание только семьёй... – шутливо сказала она.

– Ты о чём? Закрытые похороны, что ли? Прямо как о похоронах говоришь, – сказал я, и Комачи расслабилась.

– Ладно, пора бы перекусить, – она встала и, что-то напевая себе под нос, пошла на кухню. Следуя за ней, вылез из-под котацу и Камакура. Похоже, у него тоже завтрак: я услышал стук когтей о пол, хотя он обычно их прячет в лапах. Эй, хватит, пол ведь испортишь! Я прислушался к этому звуку, как хозяин дома, и посмотрел на него, как хозяин, и вдруг звуки затихли. А Камакура повернулся и посмотрел на меня, мяукнув, словно чего-то хочет.

– О, братик, достань Ка-куну тюру³! – показала из-за угла кухни Комачи, которая услышала мяуканье.

– Хорошо.

Я встал, и Камакура, мурлыча, тыкает головой мне в ногу. Похоже, он понял, что Комачи занята, и решил просить у меня. Ух ты, какой же он умный!

Я посмотрел на часы. Мне ещё рано завтракать, значит, можно в кои-то веки побаловать любимого кота, раз уж я всё равно так рано проснулся.

---

³ Специальный японский вкусный кошачий корм.

***

Я смотрю на свои пальцы, сидя в школе после обеда. С самого утра было чистое небо, а воздух потеплел. Ветер сильный, но южный, который, похоже, приносит тепло и влажность. Приятное душе тепло, и обогреватели в классе тут ни при чем. Если учесть, что я пришёл в школу невыспавшимся, можно понять, что сонливость меня одолевала не один раз, не один раз я лежал на парте. И вот сейчас я только что очнулся от послеобеденного сна. Вот только из-за того, что я дремал на руке в странном положении, кончики пальцев почему-то кажутся холодными.

Вчера и сегодня потепление, но наверняка завтра и послезавтра обратно похолодает. Весна приходит постепенно, вот такими рывками с циклом в два-три дня. Ряд сакур вдоль реки, который я видел по дороге в школу, цвести будет ещё очень не скоро, судя по их ледяному облику. Думаю, захватывающее зрелище цветения сакур у реки состоится примерно через месяц.

Представляя себе будущее, где Комачи тоже будет ходить в школу по этому же пути, я сделал небольшой зевок. Заодно и посмотрел на часы сквозь слёзы на глазах. До конца занятий ещё недолго, шестой урок. Начиная с меня, внимание у всего класса уже заканчивается, ребята выглядят расслабленно. А уж если учесть, что сейчас будет математика... В следующем учебном году у тех, кто, как и я, выбрал частный гуманитарный университет, математики не будет, – её всё равно нет во вступительных экзаменах.

Поэтому я могу повертеть головой по сторонам. Кто-то гребёт на волнах, кто-то играет в телефоне, кто-то смотрит за окно, каждый избавляется от скуки своими методами. А есть ещё люди, которые погружены в учебники, потому что скоро будут тесты за семестр. Так называемые подработчики. Некоторые из них обкладывают учебниками и тетрадками, чтобы их не заметили, а самые смелые с видом: «А что такого? Я учусь!» – выложили справочники на парту, особенно девушка в красном клетчатом платье. Пальцами не показываю, но Сагами Минами как раз из таких людей.

Хотя, в её случае это не мысли о будущем и будущих экзаменах в том числе, а, думаю, стремление произвести впечатление. Иначе я бы не слышал на перемене её самоуничижительные стоны: «Блин, я так никуда не поступлю! Я попала в группу «С» на последнем тесте. Мне конец!» – а друзья в ответ её пытались подбодрить. Вообще-то сейчас почти везде «С» – проходная оценка. Может, попробуешь в университет получше?

Интересно, она дома так же себя ведёт? Бедный её младший брат... Кстати, а брат Кава-как-её-там есть? Я заглянул через стекло перед классом, посмотреть, как соседская тётушка через забор. Да, синеватый хвостик колыхается, похоже, что-то она там делает на парте. Наверно, тоже подработчица. Как спокойно вокруг неё там...

Конечно, некоторые прилежно занимаются. Я бы сказал – их большинство. Например, очень милый ученик в свитере чуть позади меня. Этот ученик, чего скрывать, мой друг по имени Тоцука Сайка. Скажу-ка я это ещё раз. Мой друг по имени Тоцука Сайка. Вот он интенсивно

что-то пишет автоматическим карандашом, вот о чём-то задумался и прикоснулся карандашом к губам.

Тоцука меня заметил и помахал мне карандашом. Под лучами солнца из окна его волосы похожи на блестящий шёлк, даже улыбка словно сияет. Какая прелесть, неужели это и есть загадочный лунный свет в ночном небе? Ух, слишком это «Твинкл Стар⁴». Но мне стало неловко из-за того, что я на него пялился, да ещё и он заметил, поэтому я ему кивнул и повернулся обратно.

Урок уже вот-вот закончится. Я открыл тетрадь для вида и на всякий случай решил переписать содержимое доски. А то ещё подумают, что я чужак, разглядывающий всех подряд. Хотя, наверно, уже подумали...

Звонок застал меня пишущим что-то карандашом, закончив тем самым урок. Классный час закончился, едва учитель рассказал то, что нужно было.

У меня всего одна задача после школы.

Нужно рассказать Юигахаме о вчерашнем и узнать её желание.

Слушая шум в классе, я начал собираться домой. Хотя нельзя сказать, что это надолго: всего лишь протянуть руки в рукава, повязать шарф, ну и всё. Осталось только открывать и закрывать пустой портфель, изображая задумчивость, и наблюдать осторожно за Юигахамой в задней части класса. Большинство одноклассников ушло небольшими группами, а привычная компания осталась в той части аудитории, где светит солнце. Юмико Миура сидит на своём месте, сложив свои длинные красивые ноги одна на другую, а Юигахама и Эбинасан сидят вокруг неё на чужих стульях, болтая о чём-то своём. Хаяма Хаято же вяло поддерживает разговор, наблюдая за всеми и слегка по-взрослому улыбается. Три дурачка Тобе, Оука и Ямато же ведут разговор. Всё как обычно.

И, как обычно, в эту атмосферу сложно войти постороннему. К тому же разговор в самом разгаре, из-за чего обратиться к Юигахаме ещё сложнее. В прошлый раз мне ещё кое-как удалось с ней заговорить. А потом в меня ещё бросили «просто подходи и говори»... «Просто» – это самое сложное, если честно.

Значит, нужно изменить подход. Используя мудрость человечества, можно обойтись без необходимости обращаться. Если сложно заговорить – напиши, как говорил писатель Сикибу! Я достал телефон, открыл почтовый клиент и увидел незаконченное сообщение. Тема и содержание – пусты, но зато заполнена графа «Кому». Я вчера целый день писал, но в итоге так и не придумал, что писать, да так и ничего не отправил, только черновик сохранился.

Я написал: «У тебя сегодня будет время?» – и нажал «Отправить». Юигахама достала из блейзера телефон – видимо, сообщение уже дошло – и ловко, не прерывая разговора с ребятами, опустила взгляд на экран. После чего она обернулась в мою сторону. Я ей кивнул, и Юигахама устало вздохнула.

---

⁴ Англ. «мерцающие звёзды», название одного из сезонов «PreCure».

– Я отойду, – отпросилась Юигахама у Миуры, широко улыбаясь и не вдаваясь в подробности, встала и пошла в мою сторону. Но выражение её лица становится всё более недовольным с каждым шагом. Когда она подошла ко мне, её щёки уже были раздуты.

– Я же тебе говорила, чтобы ты просто подходил! – негромко, чтобы не услышали, но воспитательским тоном сказала она.

– Эх, я же самый тихий способ выбрал.

– Зачем ты мне сообщение пишешь с такого расстояния?!

– Независимость от расстояния – прелесть сообщений.

Самая скромная мышка может начать дерзить в сообщениях. Даже добрые персонажи в последнее время такое в интернете творят... Слушая это, Юигахама нахмурилась, смотря на меня сверху вниз. Я кашлянул, чтобы уйти от её холодного взгляда. Ладно, давай теперь спросим по-обычному.

– У тебя сегодня время есть?

– Сегодня? – задумчиво переспросила Юигахама и застыла. Не знаю осознанно или нет она играет с булочкой у себя на голове. Похоже, она в замешательстве из-за моего внезапного вопроса. Судя по её виду, сегодня неподходящий день.

– Ну... – взяла она время подумать и глянула в сторону компании. Немного неловко улыбнувшись, она ответила:

– Наверно, нет. Мы сегодня, наверно, идём гулять.

Наверно? Два раза даже сказала. Какое у тебя дважды неопределённое будущее. Ты прям как Камогава из той рекламы... Но я это вслух не скажу.

У Юигахамы сегодня, уверен, планов никаких нет. Но, судя по их разговорам, есть вероятность, что они все вместе куда-то зайдут по дороге домой. Мешать им я очень не хочу. Мне ведь, по сути, неважно, сегодня или нет. Достаточно, если мы когда-нибудь сможем поговорить. Я решил, что даже если не сегодня, однажды когда-нибудь поговорим.

Я открыл на телефоне календарь; ни одного дня в нём не было забито. Значит я, как более мобильный в этом плане, должен подстроиться под Юигахаму.

– Не обязательно сегодня. Можно и завтра, и послезавтра, и после-послезавтра, и потом...

– Ого, сколько вариантов! Как же много у тебя свободного времени, Хикки! – сказала Юигахама наполовину удивлённо, наполовину ужаснувшись. Должен сказать, что она меня не совсем правильно поняла. Нужно поправить.

– Нет, времени у меня мало. Есть масса того, что нужно сделать.

Например, посмотреть записанное аниме, прочесть оставленные на потом книги, в Dragon Quest Builders я начал строить остров после того, как его начал, ещё я купил протеин и не

занимался и три дня, а ещё новый выпуск «Айкацу⁵»... Столько дел, что за всю жизнь не переделать. Можно просто поставить «Айкацу» на повтор – и, считай, вся жизнь прошла. Эх, вот бы у меня было штук пять жизней! Я бы смог пять раз посмотреть его. Можно было бы это сказать Юигахаме, но она издала почему-то восхищённый звук, поэтому я шанс сказать это упустил.

– Э? А чем ты занимаешься? – вопросительно смотрит на меня Юигахама большими глазами, полными любопытства. Похоже, это не более чем любопытство. Но из-за этого простого взгляда я, наверно, не смогу сказать то, что хотел.

– Ну, эм... Много чем. Нет, на самом деле много, но это я могу сделать когда угодно, – отвернувшись, пробормотал я. После чего успокоился и повернулся опять к Юигахаме.

– Поэтому я подстроюсь под тебя. Когда тебе удобно? – сказал я, и Юигахама ненадолго задумалась, сложив руки. На лице у неё было некоторое сожаление. Но уже через миг она улыбнулась и кивнула.

– М, ну тогда давай сегодня.

– Уверена? – переспросил я, бросив взгляд в сторону компании во главе с Миурой, подразумевая, что она ведь вроде с ними обещала пойти, и Юигахама легко усмехнулась.

– Всё нормально, мы ничего точно не решили.

– Ясно. Извини, – сказал я и виновато склонил голову, а Юигахама помотала головой, мол, ничего такого.

– Ладно. Я пойду возьму вещи, – сказала Юигахама и пошла в сторону Миуры. Нужно ведь собраться и попрощаться. Я первым вышел в коридор. Неловко как-то выходить вместе с ней из класса. Дверь была заперта, наверно, чтобы тепло не уходило. Я с грохотом открыл дверь и обратно закрыл за собой.

И в тот миг, когда я убрал руку от двери, по пальцам пробежался холодок, похожий на занозу, которая осталась в пальце. Чтобы забыть это чувство, я спрятал руки в карманы и прислонился к стене.

Окно крепко заперто, и благодаря теплу из классов в коридоре куда теплее, чем я предполагал.

Но вот пальцы почему-то всё ещё ледяные.

***

Удары железных ракеток, крики, сопровождающие удары по мячу, звуки духового оркестра... Кажется, чем дальше отходишь от школы, тем чётче их слышно. Когда мы прошли через

---

⁵ Аниме.

ворота школы, школьный «час пик» уже, видимо, прошёл, поэтому других учеников почти не видно. И на тропинках около жилых домов, и в парке сбоку тоже малолюдно; лишь холодный предзакатный ветер треплет ветви деревьев. Я веду велосипед по дороге, где людей очень мало, медленнее обычного, в шаг с Юигахамой.

– Извини, что время отнимаю.

– Да нет, ничего, – весело ответила Юигахама, мотнув головой. Я в благодарность тоже кивнул ей. Хоть нормально её пригласить у меня и не вышло, но зато теперь можно с ней поговорить.

С чего бы начать? На объяснения может уйти довольно много времени. Наверно, такие беседы лучше вести в спокойном месте, иначе придётся отвлекаться на других людей, да и банально трудно разговаривать. Да, Сайзерия или какое-то кафе не подойдёт... Хм...

Пока я думал, Юигахама воскликнула, словно что-то вспомнила.

– Кстати, я же вчера с Юкинон разговаривала. Пром, похоже, будет!

От внезапной темы я застыл на месте. Ещё чуть-чуть, и я вообще остановился бы, но кое-как заставил себя идти, и даже что-то произнести, чтобы только не молчать.

– А-а, уже знаешь, значит.

– Да, вечером пришло в Лайне, мол, приходи, ну и мы встретились, – сказала Юигахама, немного опустив взгляд вниз. Но улыбка не исчезла с её лица.

– Ясно, – ответил я и криво улыбнулся. Учítывая их отношения, ничего удивительного в том, что они делятся такими новостями, нет. К тому же Юигахама переживала по поводу прома, поэтому естественно было бы сообщить ей об этом.

Дело в том, что эта скорость мне напомнила Юкиношиту Юкино в прошлом. Быстрая реакция – это плюс; а вот игнорирование чужих обстоятельств и чувств, самовольное додумывание и спешка – это минус. Вот что я вспомнил. А я вот не изменился. Нерешительный, как всегда ищу какие-то причины всему, не в состоянии отправить сообщение, и еле-еле смог дойти до этого места. Но благодаря этому я всё-таки решился.

– Давай зайдём? – остановился я, указав пальцем на парк, спросил я.

– .... Ага, – Юигахама нахмурила брови, но в итоге через мгновение кивнула.

Наверно, если не поговорить сейчас, я так и буду тянуть резину неизвестно сколько.

В ближайшем автомате я купил баночку холодного кофе и горячего чая и направился внутрь парка. Прислонив велосипед к фонарю, я сел на лавочку около него. Взглядом я показал Юигахаме на лавочку, чтобы и она тоже села. Юигахама сжала петельку рюкзака, а лицо показалось мне напряжённым, но она почти сразу сделала шаг вперёд, и её лицо расслабилось. Подойдя ко мне, она сняла рюкзак и поставила на лавочку.

– Ох, давно мы не были в парке, кажись.

Думаю, это самый обычный парк, но Юигахама почему-то смотрела по сторонам, пока её взгляд не встретился с качелями. Я посмотрел туда – самые обычные качели, ничего привлекающего внимание там нет. Но Юигахама уже медленно пошла туда.

– Э, ты куда? – попытался остановить её я, но она уже двигает цепи качелей. Мне ничего не остаётся делать, кроме как следовать за ней.

– Ой, какие маленькие качели. Разве они должны быть такими? – пробормотала Юигахама под нос, садясь на сиденье. Она раскачалась, и цепь начала поскрипывать.

– Ой-ой-ой, страшно-то как! Страшно после такого долгого перерыва! Страшнее, чем я думала! – Юигахама немедленно поставила ноги на землю и выдохнула. Самое время протянуть ей бутылочку с чаем.

– В детстве об этом даже не задумываешься. Я тоже часто прыгивал с качелей, сдирая кожу на коленях.

Юигахама взяла чай, тихо поблагодарила и сделала глоток.

– А, я тоже, наверно... Кстати, я удивлена, что ты этим занимался.

Держась руками за цепи и стоя на земле, Юигахама качается взад-вперёд, смотря на меня снизу вверх. На секунду она посмотрела на соседние качели, но, увы, я туда не сяду. Вместо этого я сел на забор вокруг качелей. Достав баночку кофе и открыв её, я сделал небольшой глоток.

– Юигахама.

Я ненадолго остановился, чтобы сглотнуть горечь кофе.

– Скажи мне, чего ты желаешь?

Юигахама, похоже, не понимает, о чём я, и немного задумалась.

– Ты о чём? – озадаченно улыбнувшись, спросила она.

– Извини, неправильно вопрос поставил. Что бы я мог для тебя сделать, или какое твоё желание исполнить?

– Э? – Юигахама спрятала ладони между ног и начала думать, шатаясь влево-вправо. Но думала она недолго.

– Да много чего. Чтобы вёл себя естественно, когда обращаюсь ко мне. Чтобы не смотрел на меня украдкой. Чтобы отвечал на сообщения быстрее. Чтобы привёл в порядок вещи, которые тебе нравятся или не нравятся. А, ещё... – Юигахама начала считать на пальцах и, похоже, останавливаться даже не собирается! Поэтому я решил её остановить. У меня же так депрессия разовьётся.

– Да понял я, понял, извините, что родился на свет. Кстати, тебя послушать, так я получаюсь страшным человеком. Ужас, какой противный... – сказал я самоуничижительно, и Юигахама серьёзно посмотрела на меня.

– Ты только понял?..

– Одно дело – самому что-то думать, и совсем другое – когда тебе кто-то об этом говорит. Знаешь, как ранит? К тому же очень много, да и вряд ли это можно исправить, и вообще, мне обидно. Ну, на самом деле я попытаюсь исправиться.

– Да понимаю я, что ты не справишься, так что забудь, – устало вздохнула Юигахама и опустила плечи. Ой блин, она разочаровалась... А я ведь понимаю, с чем у меня проблемы, и хотел исправиться... Хотя я и понимаю, что без усилий исправить ничего не получится, так что смог только грустно улыбнуться в ответ. Я усмехнулся, говоря: «Ха-ха-ха», – и Юигахама недовольно вздохнула. Вдруг моя собеседница открыла рот, словно что-то пришло ей на ум.

– А, ещё я хотела бы, чтобы ты внезапно ничего не планировал. Ничего плохого в этом нет, когда у меня свободное время, но ведь часто нужно подготовиться.

– Да, извини за это.

Я ведь на самом деле последние разы сваливаюсь как снег на голову, внезапно. Мне неловко, ведь она мне говорила о планах с друзьями, поэтому я искренне извинился. Юигахама кивнула пару раз.

– И ещё...

– Что, ещё?! Ого, как много! Ты извини, ладно? – сказал я, и Юигахама улыбнулась. Я улыбнулся ей в ответ.

Как же было бы здорово, если бы мы всегда так разговаривали. Не говоря ничего важного, притворяясь, что всё как обычно, избегая касаться самой сердцевины. Но позволить себе это – значит предать самого себя.

Я выпил до конца свой кофе и, словно пытаюсь согреть баночку, сжал её в руке. Алюминий податливо вогнулся, и я начал пытаться исправить форму, но получалось только искривить её в другом месте, в итоге лишь уродуя её ещё больше. Даже понимая, что вернуть её в изначальный вид уже не получится, я не оставлял попыток, жалея её. Под звуки мнущейся банки я негромко вздохнул с улыбкой.

– ...Я не об этом хотел спросить, – сказал я гораздо мягче и добрее, чем сам от себя ожидал. Я перестал тормошить баночку и посмотрел на Юигахаму, которая всё ещё сидела на качелях. Она слегка оттолкнулась и, смотря на свою руку, начала качаться.

– А о чём?

– О той нашей битве. Где победитель имеет право на один приказ.

– Так ведь она ещё не закончена, – недовольным, как мне показалось, тоном ответила Юигахама, и я рефлекторно улыбнулся половиной рта. Она иногда выглядит весьма взросло, но сейчас похожа на маленькую девочку. Мне это показалось странным.

– Ну, можно и так сказать. Но мне пришлось признать поражение. Поэтому битва окончена.

– Ты ведь это сам решил.

Напротив неё, в западном небе уже появляются закатные цвета – алый и ультрамарин, и светит самая ранняя звезда.

– Нет, я проиграл. Довольно красиво проиграл, – сказал я и посмотрел на небо. На самом деле я чувствовал, что довольно свежо и прохладно. Последняя битва была за то, чтобы пром разрешили провести. Юкиношита почти сразу поняла суть моего плана подставного прома и с полным пониманием приняла бой. Значит, моя догадка проиграла, только и всего. Я скорее недооценил её готовность, а не план или ход мысли.

Я глубоко вздохнул, словно выпуская из себя все силы, но выдыхаемый воздух не обратился в пар, а просто исчез.

Даже если победитель не выбран, если есть проигравший, битва окончена.

– Поэтому давай я исполню твоё желание, – наконец-то я произнёс то, что так долго носил в себе. Как же много времени потребовалось, чтобы сказать это.

Я не имею в виду этот момент. Около года с момента начала битвы я всегда где-то внутри понимал, что рано или поздно мне придётся это сказать.

Юигахама с силой остановила качели. Она сжала рот из-за скрипа, который издали цепи, словно ожидая, пока он прекратится.

– Знаешь, я ведь жадная, на чём-то одном не остановлюсь. Ты уверен в этом? Сможешь всё исполнить? – Юигахама подняла взгляд и, повернувшись головой ко мне, шутливо улыбнулась. Я в ответ пожал плечами.

– Просьбы – они такие, да... Я сделаю всё, что смогу.

– Лучше не надо, – твёрдо сказала Юигахама, опустив глаза. Её лицо выражало грусть, поэтому я не смог ничего ответить.

– Хикки, ты всегда так. Хоть и не можешь, но говоришь, что сделаешь всё, что в твоих силах. Ну и делаешь на пределе своих сил, – сказала она, двигая ноги на весу, отчего качели снова пришли в движение. – Поэтому, пожалуй, придумаю тебе что-то простое. Я не разбираюсь в том, что нужно загадать, но у меня есть много чего, что я хочу сделать.

– Хм, и что же? – спросил я, наблюдая, как она мало-помалу набирает скорость.

– Во-первых, помочь Юкинон. Я хочу всё-таки увидеть пром.

– Ясно.

– И вечеринку, у... как их, клуб игр? С теми мечтателями. А ещё с Юмико и Хиной...

– Ага.

– И ещё нужно отпраздновать с Комачи.

– Точно.

– А, ещё хочу куда-нибудь сходить повеселиться.

– Понятно.

Она становится то ближе, то дальше, и вот опять ближе.

Я просто поддакивал ей с каждой фразой. Она не попросила ничего из ряда вон выходящего. Я понимаю, что она хотела бы помочь с промом и с праздником, – ранее я уже слышал нечто похожее от неё. По поводу Комачи я могу только сказать ей спасибо. Сходить повеселиться – этого я не совсем понимаю, но раз вы не против моей компании, то я только за.

Качели замедляют свой ход, и голос Юигахамы стал более сдержанным.

– А ещё... – начала говорить Юигахама, но прервалась. За живой изгородью были слышны чьи-то голоса. Посмотрев туда, я увидел группу парней и девушек в той же школьной форме, что и мы. Я никого из них не узнал, но Юигахама молчала, пока они не прошли. За это время качели полностью остановились, только цепи слегка поскрипывают.

Я ничего не говорил, просто смотрел на Юигахаму, ожидая, что она скажет. Она, похоже, это заметила, и, подняв лицо, улыбнулась мне.

– А ещё я думаю, что хочу исполнить твоё желание, Хикки.

Юигахама улыбнулась, сидя спиной к закату. Лучи закатного солнца и уличных фонарей в ультрамариновой темноте красиво освещали её лицо.

На этот раз я не смог поддакивать ей. Я здесь для того, чтобы исполнить желание Юкиношиты Юкино. Которая загадала мне исполнить желание Юигахамы. А теперь Юигахама говорит о моём желании... Так мы будем ходить по кругу, который никогда не кончится.

– Моё желание... Это сложно, – дал я бессмысленный ответ, так и не придумав, как на это ответить.

– Вот видишь! Так что подумай, пока будешь исполнять мои желания. Я тоже подумаю, – сказала Юигахама и медленно встала. Отойдя от шатких качелей, она повернулась ко мне с закатом позади.

– Тогда я и скажу... Поэтому и ты мне скажи, чего ты хочешь, Хикки?

Ярко-красный закат светит прямо в глаза, так что я невольно прищурился. Несмотря на ухудшившийся обзор, я утвердительно кивнул. Мне показалось, что она красиво улыбнулась, увидев это.

Прелюдия.

Дрожь из рук довольно быстро поднялась к сердцу. Я подумала, что что-то важное, но удивления не было. Дрожь из-за того, что я наконец пришла, успокоение дрожью отзывалось в сердце.

Сегодня после уроков его куда-то позвал учитель, и я взглядом проводила его из класса, думая, что больше он сюда не вернётся, – так и случилось.

Развлекаться настроения совсем не было. Придя домой, я в форме упала на софу в общей комнате и просто смотрела в потолок. Мама меня пожурела за то, что на юбке и блейзере появятся складки, поэтому я медленно переоделась и пошла в свою комнату, да так и осталась у себя в кровати. В мягкой постели я словно застряла, не в силах пошевелиться.

Телефон только один раз завибрировал.

Это или он, или она.

Не знаю, но наверняка ничего хорошего. Желая, чтобы это было сообщение от кого-то другого, я медленно потянулась за телефоном и посмотрела на сообщение от неё на экране.

Ради сообщения длиной в одну строку нет смысла даже приложение запускать – я его уже прочитала, даже не пометив как прочитанное.

«Мы можем встретиться?»

Из одной этой строчки ничего не понять. Понятно только то, что что-то случилось.

Лучше бы я его не читала...

Можно было притвориться, что ничего не видела, и ответить попозже, чтобы потянуть время, но это было бы нечестно.

Одно уже то, что она хочет мне что-то сказать, меня обрадовало, я даже поплакала немного... Какое-то убитое настроение.

Думаю, я всегда ждала, пока она скажет.

Потому что самой говорить страшно.

Поэтому я ей коротко ответила, что скоро буду, накинула на себя валяющийся рядом плащ и, когда я у порога надела туфли, мне пришёл ответ – место встречи. Есть место, куда я должна идти; это недалеко, тут рядом. Скоро конец.

Я не собиралась бежать, но почему-то очень спешила, как только вышла на улицу.

Перед станцией многолюдно. Но это не помешало мне сразу же найти её, сидящей на лавочке у фонарей. Она сидела с ровной спиной, руки на юбке, глаза закрыты, словно вот-вот растворится в окружающем мире. На ней лишь одно пальто, несмотря на то, что сейчас ночью ещё холодно, но она, кажется, этого не ощущает.

Заметив мои шаги, она медленно открыла глаза и улыбнулась красивой, чистой, словно ночное небо, улыбкой.

– Добрый вечер.

Её улыбка была настолько красива, что я не могла сказать и слова. Наверно, про это и говорят – аж дух захватывает. Сделав вид, что я ещё не отдышалась, я просто кивнула в ответ и села рядом, снимая шарф. Иначе я бы на неё так и продолжала смотреть.

Я никогда ещё не видела настолько красивых девушек. Нет, я много видела красавиц и просто красивых людей, но настолько красивых, что аж захватывает дух – нет.

Сделав специально глубокий вздох, я спросила её:

– Что случилось?

– Хотела поговорить, – ответила она и после небольшой паузы продолжила:

– Мы теперь можем осуществить пром.

– Понятно, здорово... – ответила я, успокоившись наконец. Я ведь так переживала. Вырвавшись из-под её необычного взгляда, я не нарочно вздохнула. Она усмехнулась, наверно потому что слишком громко получилось.

– Это благодаря тебе.

– Я же ничего... «Не сделала. Не смогла», – хотела, было, сказать я, но взамен отрицательно помотала головой. Она пристально смотрела на меня, но вдруг внезапно перевела взгляд вдаль.

– И, благодаря ему, – пробормотала она. Услышав это, я ощутила, как по телу прошла дрожь. Не в силах посмотреть на неё, я смотрю в землю.

– Нет, Юкинон, ты ведь старалась, – сказала я, то ли чтобы подбодрить её, то ли оправдать.

– Перестань, я всё понимаю, – на этот раз уже она отрицательно помотала головой.

– Опять я положила на других... – сказала она шутливым тоном, совсем не как обычно, по-взрослому, а прямо как ребёнок, что меня удивило. Я рефлекторно посмотрела на неё: она робко улыбалась, то ли стесняясь, то ли обманывая мой взгляд.

– Я понимала, как он поступит, но не остановила его, – подняв глаза слегка вверх, она смотрит вдаль. Я проследила за её взглядом, но там не было ничего, кроме многоэтажки.

– Но это тоже закончилось.

Вечерний город наполнен шумом, но её мягкий тонкий голос был слышен отчётливо, как свет из здания напротив. Он похож на мягко-красный свет фонаря, который тихо исчезает, растворяясь во тьме. Сильный ветер унёс её голос.

– Я всё честно сказала.

Развеваемые ветром, её длинные волосы, словно вуаль, закрыли лицо. Как только порыв ветра утих, она заправила волосы за уши.

Она улыбнулась.

Улыбкой, похожей на ветер весенней ночи, прямой улыбкой.

Улыбкой, которую я, наверно, всегда любила и люблю до сих пор.

Видя её, я осознала, что эти отношения закончились.

Глава 2. Однажды и к этим отношениям можно привыкнуть.

В спокойствии полуденного солнца⁶ я обедаю в привычном месте. Медленно, под фон звуков, издаваемых членами клуба тенниса. Сегодня прохладней, чем вчера, но в принципе на улице находиться не невозможно. С утра было холодно, а вот под обед уже можно было снимать пальто. До чего же приятно сидеть под лучами солнца, проникающими сквозь малооблачное небо.

Похоже, пора года в нашем городе выбилась из текущей поры года. Таким образом, мы постепенно приближаемся к весне.

Я же запикиваю в себя булочку, которая осталась в продаже в автомате, и заливаю её чаем. Удовлетворённо вздохнув, я положил голову на кулак и закрыл глаза под тёплым солнечным светом.

Наслаждаясь звуками ударов о теннисный мяч и голосом главы клуба Тоцуки, я вдруг услышал шурканье чьих-то ног о песок. Рефлекторно посмотрев на источник шума, я увидел там светло-коричневый пучок волос, связанный в «булочку». Юигахама, похоже, наконец-то заметила моё существование и подняла одну руку, помахав на уровне груди.

– О, ты чего?

– Заодно с напитком. На, – протянула мне Юигахама MAX Coffee и, придерживая юбку, села рядом. Я, конечно, взял тёплую баночку, но деть её было некуда.

– Э? Чего это ты? Это мне? Сколько с меня?

– Нисколько. Ты ведь меня вчера угостил.

– А, понятно. Тогда, спасибо.

– Ага.

Она что, пришла ради того, чтобы вернуть мне должок? Какая прилежная девушка. Я открыл баночку и отхлебнул немного.

Я кивнул, наслаждаясь сладким кофе, как вдруг ощутил на себе взгляд. Бросив взгляд вбок, я увидел там сидящую, поджав колени, Юигахаму, наблюдающую за мной. Её словно прогреваемый солнцем взгляд не давал мне успокоиться. Поэтому я нарочно опустил взгляд на список ингредиентов кофе. Что это за чувство счастья? Это из-за MAX Coffee? Может, там содержится опасный белый порошок в большом количестве? Да, как и думал, содержится! Называется сахар!

---

⁶ В оригинале строфа из хайку Ки-но-Томонори.

Пока я думал эти мысли, чтобы расслабиться, Юигахама начала разговор.

– Что с праздником? Когда будет?

– Эм... – сказал я, размышляя об ответе. Юигахама говорила об этом и вчера вечером. Получается, это одно из её пожеланий. По идее, этот праздник для Займокузы и двух ребят из клуба игр, а также для Миуры и Эбины-сан, которые помогали с проектом псевдо-прома. Но вряд ли Займокузе понравится с ними праздновать... Однако, раз Юигахама загорелась, я её останавливать не стану. Похоже, моё молчание было воспринято как согласие, и Юигахама начала что-то проверять в телефоне.

– Юмико и Хина сказали, что сегодня свободны, и я свободна, может, сегодня проведём?

– Про мои планы ты не спрашиваешь, да? – спросил я.

– Хикки, ну ты же сказал, что свободен! И завтра, и послезавтра, и после-послезавтра, и потом! – недовольно ответила Юигахама.

– Ну да.

Я сам себя загнал в ловушку, получается. Остаётся лишь опустить плечи. Нужно следить за своими словами! К тому же я не могу отрицать, что свободен.

– Значит, остаются чуни и те двое... – сказала Юигахама, намекая, чтобы я спросил их планы.

– Сегодня можно.

– Э? Точно? – удивлённо посмотрела на меня Юигахама. Я в ответ уверенно кивнул.

– Да, им наверняка нечего делать. Уж я-то знаю.

– Ну и самоуверенность...

Род занятий странного клуба игр мне до сих пор неясен, а про Займокузу можно даже не задумываться – у них наверняка ничего больше нет. Я тоже занимаюсь чем-то типа странного клуба, так что знаю, о чем говорю. Но Юигахама, у которой всегда есть какие-то планы, не может меня понять: она пялится на меня с недоверием.

– Если они не придут, из парней будешь ты один.

– Ужас какой!

Только цари могут наслаждаться так называемыми гаремами. На самом деле парню одному в среде девушек будет до тошноты плохо, пот будет литься, как холодный чай жарким летом, а под мышками – вообще не останавливаться. Хорошо, если бы они оставили

его в покое, но ведь если начнут проявлять вежливость, спрашивая, не плохо ли тебе, не жарко, то изо рта низвергнется Ниагара. В привычной клубной комнате к этому можно привыкнуть, обмотаться отмазками и демагогией, обмануть самого себя, но в незнакомой среде будешь чувствовать себя, как кот, которого сдали в прокат, сидеть как Будда.

Но вот если там будет ещё два парня из клуба игр и Займокуза... Внезапно Будд станет четверо!

Впрочем, говорят, что и голые ветви гору украшают. То есть лучше пусть хоть кто-то будет. Не знаю, что там будут думать Миура с Эбиной-сан, но, по крайней мере, мне будет спокойнее.

– Нужно будет подумать, как им это преподнести. Если просто взять и предложить – наверняка уйдут в глухой отказ.

– Разве? – Юигахама, так ничего и не поняв, смотрит на меня, озадаченно склонив голову вбок. Я же уверенно кивнул.

– Да, они ни за что не придут, если узнают, что там кто-то типа Миуры. Праздник с теми, кого первый раз видишь – та ещё пытка. Придётся всё время пялиться на часы и заказывать напитки. А ведь если сбежать в туалет – время будет идти ещё дольше! Я-то знаю.

– Слишком хорошо знаешь! Как будто сам пережил! – выкрикнула Юигахама, а я пропустил это мимо ушей, поглаживая подбородок.

– Проблема в том, что они не знакомы непосредственно.

– А, ну это... Да... – медленно сказала Юигахама, похоже, она что-то осознала. Я понимаю, что Миура – хороший человек, но при первой встрече я просто сморщусь под этим давлением. Я и до сих пор сморщиваюсь!

Но для тех, кто уже привык, это совсем не проблема. Юигахама хлопнула в ладоши, повернулась ко мне и начала рассказывать, двигая пальцами:

– А, чуни же знает Миуру и Хину! Если он поможет...

– Проблема в том, что они не знакомы непосредственно.

– Ты повторяешься!

– Дурочка, даже я не уверен, что знаком с ними непосредственно. А для Займокузы они дальше незнакомых людей. К тому же Займокуза уж точно ничем не поможет.

– Ну, тогда... Удачи, Хикки! – Юигахама сжала кулак, показывая видом, мол, постарайся там! Я неровно улыбнулся, смотря на её наивную улыбку. Хотя, что же мне делать...

Зачем она пытается свести меня с существами, живущими в другой среде обитания? Что будет при встрече Миура-ионцев и Рабо-мокузы? Колизей? Ты что, не учила историю, не знаешь из многочисленных примеров, что это приведёт лишь к кровавой бойне? Впрочем, я из племени Рабов, придётся повиноваться приказу империи Гахама.

– ... Ладно, что-нибудь придумаю. А где, что мы будем делать?

– В караоке пойдём, наверно, – задумавшись и смотря в небо, сказала Юигахама, после чего вопросительно посмотрела на меня. Я задумался ненадолго.

– Понятно... Тогда что-нибудь придумаю, – сказал я, думая, под каким соусом их выманить.

– Я подойду после уроков.

– Ага, хорошо, – Юигахама кивнула и снова подобрала под себя колени. Она оказалась всего на пару сантиметров ближе ко мне. Придерживая пушистые на вид волосы, она заправила их за уши. Я же посмотрел на неё сбоку, сжимая холодными пальцами всё ещё тёплую баночку кофе, и сделал пару сладких глотков.

По идее мы уже закончили разговор о празднике, но не похоже, что Юигахама собирается уйти. Впрочем, погода хорошая, да и это место не лично моё. Я совсем не против, если она посидит тут немного.

Чтобы немного успокоиться, я посмотрел в сторону теннисного корта. Сейчас уже нет стука мячей, и клуб уже расходится. Похоже, после занятий у них времени нет, поэтому выглядят они несколько страшно, но среди них я обнаружил одну выделяющуюся личность. Тоцука Сайка, словно богиня луны из греческих мифов, Pretty & Cure глава клуба Тоцука Сайка. Прощай!

Я слегка махнул рукой вспотевшему Тоцуке с теннисным рюкзаком на спине. Тоцука это заметил и махнул мне рукой в ответ.

Как же классно обмениваться такого рода незаметными для посторонних знаками... Например, едва заметно кивнуть, как возлюбленный, стоя слегка поодаль на концерте известной сейю, пока всё вокруг залито светом прожекторов и разными голосами через микрофоны. Это что же, мы почти что пара? Не, посторонние люди...

Тоцука заметил меня и Юигахаму и, что-то сказав идущему рядом парню, побежал в мою сторону. К тому же Юигахама широко машет рукой.

– О, Сай-чан, ях-хало!

– Ага, ях-хало!

Слегка запыхавшись, Тоцука широко помахал в ответ и улыбнулся мне. Прекрасное приветствие! Я поражён великолепием японского языка. Или это не японский? Что это вообще такое, «ях-хало», – глубоко задумался я, когда Юигахама издала восхищённый звук.

– Ты из клуба? Ого, как ты похудел!

– Я? М, не знаю, со стороны наверно лучше видно, – улыбнулся, подразумевая замешательство, Тоцука, и Юигахама отрицательно помахала рукой, сделав серьёзное лицо.

– Да точно говорю, Сай-чан, ты очень похудел. Нужно тебе побольше мышечной массы, а то нечестно получается.

– Нечестно?.. – улыбнулся Тоцука, и Юигахама тыкнула ему пальцем в бок.

– Ай, хватит...

– Смотри, какой тонкий. Хикки, смотри!

Тоцука пытался уклониться, но Юигахама, не обращая ни на что внимания, взяла мою руку. Э? То есть мне тоже можно пощупать его? Я протянул было руку, но...

– Хачиман... Хватит... – смотрит на меня с влажными глазами в поисках спасения Тоцука. В этот миг я не смог ничего сделать. Мою грудь пронзила стрела... Нужно сменить тему разговора, значит!

– Тоцука, а ты сегодня вечером свободен?

Тоцука склонил голову вбок, он явно не ожидал такого вопроса. Юигахама тоже смотрит на меня вопросительно.

– Мы собираемся в караоке. Помнишь, я теперь про пром рассказывал? Вот будем праздновать его успех.

Я Тоцуке рассказывал про псевдо-пром. Можно сказать, что благодаря Тоцуке я решился рассказать обстоятельства и подробности. За это я его до сих пор не поблагодарил, поэтому я бы хотел видеть Тоцуку сегодня.

– О, точно! Сай-чан, давай с нами! – хлопнув в ладоши, сказала Юигахама, и Тоцука задумался, ему явно было сложно отказать.

– ... Разве что после клуба.

Я утвердительно кивнул Тоцуке, который был слегка в замешательстве.

Раздался звонок, информируя о конце обеденной перемены.

– Пойдём в класс, – сказала Юигахама, встала и стряхнула пыль с юбки. Я встал вслед за ней и осушил банку, которую держал в руке. По дороге в школьное здание я избавился от остатков булочки и пустой банки и спрятал замёрзшие пальцы в карманы.

Теперь у меня есть на сегодня планы. Сначала мне было не по себе от этого праздника, но теперь уже легче.

***

Весеннее солнце стремится к закату, заполняя своими лучами коридор. И лишь шаги двух человек звучат в этом тесном пространстве, где больше нет никого. Это Юигахама почему-то увязалась за мной, ускорив шаг, чтобы идти вровень со мной. Зачем она идёт со мной? Но спрашивать её я прямо не стану.

– А Чуни тоже в клубе? – спросила Юигахама.

– Наверно, – дал я неясный ответ. Займокуза и двое из клуба игр должны были следить за сайтом и аккаунтами в соцсетях. Я же, по идее, должен доложить об окончании этой миссии и как нельзя кстати пригласить их на праздник.

По мере приближения к особому корпусу шум школьного здания удаляется, и мы, наконец, подошли к тихому углу, за которым находится клуб игр.

Я без стеснения открыл дверь клуба, где сразу же нас заметил Займокуза и подошёл встретить.

– О, Хачиман, ты пришёл. Ях-хало, – развевая своим тренч-плащом, Займокуза поздоровался высоким голосом. За ним подтянулся младший брат Сагами, поправляя очки, и Хатано кивнул в знак приветствия, придерживая свои очки.

– Ях-хало!

– Здравствуйте, ях-хало.

Прекрасное приветствие, ничего не скажешь. Мне очень даже нравится, но вот из-за спины, как мне кажется, доносится недовольное сопение.

– ...

Посмотрев назад через плечо, я увидел... ох... У тебя пугающий взгляд, Гахама-сан... Она смотрит частично ледяным взглядом, надув щёки.

– Хикки... Скажи им, чтоб не делали так, – дёргая меня за рукав, низким голосом сказала Юигахама. А вот Тоцуке она такого не говорила... Я понимаю, Тоцука ведь милашка! А вы – нет.

Я махнул рукой, чтобы её успокоить, и подвинул к ней стул. Юигахама медленно села, а следом я взял стул себе и тоже сел.

– В общем, сегодня разговор у нас есть, – начал я, и ребята из клуба и Займокуза повернулись ко мне.

– Я пришёл сообщить, что с вашей помощью пром удалось поставить на рельсы. Хотя это было и недолго, но спасибо за ваш упорный труд. Благодарю, – я поклонился в знак благодарности, то же сделала и Юигахама.

– Значит, с этого дня план псевдо-прома окончен.

На какой-то момент брат Сагами и Хатано удивились, но тут же улыбнулись и вздохнули.

– Вот как.

– Круто.

– Значит, с этим делом покончили!... Подумал было Ёшитеру, – начал было что-то говорить Займокуза, но я кашлянул, не обращая на это внимания, и сделал серьезное официальное выражение лица.

– С сего момента исполнительный комитет прекращает свою работу и приветствие «ях-хало» запрещено, – сказал я, и комната погрузилась в тишину. Через несколько секунд я услышал, как очки у брата Сагами и Хатано упали.

– Э?..

– Как же так?

– Чем вы недовольны?

Юигахама посмотрела на сидящих напротив ребят из клуба игр и устало вздохнула. Из-за этого приказа настроение упало, но я решил продолжить. Замешательство – лучший момент для обмана! Теперь, когда они расстроены, у меня есть шанс!

– Так что пойдём в караоке.

Аллё, мам, ма-ам, я с ними спокойно заговорил. В ответ ребята из клуба игр повернулись ко мне с тяжёлым взглядом.

– С кем?

– С друзьями?

– У Хачимана нет друзей.

– Кто бы говорил.

И только Займокуза ведёт себя как обычно, хоть и говорит что не следует. Даже на мой немедленный ответ он только посмеялся: «Му-ха-ха-ха!» – и улыбнулся, как победитель.

– О, так Чуни не дружит с ними... – удивлённо сказала Юигахама, хех... Но ещё в её голосе слышалось абсолютное безразличие. Услышав это, ребята из клуба игр удивлённо на нас посмотрели.

– Э?

– Что?

Чему вы удивляетесь? Неужели это настолько странно, что Займокуза не друг? В этой ситуации стоило бы радоваться. Я посмотрел на них с удивлением, а брат Сагами и Хатано бормоча: «Эти люди...», «Ну и ну...», – опустили плечи. Похоже, они в шоке из-за того, что Юигахама не помнит, как их зовут, даже очки упали.

Да, понимаю. Из-за недавнего отношения к Гахаме как к принцессе вам могло показаться, что вы немного подружились... Более того, поскольку и меня она зовёт «Хикки», но ни разу не произнесла моё полное имя, то теория о том, что она его не помнит, подтвердилась.

– Да ладно вам, пойдём в караоке.

Понимая, что нужно принять решение, пока они утратили способность мыслить здраво, я выдвинул внезапное предложение. Хатано и брат Сагами нахмурились, а очки упали, как у Кавабаты «Химика» Канаэмэ.⁷

– Э? Сейчас? Какой-то он странный, так внезапно людей приглашать, – похоже, брат Сагами отошёл от шока, поправив свои очки.

⁷ - Кавабата «Химик» Канаэмэ

– По-моему, он немного опасный.

– Это по-твоему «немного», что ли? – вмешался Займокуза. Эти трое атакуют мои человеческие качества! Как вдруг вмешалась Юигахама, словно и не слыша, о чём мы говорили.

– Это будет что-то типа праздника. А у вас есть планы? Мне сказали, что у вас сегодня ничего нет, – сказала Юигахама, смотря на них с прохладой. Её взгляд явно говорит, мол, не пойдёт так дело, не пойдёт, и давит на меня коленом под столом. Трусиха! Как та белолицая совка из Африки⁸ пред лицом врага.

Пока я думал, чего такого хитроумного сказать, я заметил, что Хатано и брат Сагами сняли очки и протирают их.

– Ну, раз уже всё решено, то так уж и быть.

– Эх, ну, планы можно и подвинуть, – сказал он и, спрятав слегка покрасневшие щёки, опять безучастно нацепил очки. Голос был немного неуклюжим, словно он дозвонился в радиопередачу к сейю.

– Правда? Здорово! – сказала Юигахама, широко улыбнувшись, и Хатано с братом Сагами поддакивали ей, едва открывая рот.

«Эй, мальчики! Почему вы только с Юи себя так ведёте», – подумал было я спросить их, но, поскольку я в точно таком же положении, и легко представить, что на их месте я повёл бы себя примерно так же, поэтому я могу лишь молча страдать.

– Караоке... Ну, тоже можно. Значит, нам нужно хикаримono⁹? – медленно произнёс Займокуза, и двое кивнули ему. А Юигахама немного запаздывает.

– Хикаримono... А, суши которые?

– Нет.

И почему ты говоришь с таким видом, будто поняла, о чём речь? Ставриды в селёдке – это ведь жуть, что за ритуал такой? Я не понимаю. Я бы сообщил об этом куда следует и немедленно ретировался. Само собой, брат Сагами и Хатано это всё понимают и без моих объяснений.

– У меня сегодня с собой фоника нет...

– В Дайсо можно будет люм купить.

---

⁸ <https://www.youtube.com/watch?v=2-GFZ4bdSiQ>

⁹ Юигахама подумала о суши, а парни говорят о прямом значении – «светящийся объект».

Юигахама озадаченно смотрит на них. Так, с ней говорить только общеупотребительными словами!

– Фоник? Люм?

– Фонарик и люминесцентные палочки.

Почему-то многие отаку по части сейю называют люминесцентные палочки «люм», а отаку по части кукл – «сай», от Syalume.

К тому же они собираются брать в караоке... Нет, я периодически слышал о таких людях. Которые арендуют комнату для вечеринки и организуют там лайв-ивент. На самом деле отаку хорошо совместимы с караоке, так что ничего удивительного тут нет. Если копнуть историю DAM¹⁰, то можно найти большую часть не только песен прошлого века, но и всех связанных с аниме мелодий; можно даже сказать, что караоке – это развлечение для стариков и отаку. Одно из лучших решений для развлечения дружной компанией. Проблема только в том, что компания сегодня не просто не дружная, они даже имён друг друга не знают. Хотя смотря, как эта троица уже обсуждает, что бы они хотели сделать и так далее, я не могу утверждать это точно. Но они же не пойдут, если я им скажу это! Пожалуй, стоит покинуть это место, прежде чем кто-нибудь проболтается. Мы с Юигахамой переглянулись, мол, пора бы уходить, и встали.

– Мы поищем караоке, как что найдём – я вам напишу.

– Пока!

Мы с Юигахамой покинули клуб... точнее говоря, собирались, но нас остановил один из очкариков. Я повернулся.

– Ой, погодите. А этот сайт уже можно удалять? – брат Сагами спросил, сидя за компьютером перед открытым сайтом нашего псевдо-прома. Он был создан с одной целью – в качестве разменной фигуры, чтобы Юкиношита смогла реализовать пром, поэтому его миссия уже завершена. Больше нет нужды за ним следить. Скорее, его лучше удалить, чтобы никого не путать. Всё, что там написано и что не написано – со всем покончено. Значит, можно всё удалить. Нет, нужно как можно быстрее стереть.

– ... Ну да. Спешки уже нет, поэтому как будет время, удалите, – сказал почему-то я. Даже если не удалить его прямо сейчас, он самозахоронится в пучинах сети и исчезнет, не обнаруженный никем. Однако для меня это всё равно, что уничтожить память о тех нелогичных временах, судящих меня самого, поэтому у меня в словах была нерешительность.

---

¹⁰ DAM - Daiichikosho Amusement Multimedia, точнее их популярная серия караоке-машин.

Грустно усмехнувшись своей собственной привязанности к прошлому, я вздохнул, словно презирая самого себя. Хатано и брат Сагами переглянулись, не понимая, как толковать мой вздох, и утвердительно кивнули. Я им сказал «до встречи» и ушёл, повернувшись спиной к красивым девушкам на фоне заката у моря.

***

Уроки закончились, и я вяло шагаю по безлюдному коридору.

Ученики, которых было так много в обед, уже разошлись кто по клубам, кто домой, и школа теперь обезлюдела. Мы с Юигахамой покинули клуб игр и разговаривали о том, в какое караоке пойти, пока не дошли до ученического совета. Как вдруг дверь открылась, и девушка с короткими соломенного цвета волосами, президент Ишики Ироха вышла оттуда, а за ней и остальные члены учсовета. Среди них была и девушка с длинными чёрными волосами, и Юигахама побежала прямо к ней.

– О, Юкинон! – Юигахама широко машет ей рукой и, словно падая, обнимает её, а Юкиношита принимает её объятия, хоть и в замешательстве.

– По поводу вчерашнего: похоже, до конца весенних каникул.

– Тогда всё нормально. Во второй части времени будет достаточно, – ответила Юкиношита, отрывая от себя трущуюся щекой Юигахаму. Судя по тому, что я услышал, они, наверно, разговаривают о планах на весенние каникулы или что-то вроде того, поэтому мне неловко туда вмешиваться.

Из-за того, что я остановился, оставшись один, у меня появилось время подумать. Я думал, каким образом мне поступить, чтобы выглядеть естественно, понимая, что просто стоять – не вариант, и постепенно пошёл вперёд.

Из-за этого Ишики меня заметила и удивлённо посмотрела на меня.

– О, семпай, вы были вместе?

– Ага. Хорошо поработала, – сказал я и попал в край поля зрения Юкиношиты, то есть наши взгляды встретились. Но ненадолго: Юкиношита моргнула, и я отвернулся слегка вбок. В итоге получилось так, что я повернулся прямо к Ишики.

– Всё хорошо? – спросил я. Ишики удивлённо застыла на миг и моргнула два-три раза.

– Ну-у, как тебе сказать... Как? – Ишики слегка улыбнулась и перевела стрелки на Юкиношиту.

– А-а, да... – Юкиношита хоть и удивилась внезапному повороту, ответила, почти не открывая рот. Поправляя чёлку, она прикрыла глаза, словно о чём-то думая.

– Не сказать, что начало положено идеально, но серьёзных проблем на данном этапе нет, – пространно ответила она, и мы с Юигахамой переглянулись, словно спрашивая, так что это значит?..

– В общем, нормально, – дополнила Ишики, стараясь закрыть пробел в разговоре, натянуто улыбнулась и опустила плечи. Теперь понял, хоть это было и не просто. Значит, не хорошо и не плохо. Я частично получил ответ на свой вопрос, в отличие от Юигахамы. Она потрясла руку Юкиношиты, за которую всё ещё держалась.

– Юкинон, грубое объяснение! Неумелое!

– И-извини. Я не была уверена, что сказать, поскольку нельзя сказать, что у нас всё хорошо... – сказала Юкиношита, и её лицо зарумянилось, и она стыдливо опустила взгляд. Ещё быстрее поправила чёлку, так что эмоции на её лице увидеть не удалось.

– Очень прямо! Но это на тебя похоже, Юкинон, – Юигахама улыбнулась и ещё сильнее прижалась к её руке. Юкиношита едва слышно пробормотала: «Ты очень близко...», – словно сдавшись, но это ничего не изменило.

Видя этих двух девушек, ведущих себя как обычно, как ранее, даже в некотором роде ставших ближе, я успокоился.

– Похоже, всё будет хорошо, – обронил я, и Ишики сделала странное выражение лица.

– Пока что можно сказать и так, но ещё много чего неизвестно, – сказала она и слегка наклонила голову вбок, прося подтвердить свои слова.

– Я постараюсь сделать всё вовремя, – сказала Юкиношита и слегка натянуто улыбнулась.

– Вот как-то так, да.

– Хм-м. Ну, не старайтесь сделать невозможное.

– Не-не, мы же знаем, как стараемся! Иначе не успеть. Нам очень нужна помощь, честно говоря! – сказала Ишики и бросила взгляд на Юкиношиту. Но та ответила не сразу, а приставила руку ко рту, задумавшись.

– У нас действительно гора дел сегодня и завтра, из-за чего на нас возрастёт нагрузка... Но я думаю, что мы в состоянии справиться и без посторонних. Потому что Ишики-сан хорошо работает, – степенно пояснила Юкиношита и под конец улыбнулась ей, из-за чего щёки Ишики слегка покраснели, и она ничего не ответила.

– Ну, сегодня уже всё, конечно, но завтра если что надо – говори.

– Правда?!

– Ишики-сан, у нас завтра техническая репетиция, поэтому работ, требующих много рук, нет.

– Вот как...

Я и Юкиношита посмотрели на Ишики. Ишики неловко подняла одну руку.

– Эм, вообще-то я не переводчик...

– Извини, я не силён в японском. Вряд ли я бы смог поговорить с японцем.

– Не в словах проблема, точно тебе говорю! А в навыке общения! Тут даже подбор слов ничем не поможет! – раздражённо сказала Юигахама. Как грубо, я ведь в позитивном смысле. Уверен, я бы смог кривой улыбкой и стекающими со лба потоками пота сказать любому человеку в этом мире: «Хочу домой».

Я пустил потоки пота со лба и криво улыбнулся, а Ишики в ответ устало опустила плечи.

– Ну, раз так, то ничего не поделать... И Юкино-семпай не умеет нормально разговаривать, – сказала она. У Юкиношиты дрогнула бровь.

– Ишики-сан, ты кое-что путаешь. Есть мнение, что обращаться напрямую к человеку с социальным положением выше тебя невежливо. Ты этого не знала?

– Э? Ох, какая страшная...

Смахнув волосы с плеча, Юкиношита улыбнулась Ишики, из-за чего та вздрогнула. А-а, да, есть такая культура! Понятненько! В наше время тоже существуют ранги среди людей. С медалью высшего члена общества можно делать почти всё, что хочешь, – понял я для себя.

– А, нам пора бы уже в спортивный зал... – осторожно сообщила идущая слегка позади секретарша.

– Да, извини, – извинилась Юкиношита и выскользнула из руки Юигахамы.

– Нам уже пора... До встречи.

– Ага, пока! – Юигахама слегка махнула рукой, и Юкиношита кивнула в ответ и пошла, показав рукой Ишики и всем оставшимся, что пора выдвигаться. В этот момент Ироха подбежала ко мне, положила руку на плечо и, опёршись на него, пододвинулась к моему уху.

– Помоги нам в тот самый день, ладно? Хотя, как по мне, то мог бы каждый день приходить.

– Если буду свободен.

– Ты наверняка каждый день свободен! Мог бы прямо сказать, что поможешь. Какой ты зануда.

Я слегка отодвинулся от её сладкого дыхания под ухом, и Ишики недовольно надула щёки. Что-то бормоча под нос, она пошла догонять свою компанию. Я проводил её взглядом и направился в сторону лестницы.

– Хорошо, что пром пройдёт как надо, – весело сказала Юигахама.

– Ага, – ответил я и задал сам себе вопрос: а пройдёт ли всё как надо, смогут ли они сделать всё как следует? С каждым шагом расстояние между нами увеличивается, и уже пройден тот предел, где наши взгляды могли бы встретиться.

Эти отношения существовали только благодаря тому, что существовала специальная особая среда обитания. Естественно, что расстояние между мной и Юкиношитой изменилось после того, как изменились эти обстоятельства.

Уверен, что точно так же, как я привык к тому времени и среде, мне однажды не будут казаться странными и эти нынешние отношения. Уверен, я привыкну привыкать друг к другу до предела и расставаться вновь.

Прелюдия.

После моих слов она устало вздохнула.

– Ясно... – пробормотала она и замолчала. С наступлением ночи ветер становится всё холоднее и холоднее. Слушая, как шелестят ветви и листья деревьев, я рефлекторно обняла сама себя.

Возможно, холодно мне стало не только из-за ветра, но и из-за недолгой тишины. Я посмотрела на неё, ожидая её дальнейших слов, и внезапно наши взгляды встретились. Она улыбнулась в ответ и пододвинулась ко мне поближе.

– О чём говорили? – ласково спросила она. Её круглые глаза шаловливо дрожали, смотря на меня снизу вверх. Её взгляд был ласков, хотя и без любопытства, – глубоко в её глазах был рациональный свет. Словно изо всех сил стараясь этот свет скрыть, её глаза увлажнились. Я ничего не могу поделать с тем, насколько я люблю её доброту.

Я не думаю, что смогла бы обмануть её под этим взглядом. Как и тогда, когда я говорила ему, я решила сказать прямо, без лжи и обмана.

– Сказала, что было весело... Это был первый раз для меня, когда я провела год с ним и с тобой, поэтому многого не знаю, но было очень... весело, – сказала я, хоть и в этих словах не было какого-то смысла, но она опустила взгляд вниз, закрыв глаза и кивая головой после каждой фразы.

– Я с тобой согласна. Странно, похоже, что это уже конец, – сказала она, наконец подняв голову. Но в её словах была грусть, несмотря на улыбку, поэтому я неосознанно опустила брови.

– Да, потому что это последний раз.

– Э? – переспросила она, но ни на лице, ни в тоне голоса не было удивления. Само собой, потому что, я думаю, мы с самого начала зимы осознавали конец.

– Я о соревновании. Оно закончилось.

Её лицо потухло, словно выключенная лампочка.

– Не нужно заканчивать всё самостоятельно. Я ведь не хочу, чтобы всё... кончилось...

– Извини. Извини, но я хочу закончить, – сказала я слабым тоном, не в силах держать себя в руках. Можно было бы подобрать другие слова, но это сложно было передать безо лжи, не говоря напрямую. Взамен я сжала её руку.

– Поэтому я хочу хотя бы исполнить твоё желание. Потому что то, чего хочешь ты, хочу и я.

– ... Не хочу я этого, – она сжала мою руку в ответ. Не сильно, но её тепло мне передалось. Она подняла голову, посмотрев прямо мне в глаза, моргнув длинными ресницами.

– Я хочу всё. Как и раньше, всё.

Это её слова, сказанные в тот снежный день. Наверно, эти слова двигали меня всё это время. С тех пор, как я их услышала, с тех пор, как он их отверг...

Я думаю, это наша общая мечта для меня, для неё и для него. Эти дни были счастливыми, настолько, чтобы о них мечтать. Но именно поэтому я и понимаю, что исполнить её желание в этом виде сложно.

– Точно как раньше не получится, но что-то похожее будет, – пробормотала я, считая, что это будет правильно, веря, что это должен быть правильный финал.

– Уверена, он всё исполнит.

Единственный человек, которого я могу назвать другом. Она такой человек, что хочет этого. Поэтому мне стало неловко от таких эгоистичных сантиментов, и я просто смотрю на неё.

– Ну, не знаю... – она склонила голову вбок и озадаченно улыбнулась, потрогав булочку волос на голове.

– Он если и исполнит, то очень странным способом. Честно говоря, сложно на него положиться в этом, – сказала она, и я улыбнулась. Да, так оно и есть, если подумать, опираясь на прежний опыт. Но всё же он выполнил чужие желания способами, о которых мы даже не думали или даже не хотели бы. Я вспомнила короткий рассказ, который читала когда-то давно.

– Понимаю. Как обезьянья лапка¹¹.

– Обезьянья? Почему? – она склонила голову вбок, моргая. Я слегка улыбнулась, так мило это выглядело.

– Забудь. Суть в том, что он странный и не открытый.

– Вот-вот. Можно ведь поступать нормально, а у него постоянно такие странные методы, – устало сказала она, и я тоже улыбнулась.

– Да-да. Подумал бы о нас.

---

¹¹ Роман Уильяма Джексона «Обезьянья лапка» ("The Monkey's Paw").

– Точно.

Мы посмеялись, но внезапно в груди заболело. Из-за того, что я осознала, что мы больше не увидим его чудаковатых методов, смех внезапно прекратился.

Ей, похоже, показалось это странным, и она вопросительно посмотрела на меня. Я слегка помотала головой, мол, ничего такого.

– Пойдём куда-нибудь на весенних каникулах? – предложила я нечто, казалось бы, не связанное с разговором, и постаралась улыбнуться. Я и сама понимаю, что выгляжу неестественно, неловко, неумело, но с завтрашнего дня нужно будет улыбаться лучше.

На самом деле я даже не понимаю, какое выражение лица нужно сделать, не могу решить, смотреть ли ей в глаза, нет ни капли уверенности, что смогу разговаривать естественно, да и ни одной повседневной темы для разговора на ум не приходит. Даже не могу вспомнить, как я вела себя раньше.

Но это неважно.

Наверняка я смогу стать более умелой.

Глава 3. Наверняка есть пора года, которая в памяти всплывает при каждом вдохе этого запаха.

Комната в караоке около станции.

Через стену слышны басы соседней комнаты. Я посмотрел на потолок, прижавшись затылком, из-за чего басы стали ещё более отчётливыми. К тому же больше ничего не слышно.

Странно, ведь в этой комнате находится семь человек. Комната соответственно не маленькая, но ни мелодий, ни разговоров не слышно, только вздохи, прихлёбывание напитков и всё. Кроме этого можно заметить только звук стучащего пластика. Это Миура Юмико недовольно стучит пальцем по смартфону. По бокам от неё сидят Эбина Хина-сан и Юигахама, а чуть дальше от Юигахамы на П-образном диване – я, Займокуза, брат Сагами и Хатано. Я чувствую себя Моисеем, сидящем на границе парней и девушек, но из-за этого мне видно всех. Недовольная Миура, безучастно выглядящая Эбина-сан и неловко улыбающаяся Юигахама. Напротив – Займокуза и двое из клуба игр не знают, куда деть взгляд, и смотрят по сторонам.

По идее, мы должны бы праздновать успех псевдо-прома, но в этом помещении нет ни капли веселья, мы мыслями где-то в другом мире.

Мы вроде бы нормально общались в клубе игр, а сейчас – гробовая тишина. Чего вы такие грустные? Какими-то угнетающими наркотиками закинулись, что ли? Что-то не то съели?

Впрочем, если учесть, что они видят друг друга впервые, ничего удивительного. Мы, люди, смотрим на новых знакомых сверху вниз, но вот по отношению к девушкам мы начинаем робеть. В моём же случае та же ситуация и при второй, и при третьей встрече, вечный новичок на работе.

В итоге они так ни разу и не сказали ничего при Миуре и Эбине-сан.

В этой тишине, где никто не поёт, Юигахама дёрнула меня за рукав.

– Х-Хикки... Как-то неловко... – прошептала она мне на ухо. Её сладкий шепот и цитрусовый запах немного стесняют меня.

– Вот-вот, – согласился я, как, наверно, не соглашался никогда в жизни, и согнулся. Мне же стыдно! Что ты делаешь при людях! Смотри, Миура и Эбина-сан посмотрели в нашу сторону. Но так-то я не против, только давай в другой атмосфере.

Под давлением взгляда Юигахамы я отодвинулся. Она на секунду сделала подозрительный вид, но сразу поняла причину моего поведения и стыдливо отвела взгляд.

Всё, теперь можно успокоиться. Я облегчённо вздохнул, но Юигахама опять дёргает меня за рукав, но уже гораздо слабее, и пододвинулась ко мне снова. Зачем?..

– Хикки, сделай что-нибудь...

– Что я тут сделаю? – сказал я, спокойно, но, криво улыбнувшись, отцепил пальцы Юигахамы и слегка отклонился вперёд, сев в позу Гендо¹². Если такой шут, как я, начнёт публичное представление, ничего это не изменит. Буду, как великий Ёкодзуна¹³: останется только врезать Займокузе и уйти.

– Кстати, а как ты им объяснила?

– Э? Караоке с Хикки и что-то такое, – сказала она словно само собой разумеющееся, слегка склонив голову.

– И они после этого пришли? Миура, оказывается, безгранично добрая девушка...

– Хикки, а ты ведь чуням ничего не сказал.

– Они бы не пришли.

Даже сейчас Займокуза, брат Сагами и Хатано прожигают меня взглядами. Но нельзя же вечно так сидеть... Я протянул руку за пультом от караоке, как вдруг её схватили уже с другой стороны... Это Займокуза – он смотрит на меня взглядом брошенного щенка огромных размеров.

– Х-Хачиман...

– Помолчи, Займокуза, не мешай, сиди тихо.

– Куда уже тише? Я же ни слова не сказал! Тут ужасно неловкая атмосфера! – тихо сказал Займокуза, но я его всё-таки расслышал, наверно, потому что у него зря пропадающий

¹² Поза Гендо:

¹³ Борец сумо.

хороший тембр голоса. Поэтому и Хатано, и брат Сагами осторожно повернулись в мою сторону.

– Вот уж точно. Это что, всеночная? Уверен, спроси у ста человек – 108 подтвердят.

– С налогами¹⁴, что ли?

– Опять растут, кстати.

Хатано и брат Сагами с постными лицами тихо согласились. О, смотрите, на два человека больше, теперь вас 110, опять налоги выросли!

Но это продолжалось недолго, поскольку тяжелая атмосфера комнаты заглушает все смешки. Сухие улыбки сменились вздохом, и парни посмотрели напротив. Миура сидит, сложив ноги одна на другую и слегка покачивая ими. Даже не пытается скрыть скуку – играет со своими кудряшками. Парням от этого стало ещё хуже.

Но хоть её поведение и кажется на первый взгляд вызывающим, с определённой точки зрения её можно назвать доброй. Её поза явно испускает ауру, запрещающую с ней заговорить, поэтому вопросов, как с ней себя вести даже не возникает.

Но Юигахама переключила на неё внимание, пододвинувшись к ней поближе. Она прислонилась к Миуре и начала что-то искать на пульте от караоке.

– Юмико, что ты будешь петь?

– М... – трудно было не реагировать на Юигахаму, которая толкнула её плечом, поэтому она вяло ответила и опустила взгляд на пульт. Постепенно их лица стали ближе, и настроение Миуры улучшается. Она усмехнулась и шлёпнула Юигахаму по бедру. Какой благородный пейзаж: девушки весело общаются. Ну, Юигахама занялась Миурой, значит проблема вот тут. Я мельком глянул на Эбину-сан. Она вроде бы и с нами, но её улыбка непроглядна, а эмоций в глазах не видно. Люди, ведущие себя как взрослые – это жуть, никогда не понимаешь, о чём они на самом деле думают. Я уж было начал переживать, как вдруг она заговорила.

– А Клуб игр чем занимается, в игры играют?

– А, да, – робко ответил, дрогнув, Хатано. Брат Сагами ничего не произнёс, а просто энергично кивнул. Увидев реакцию, Эбина-сан улыбнулась и продолжила.

– Хм... А какие игры, например?

– Ну, настольные игры.

– Настольные... Я тоже иногда играю.

---

¹⁴ 8% - примерный налог НДС в Японии.

– О, правда?

– Они довольно популярны.

– Ага.

– Оборотень, например.

– Понятно.

– И про лабиринты ещё

– А-а.

По сути, Хатано и брат Сагами просто поддакивают Эбине-сан, прямо как популярные в 90-х подпевания фраз в песнях. Благодаря страданиям Эбины-сан формальное общение более-менее налажено, но атмосфера всё равно стоит напряжённая. Я кожей ощущаю, как атмосфера постепенно становится менее тяжёлой.

Я посмотрел в сторону Займокузы – он сидит с раскрытым ртом, как золотая рыбка, то закрывая, то открывая его. Понимаю, понимаю – появляется чувство, что не хватает кислорода. Я посмотрел на него, и наши взгляды на какой-то миг встретились.

– Это не проблема?

– Проблема.

– Стоит продолжать разговор?

– Добьёшься только боли, – мы перебросились парой слов, едва шевеля голосовыми связками, и умолкли вновь, согласившись друг с другом глубоким вздохом. В чём-чём, а в тишине мы с Займокузой профессионалы. В странном собрании, похожем на групповое свидание, можно только сидеть, прикрыв глаза, и ждать, пока всё закончится.

– Круто, настолки – это весело. А чем ещё занимаетесь? – слегка улыбнувшись, спросила Эбина-сан. Хатано и брат Сагами переглянулись и их очки сверкнули. Займокуза, увидев это, испуганным тоном очень тихо прошептал: «С-стой!» – едва заметно махнув рукой, из-за чего его посыл не достиг ребят из клуба игр. Брат Сагами слегка поправил очки.

– Мы не ограничиваемся самыми ходовыми играми, такими как Catan и Scotland Yard. Часто играем шахматы, сёги и реверси. А если не хватает компонентов – можем играть в игры наподобие паззлов, развивающих нестандартное мышление.

– Конечно, мы часто бываем в Gamers, и покупаем новые игры. А ещё TRPG. Из последних – CoC, ну, который Call of Cthulhu. Наша основная цель – дизайн, поэтому мы не играем во всё подряд. Если интересно – в клубе очень много игр, которые можно играть прямо сейчас, –

сказал Хатано, поправив очки. Его неловкие ответы до сих пор по сравнению с этим полноценным предложением кажутся нереальными.

И почему мы такие разговорчивые, когда дело заходит о чём-то, в чём мы разбираемся? Стоит только собеседнику показать брешь в обороне, намекнуть, что он тоже хоть немного, но интересуется этим же вопросом, как мы начинаем загружать собеседника своими монологами. Дурная привычка.

Ребята из клуба игр задрали нос и довольны, а я и Займокуза схватились за головы от стыда. Но Эбина-сан... Похоже, она понимает, из какого теста мы сделаны, и не просто поддакивает.

– Ага, – говорит Эбина-сан, слегка улыбаясь. А вот Юигахама и Миура сидят с раскрытыми от удивления ртами.

– Как быстро он говорит...

– Ого...

Они говорят мало слов, но по их лицам явно видно, что они в шоке. А в случае с Миурой это явно видно из её позы. Может, не надо так?

Хатано и брат Сагами заметили это, натянуто улыбнулись, чтобы скрыть смущение, и опустили головы. В результате атмосфера в комнате начала опять ухудшаться. Похоже, тут всё закончится. Как вдруг в дверь постучали. Это наш заказ принесли? Я посмотрел на дверь, и она нагло открылась без нашего вмешательства.

– Уи!

– Йей! – это Тобе Какеру влез без стука, вскрикнул, и за ним красивым голосом повторил Тоцука Сайка. Они вроде бы сказали почти одно и то же, но почему у Тоцуки так мило получилось? Тоцука чересчур мил? Ай-ай-ай!

Пока я об этом думал, сзади показался Хаяма Хаято с подносом. Похоже, он принёс какие-то напитки из бара.

– Привет, Хачиман, извини что опоздал.

– О, Тоцука, привет, – сказал я и подвинул Займокузу, чтобы Тоцуке было, куда сесть. Я преклоняюсь перед его обличем. Тоцуку я, конечно, приглашал, а вот те двое... Я подозрительным взглядом посмотрел на Тобе и Хаяму, севших напротив, рядом с Миурой. Тоцука, похоже, понял.

– А, мы встретились после клуба, и когда я сказал Тобе о караоке...

– А-а, понятно.

Тобе держится ближе к Эбине-сан и смущённо тербит заднюю часть шеи.

– О, Юмико и Эбина-сан тоже здесь? Хех, не знал. Какое совпадение.

Какое до боли неумелое представление! Но в этой ситуации я тебе готов воздать похвалу. Миура стала чувствовать себя спокойней благодаря вашему приходу. С другой стороны, ребятам из клуба стало неудобно, но по сравнению с изначальной тяжелой атмосферой дела идут весьма неплохо.

Ребята начали разговаривать, началось оживление, и тут Юигахама постучала меня по плечу.

– Скажешь тост?

– Я?..

– Тебе явно это не нравится...

Я специально сделал недовольный вид, и Тоцука рядом натянуто улыбнулся.

– Это должны делать те, кто подходит на эту роль, – сказал я и посмотрел в сторону того, кто подходит на эту роль. Хаяма, похоже, слышал наш разговор, посмотрел в нашу сторону и опустил плечи. Но после этого он просто вернулся к разговору с Миурой! Какой ты неласковый, Хаяма-семпай.

Хотя причина, по которой мы тут собрались – успех плана псевдо-прома, который придумал я. По логике благодарить всех послуживших осуществлению этого плана должен я, включая всякие благодарности и тосты.

– Ну, скажу пару слов... - сказал я, и Юигахама в ответ улыбнулась и кивнула, а Тоцука слегка хлопнул в ладони на уровне груди. Поражённый его добротой, я специально кашлянул и взял стакан в руку.

– Разрешите сказать пару слов.

Юигахама и Тоцука настроились слушать и похлопали. Все остальные тоже переглянулись и, подумав, что что-то начинается, похлопали. Сложно, конечно, от не привычки, но я начал.

– Эм... Спасибо за встречу...

– Это говорят в самом конце, – Хаяма разочарованно произнёс. «Тихо ты, я же говорю», – показал я ему взглядом, и кратко продолжил.

– Спасибо всем за помощь. Благодаря вам всё прошло успешно. Спасибо большое. Будем!

Все воскликнули в ответ на мой простой тост и ребята стукнули бокалы.

Похоже, атмосфера стала похожей на празднование, и я, довольно вздохнув, сел на софу, мол, дальше вы уже сами.

***

Нам люкс-отель и на вечеринке¹⁵. Да, вечеринка в самом разгаре. Сначала клуб игр и девушки не находили общий язык, но с приходом Хаямы всё восстановилось, между сторонами образовался кое-какой разговор. Тобе решил начать петь, за ним, стесняясь, продолжил Тоцука, и так все по очереди. Естественно, очередь дошла и до клуба игр с Займокузой, но Хаяма и тут помогал. Он включал песню из аниме от известной для жителя Чибы музыкальной группы, включал первые несколько секунд и вручал микрофон, спрашивая, знает ли он эту песню. Займокуза нерешительно взял его, а за ним присоединился и клуб игр. В итоге у нас образовалась атмосфера, где все могут петь. Отличная техника, кстати, показать, что ты в курсе о наклонностях собеседника, чтобы позволить Займокузе и клубу игр насладиться разговором. Хаяма, как обычно, внимателен ко всему. Я бы даже сказал, что он гений, что смог навязать им поверхностные приятельские отношения.

Я смотрел на него наполовину уважительно, наполовину поражённо, но, оказалось, я не один такой был.

– Хаяма-семпай такой крутой.

– Кажется, я впервые встретил человека, которого могу назвать семпаем.

Хатано и брат Сагами смотрят на Хаяму с почтением, с полными слёз глазами. После чего бросили на меня с Займокузой взгляды, полные презрения и унижения. Но я и так знаю, насколько мы с Хаямой разные, поэтому не чувствую злости. Но, как бы это сказать... Не очень приятно, когда это говорят прямо в лицо. Неправильно это, что ли. Дать им поучение, как должен сделать семпай? Как семпай. Семпай ведь должен наставлять! Я постучал по плечу брату Сагами, который случайно оказался рядом.

– Х-м, так тебе нравится Хаяма? Твоей сестре тоже. Вы так похожи.

В ответ брат Сагами громко цыкнул, и его лицо исказилось. Да-да, точь-в-точь её лицо. Вот что я хотел увидеть. Я зловеще ухмыльнулся, а Займокуза опустил плечи и разочарованно вздохнул.

– Хачиман, в этом-то и есть твоя проблема.

---

¹⁵ Шутка из комедийной телепередачи Shoten 1966 года. Ориг.: «Takenawa Prince Hotel нам и на празднике». Используется, когда праздник в самом разгаре.

Ох, меня Займокуза учит... Так, вообще-то тебя тоже не приняли за семпая.

Впрочем, я на самом деле напал на младших кохав и спустил на них раздражение; само собой, что я чувствую себя плохим человеком. Так что и поучения ожидать вполне естественно.

Пока я думал, как бы сгладить эту ситуацию, Тоцука легко коснулся моего бедра. Из-за этого я чуть было не издал пошлый звук, но сдержался, используя все свои силы, и вопросительно на него посмотрел.

– Я схожу за напитками, – сказал он и показал мне пустой стакан. То есть он хочет, чтобы я его пропустил. И тут я понял.

– Да я пойду, и заодно всем возьму.

– Уверен? – робко спросил Тоцука, при этом намекая, что пойдёт со мной, поэтому я показал, чтобы оставил это мне, и подмигнул.

– Ну, это заодно, – сказал я и быстро встал, чтобы никто ничего не успел сказать, взял пустые стаканы со стола и ушёл.

Осторожно шагая с подносом в сторону бара, по дороге я заметил, как перед автоматом с кофе стоит, покручивая пальцами свои золотые локоны, Миура. Похоже, не может решить, что выбрать. Она тоже меня заметила, но ничего не говорит, просто бросила взгляд. Хотя я тоже ей ничего не говорю!

Я подошёл к расположенному сбоку диспенсеру и начал наполнять стаканы. Миура стояла на полшага позади меня, как вдруг протянула руку и нажала на этикетку «капучино». Автомат начал с гудения, издал звук наливания кофе, и затем – звук пара. Я бросил в ту сторону взгляд и увидел белоснежную пенку поверх чёрного эспрессо.

– А ты... – обронила Миура. Неясно, к кому она обращается, но это было слишком громко, чтобы решить, что она говорит сама с собой. Может, это она ко мне? Я глянул на неё, но она всё ещё смотрела на автомат, в котором всё так же стояла чашечка кофе. Белая пенка покрывает поверхность, и всего лишь пара капель стекает с краника.

– Ты... что ты думаешь?

– О чём? – ответил я, поняв, что она всё-таки ко мне обращается. Но смысл её слов ускользает от меня. Я переспросил, поставил полный стакан колы и начал наливать следующий.

Кажется, что здесь слишком тихо, хотя и кабельное телевидение включено, и песни в комнате неподалёку поют, диспенсер шумит и стаканы.

– Я о Юи, – сказала она, совместив со вздохом. От неожиданности я перестал набирать колу, точнее, мои руки остановились.

– А-а, – ответил я, просто чтобы заполнить пустоту. Но тут же об этом пожалел – можно было спросить с невинным видом, о чём она, или же просто проигнорировать. Но я так не поступил, потому что что-то меня зацепило. Наверно, поэтому меня и удалось застигнуть врасплох. Миура беззвучно вздохнула, словно ждёт, пока я что-то скажу. Но мне нечего сказать, в том числе и потому, что я пытался выглядеть достойно.

Хотя я и понимаю, что молчать в этой ситуации подло, но и спрашивать у Миуры напрямую не менее подло.

Увидев, что я молчу, Миура грубо схватила чашечку и поставила на поднос, раздражённо вздохнув.

– Мы... с тобой не друзья, Хикио, и ты мне безразличен. А Юи мне ближе.

Сначала её фразы были какими-то невнятными, но постепенно её слова начинают обретать некую ласковую форму. Из-за сухого голоса мне показалось, что она плачет, поэтому обернулся. Слез у неё не было, даже наоборот – в её глазах горели огоньки.

– Поэтому... не веда себя безответственно. Это бесит.

Я проглотил язык из-за резких слов и жгучего взгляда. Она на меня давит. Нет, не страх и не гнев меня подавили, скорее, её доброта.

Если так подумать, то она всегда защищала своими высокомерными выпадами близких к ней людей. О Хаяме и Эбине-сан и говорить нечего, и о Юигахаме она всё это время переживала. К тому же у них с роспуском клуба помощи появилась возможность проводить больше времени вместе. Поэтому она могла увидеть немного больше.

Её взгляд направлен не на меня, но он достаточно мощный, чтобы меня поразить. Если я просто скажу что-то невпопад, меня это не спасёт – она меня видит насквозь.

– Постараюсь, – сказал я, кивнув. Это не ложь, но правды в этом нет. Я просто не придумал ничего более подходящего. Миура сверлила меня взглядом, но в итоге поправила локоны на плече и устало хмыкнула носом.

– Ладно, у меня всё.

Разговор окончен, и Миура развернулась ко мне спиной. Пока я смотрел ей в спину, у меня вырвалось:

– Хорошая девушка... – сказал я отнюдь не громким голосом, но Миура всё же услышала и, остановившись, слегка развернулась ко мне.

– Э? Что это значит? Гадость, – сказала она, как бросила, с презрением на лице. Миура ускорила шаг, теребя золотистые локоны. Я увидел её покрасневшие щёки сквозь спадающие волосы и повторил ту же фразу, но уже про себя.

***

Когда я вернулся, очередь петь была Хаямы. Похоже, Хатано и брат Сагами купили всем палочки, и все ими машут, слышны разные напевы и клики из песен, к тому же зеркальный шар блестит на всю комнату. Пафоснее не бывает. Только Тобе по какой-то причине машет полотенцем, но в любом случае всё веселятся. И только Миура самозабвенно машет фонариком. Какое счастливое лицо, словно другой человек. Ну, и то хорошо.

Не обращая внимания на обстановку, я поставил напитки на столик и сел на софу. Сложно мне в таких ситуациях, не знаю, куда себя деть. Тобе и Юигахама, само собой, влились, а Займокуза и клуб игр, наверно, привыкли в разных отаку-ивентах участвовать и веселиться, когда нужно, а я могу только коленями в такт шатать. Не то чтобы я пытался вести себя грациозно, мне скорее неловко, стыдно представить, как я так же весело шумлю, и в итоге я выгляжу странно. Хоть и понимаю, что это нужно исправлять, но исправить не так-то просто!

Всё, что я могу, это стучать в бубен и смотреть на колени Тоцуки. Увидев, что я сижу, прислонив голову к руке, и что-то пью, Юигахама подошла и села рядом.

– Здорово ведь.

– Чего? – спросил я, и Юигахама в ответ посмотрела вокруг спокойным взглядом и, смеясь, продолжила:

– Да как-то все подружились, весело ведь.

– Ну да, был бы повод. Умеренные гопники и манерные отаку обладают схожим складом ума, – сказал я, смотря на парней, но Юигахаме это не понравилось.

– Мы вообще-то не гопники... Э, похожи? Мы же противоположные!

– Много общего. В стае чувствуют себя сильнее, любят блестящее, чёрные одежды...

– Прямо как вороны.

– Думаю, вороны превосходят интеллектом.

– Как грубо! – слегка покритиковала меня Юигахама, но, посмотрев на Тобе, который с криками «вэй-вэй» машет полотенцем, на Займокузу, который излучает свет и выкрикивает слоганы отаку, подумала видимо, что всё-таки я в чём-то, возможно, и прав. А я ведь на самом деле считаю, что у умеренных гопников и манерных отаку похожий склад ума. К тому

же даже гопники часто смотрят аниме и читают мангу. Говорят, что раньше гопники отжимали у парней из социальной группы отаку мангу, которую те приносили в школу, и читали её на уроках, даже просили продолжение. Среди старших слоёв населения аниме начало проникать в игровые автоматы и подобные игровые машины.

Аниме и манга превратились в преобладающий слой поп-культуры, и даже слово «отаку» утратило свой негативный дискриминирующий смысл, вследствие чего отчуждение между двумя группами ослабло.

Очень часто основанный на аниме-продукции бизнес организует партнёрские дела с традиционными предприятиями, и культура отаку воспринимается всё более позитивно. Нельзя отрицать желание побольше заработать, но и тенденция на улучшение образа отаку очевидна. Думаю, прошло уже то время, когда сложно было признаться, что ты любишь игры и аниме, по крайней мере, среди молодёжи. Соцсети и видео-хостинги значительно упростили распространение различных трендов, так что кажется, что аниме-культура – это своего рода попса.

В наше время старшеклассницы, которые следят за модой, могут играть и в FPS игры, искать в соцсетях аниме-игры, а компьютерные игры становятся олимпийскими соревнованиями. Неприятие культуры отаку стремительно уходит в прошлое. Хотя восприятие аниме и моё изначально было искажённым.

В любом случае культура аниме стала ближе к молодёжи. Особенно это заметно в музыке. Про музыкальные топы все знают, и тенденция распространяется и на лайв-концерты. Известные диджеи, композиторы, сейю и исполнители аниме-песен часто обмениваются песнями, как части одной выделенной субкультуры. Увеличилось число ивентов, связанных с аниме-песнями. Похоже, есть даже мало связанные с отаку клубные ивенты, танцполы, диджеи берутся за аниме песни, я видел видео, где они танцуют вот это «вэй-вэй».

В общем, в музыке вот эти позитивные товарищи и отаку на одной волне.

Если цель – развлечь посетителей клубов и позитивщиков, то в некотором смысле никакой жанр не удастся дискриминировать. Будут там друзья и братухи – будет весело, что бы они ни делали, такие уж они люди.

Тобе к тому же на самом деле выглядит очень счастливо. Пока я думал об этом, Юигахама пододвинулась ко мне, словно что-то хочет сказать по секрету. Я попытался отклониться, но она взяла меня за рукав. Придётся слушать.

Я подставил ухо, чтобы было слышно, несмотря на вопли Тобе и прочих.

– Приходи ко мне в субботу.

Не поверив своим ушам, я посмотрел на Юигахаму, а она гладила свою «булочку». Но я ответил рефлексивно, ещё не подумав над предложением.

– Не, не пойду, – сказал я, и Юигахама надула щёки.

– Ты ведь говорил, что свободен.

– Ну да, так-то свободен.

«Но идти мне причины нет», – хотел было дополнить я, но не успел из-за Юигахамы.

– Мы ведь говорили про подарок для Комачи-чан, испечь пирог? Вот я и подумала...

– А-а, понятно. Ну, раз такое дело, то я приду. Спасибо.

Я раньше разговаривал с Юигахамой по поводу подарка на день рождения Комачи. Из-за прома и прочих самоограничений мы задержались, но Юигахама, похоже, не забыла. Значит, я не могу сказать, мол, мне как-то неловко, поэтому я откажусь.

Я ответил, и Юигахама бодро кивнула и весело улыбнулась.

– Мама тоже будет, так что покажет нам, что к чему.

– Сложно будет идти...

Нет, ошибкой было сказать, что мне не нравится Гахама-мама, даже наоборот, нравится, но если повесить на неё табличку «мать одноклассницы», сразу появляется какое-то дурное чувство. Мне те самые счастливо-постыдные 17 лет.

Моё бормотание себе под нос было прервано внезапно раздавшимся криком «ва-й». Похоже, Хаяма уже закончил петь. Я тоже хлопал вместе со всеми. Хаяма сделал поклон, как принц, прощающийся с публикой. А он в теме!

Песня закончилась, и на секунду музыка утихла, освободив тишину и спокойствие, но тут же началась следующая песня, и Тобе начал вращать головой.

– Кто дальше, кто дальше?

– А, я пойду! – вскочила Юигахама, подбежала к Миуре с Эбиной-сан и взяла микрофон. Три девушки сели на софу и начали петь РОРТУНе, а парни – медленно махать палочками. Я не понимаю этих песен, но смотреть, какая же милая поющая Миура, стесняющаяся перед мальчиками, восхитительно!

У меня в руках ничего нет, поэтому я подумал, что неплохо было бы и мне найти палочку, и тут мой взгляд встретился с Хаямой. Тот улыбнулся уголком рта, взял у брата Сагами палочку и подошёл ко мне, не сказав ни слова. Я так же, не сказав ни слова, взял её. Хоть я её и переломил, чтобы активировать, но почему-то не хочется махать.

Неловко. Спасибо, конечно, за палочку, но чего ты сел рядом?.. Ты сделал, что должен был, так что можешь идти себе дальше. К тому же мог бы не подходить, а просто кинуть её мне. Я медленно помахал палочкой, а Хаяма, не обращая на это внимания, взял свой напиток с подноса и уселся поудобнее на софу.

– Не будешь петь? – не переставая смотреть на девушек, спросил Хаяма и снова взял трубочку в рот.

– Мне не идёт.

– Несмотря на то, что ты столько бесплатной работы сделал.

– Не просто бесплатной! Я много из дому вынес, поэтому даже в минус ушёл.

Мы перебрасывались малозначительными словами, даже не смотря друг на друга. Разговор, единственная цель которого – избежать неловкости. Но вот на Хаяму что-то нашло, и он, выпрямив спину, посмотрел мне в лицо и сделал ироничную улыбку.

– И это всё тоже было из-за мужской гордости? – сказал он, и палочка в моей руке остановилась. Я спрятал лицо, словно говоря, мол, хватит, перестань.

– Не забывай всякую ерунду, мне стыдно, поэтому забудь и не говори это больше, а то прибью, – сказал я, держась за голову и сожалея о былом. Хаяма прикрыл рот рукой, слушая меня, наслаждаясь от всей души. Ну и характер у тебя!

Хаяма перестал смеяться и посмотрел на меня ужасно взрослым взглядом.

– Ты ведь можешь восполнить недостачу.

– Вряд ли. Такого случая уже не будет, – сказал я, пожав плечами, и посмотрел вперёд, чтобы уйти от взгляда Хаямы. И, чтобы обозначить, что разговор окончен, взял стакан со стола и начал медленно пить кофе. Передо мной откуда-то появилась поющая Юигахама. Песня, похоже, достигла кульминации, и все вокруг: Тоцука, Займокуза, клуб игр – все на подъёме. Тобе тоже стучит в оставленный бубен с криками «вэй-вэй».

– А ты... – открыл рот Хаяма, несмотря на заполненный музыкой аквариум. Его практически не было слышно. Но я не собираюсь переспрашивать и по губам читать тоже и просто отвернулся. Хаяма тоже не собирается повторять – только вздохнул.

– Заткнись ты, – мои слова поглотил окружающий шум; никто моего бормотания не услышал. Слышны лишь весёлая мелодия и красивые голоса, а также бодрый темп. А мне кажется, что я слушаю это всё из соседней комнаты.

Из-за этого я вспомнил те слова, сказанные по пьяни или притворившись, что по пьяни.

Поэтому...

Я подпел к самому концу песни, завершающей наш банкет.

***

Прошло некоторое время после шумной вечеринки. Суббота.

Обычно я в это время расслабляюсь дома на диване, но сегодня всё иначе. Сегодня я нервничаю в доме у Юигахамы. Это уже второй раз я в её доме. Хотя первый раз я был только в комнате самой Юигахамы, да и Юкиношита была с нами. Но сегодня я один, притом в странной общей комнате: куча сложенной постиранной одежды, неизвестные мне искусственные растения, коробочка с салфетками с цветочным узором, полка для тарелок со стеклянными дверцами и рядом же букет высушенных цветов, горшки на веранде и издающий слабый запах древесных ноток освежитель. Всё пахнет слегка по-разному.

То есть сразу видно, что здесь кто-то живёт, своего рода запах семьи, из-за чего мне, постороннему человеку, нужно было набраться смелости, чтобы сюда зайти. Я не говорю, что мне не нужно было набираться смелости, чтобы зайти в комнату Юигахамы, даже наоборот – ещё больше нужно. Но вот общая комната – это другого рода испытание, особенно когда никого из жильцов не видно...

Постой-ка, она вроде бы говорила, что Гахама-мама должна быть? Я прошёл через комнату и смотрел по сторонам, не шевелясь. Но сколько бы я ни смотрел, так и не увидел никого, кроме Юигахамы. Стоит полная тишина. Слышно только, как Юигахама чем-то шерудит на острове на кухне. На Юигахаме было белое цельное платье в форме буквы «А» и свободные мягкие тапочки, довольно легкая одежда. Мягкая и неплотная одежда словно показывала, что сегодня выходной.

А я пришёл в оксфордской рубашке и брюках-чинос. Когда-то Комачи подобрала мне их, точнее говоря, она подобрала мне одежду, в которой ей было бы не стыдно со мной ходить. Надеть жакет – и сойдёт в классический бизнес-стиль. Не то чтобы я пытался наряжаться, но на тот случай, если столкнусь с Гахама-мамой, мне не пришлось бы выглядеть бестактно. Другими словами, я выбрал эту одежду из-за того, что настолько сильно переживал.

А Юигахама прямо моя противоположность – наливает чай, напевая что-то носом.

– Я чай налью, садись где-нибудь.

– Ага...

Как мне и было сказано, я пододвинул стул к обеденному столу, выбрав ближайший к двери стул из набора, и сел на него. Вдруг я заметил на столе учебники и кулинарные книги по приготовлению сладостей.

Причина, по которой я пожаловал к Юигахаме – приготовление сладостей. Я рассчитывал, что Гахама-мама нас выручит, но я её не вижу. Я был готов её встретить, всё-таки суббота, но, похоже, её нет дома.

Однако...

В таком случае мы ведь, получается, одни остались в доме?

Хотя у Юигахамы ведь есть ещё одно существо. Я покрутился в поисках его, как тут подошла Юигахама с чаем на подносе, села рядом со мной и начала готовить чай.

– А где Соболев?

– Гуляет с мамой. Скоро вернётся, думаю.

– Ясно.

Сидящая рядом со мной Юигахама облокотила голову на руку, начав листать страницы книги, и потянулась за печеньем к чаю. Вот что значит чувствовать себя как дома! Ну, само собой разумеется, конечно. Просто сразу становится понятно, что она часто сидит на этом месте, отдыхая.

А вот этот стул, похоже, редко используется. Из набора из четырёх предметов этот стул самый «свежий» на вид. Полагаю, родители пользуются стульями напротив. Естественно, мне на ум приходит папаня.

– Хотел спросить...

– Чего? – ответила Юигахама, не поднимая взгляд с книги, где описывался уже второй рецепт.

– А батюшка сегодня чем занимаются?

– Что за выражение? Гадость, – усмехнулась Юигахама, а вот мне совсем не смешно. Встретиться с Гахама-мамой я не против и даже рад, но совершенно не понимаю, как себя вести при встрече с Гахама-папой. Если бы я был Гахама-папой, то я бы себя убил. Кто бы я ни был, стоит лишь приблизиться к любимой дочери – и всё. Всё подозрительное необходимо искоренять.

– На работе, наверно. Понятия не имею, – сказала Юигахама, даже не подозревая о том, о чём я думаю. Вот и хорошо, а то я не знаю, как с ним поздороваться. Я облегчённо вздохнул.

Юигахама со скрипом подвинула стул, я подвинулся тоже, и она тогда положила книгу посередине, чтобы можно было читать вместе.

– Я тут подумала, может, сложные рецепты не будем смотреть?

– Конечно! Нужно пробовать тот, в котором нельзя ошибиться.

Я прислонил голову к руке с противоположной от Юигахамы стороны и листаю страницы, рассматривая вкусные картинки с различными сладостями. Маффин, макарон, Тарт Татен, финансье, канеле, флорентини... И всё выглядит красиво и вкусно. Наверняка Комачи бы понравилось. Но вопрос в том, смогу ли я это сделать. Не-а, не смогу. Каким образом я должен отделить белок от желтка? Что делать с белком? Намазать? Намазать ведь, правильно?

Юигахама тоже смотрела в книгу, что-то мыча.

– Печенье? Или... Ну, может... Получится...

Как-то звучит не особо обнадеживающе. Пять раз всего, после чего слегка склонила голову вбок и бросила на меня взгляд.

– Понятно. Думаю, и я смогу это сделать, – сказал я серьёзным тоном, смотря на Юигахаму.

– Как это понимать? – Юигахама стукнула меня по плечу.

– Ай.

Мне не больно, но я всё же издал слабый звук и почесал плечо. О, кто-то смотрит через окно. Это мать Юигахамы. Похоже, она вернулась с прогулки. Она была в весеннем свитере бледного тона, длинной юбке и с любимой собакой на руках.

– Э? Мама не согласна! Лучше что-то более запоминающееся! – спокойным тоном сказала она и засунула голову между мной и Юигахамой, смотря на книгу. Из-за этого что-то тёплое мягкое с приятным ароматом, ох, мне конец... Извините за внезапность, но это правда. А ещё Соболю у меня прямо около уха, лижет и нюхает меня...

– Здравствуйте. Я сегодня у вас в гостях, – сказал я, несмотря на Соболя, и Гахама-мама широко улыбнулась.

– Обязательно! Я постараюсь!

– Мама... Я тебя позову, так что иди куда-нибудь... – Юигахама разочарованно вздохнула, и двигает Гахама-маму в сторону.

– Юи, ты ведь просила научить.

– Ну, я тебя позову, когда надо будет научить! – Гахама-мама сопротивляется давлению. Весело смотреть, как дочка с матерью играет...

– Ладно, я попрошу, если что будет нужно.

Мне показалось, что я мог бы смотреть на это вечно, и они, наверно, так бы вечно и продолжали, поэтому я нечаянно вмешался. Из-за этого Юигахама, поняв, что у неё появился союзник, явно воспряла духом.

– Вот-вот! Поэтому мама может подумать вместе с вами, – Гахама-мама широко улыбнулась и Юигахама недовольно вздохнула.

– Ну ладно. А как ты думаешь, какое лучше?

Юигахама медленно села и указала на стул напротив. Гахама-мама улыбнулась, смотря на свою дочь, и села напротив нас.

– Я думаю, нужно что-то интересное, раз уж делать самим, а не покупать.

– Интересное... – Юигахама задумалась, смотря в потолок.

– Хикки-кун, а ты чего хотел бы? – Гахама-мама приподняла Соболя с колен и слегка склонилась вбок. Соболю, соответственно, тоже. Чтобы скрыть своё умиление, я приложил руку ко рту.

– Интересное, то есть... Красивое, фотогеничное, дорогое на вид, что я могла бы показать друзьям.

– Эй.

– Это что, точка зрения домохозяйки?!

Гахама-мама напряжённо улыбнулась, а Юигахама жалеющим взглядом посмотрела на неё. Но хоть тон был укорительным, но она не отрицает этого. Страшные они, эти взрослые женщины.

– А, макарон? – смотря на Соболя, предложил я. Я смотрел только на Соболя, точно говорю! И совсем не на то, что позади него! А что само собой попало в поле зрения – ну, так уж и быть. Обстоятельства непреодолимой силы.

– Бу-бу, - когда я перевёл взгляд повыше, Гахама-мама показывала крестик пальцами. Какая же она прелесть... Она прокашлялась, и серьёзным тоном заявила:

– Макарон хорошо получать в подарок, а не дарить.

– Да, я бы с радостью получила.

– Но делается трудно.

Юигахама по-детски улыбнулась, а Гахама-мама приложила руку к щеке и вздохнула. Я посмотрел внимательно на рецепт: действительно, там описывалось, что такое макарон, но рецепт по итогу получался сложный. И ингредиенты дорогие. Ни купить, ни приготовить.

Я наклонил вопросительно голову, мол, а что же тогда делать? Гахама-мама кашлянула.

– Мама рекомендует фруктовый торт!

– Э? Он же тоже сложный? – Юигахама сделала удивлённое лицо, и я кивнул. Ещё и название японское сложное. Да и у меня ведь опыта нет практически, и Юигахама далеко не профессионал, что за ужас у нас получится? Я вопросительно посмотрел на Гахама-мamu.

А она в ответ показывает «пи-ис» пальцами, и язык высунула.

– Всё нормально будет. Основа для тортов продаётся, останется только начинку приготовить. А научитесь делать один торт – будете уметь делать все.

– Тогда и я смогу приготовить! – сказала Юигахама со сверкающими от радости глазами. Конечно, если использовать покупные изделия, сложность рецепта упадёт, полностью согласен.

– Ну да, это точно. Наверно? – просочилась в её голосе неуверенность, что даже я повернулся. Юигахама кивнула мне в ответ.

– С-смогу! Конечно, смогу! Наверно... – ответственно заявила Юигахама, но в конце опять добавила лишнего. Да-да, добавить эту штуку, это же сама неуверенность. Ты всегда добавляешь что-то эдакое, секретный ингредиент. Хотя, если я вовремя замечу, всё будет хорошо.

– Ну что ж, попробуем.

– Ага!

Посмотрев на нас, Гахама-мама улыбнулась.

– Ну что, пойдём за покупками?

Мы с Юигахамой согласно кивнули, и даже Соболев согласно гавкнул. М-м, хотя его всё же придётся оставить сторожить.

***

Мы пошли в ближайший от дома Юигахамы магазин Аеон, где было довольно людно из-за того, что уже скоро вечер. Следуя слегка позади Юигахамы и Гахама-мамы, я толкаю тележку. Там уже в несколько слоёв лежат разные продукты: рис, мясо, сладости – и толкать её уже не так просто, как пустую. Мы закупаемся не только ради приготовления торта, но и вообще продукты домой.

Гахама-мама неожиданно повернулась назад ко мне и улыбнулась.

– Извини, закупили столько всего тяжёлого.

– Ничего, я к этому привык.

На самом деле я иногда хожу за покупками с матерью и Комачи. Кажется, когда я был маленьким, часто подкидывал в тележку сладости так, чтобы родители не заметили. Вообще-то это же самое только что сделала и Юигахама!

Но вот в продуктовом супермаркете я, наверно, первый раз могу всё рассмотреть. Когда я ходил с матерью и Комачи, то в основном только слушал, что мне говорят, мол, возьми то, возьми это. А потом с меня строго спрашивали – а зачем ты это взял? Не знаю я разницы между шёлком и хлопком, всё вкусное.

В итоге с такими навыками покупок я могу помочь разве что толкать тележку, вот я и иду позади Гахама-мамы на три шага.

– Как-то всё совсем не так, когда с нами мальчик. Всё в новинку!

Такие предложения у неё иногда проскакивают. Вот мы подошли к витринам с зеленью. Здесь есть не только овощи, но ещё и различные фрукты: бананы, яблоки, апельсины и... как тебя там зовут, киви-папая-манго? Аж захотелось проверить названия этих тропических фруктов.

– Какие фрукты возьмём? – Гахама-мама стала перед полками, приставив руку к щеке, размышляя.

– Персики! – бодро воскликнула Юигахама, подняв руку вверх.

– Рано ещё для персиков, их сезон – лето, – спокойным тоном сказала Гахама-мама.

– Вот как... а я думала, что сейчас сезон.

– Ну да, похож на весну.

Фактически Юигахама уже сложила в тележку разные сладости персикового цвета. Возможно, эти сладости её и запутали. Производители продуктов, видимо, базируют свой маркетинг на этом: соки со вкусом белого персика, «Chu-Ni»¹⁶, акции на сладости – и всё в начале марта. Из-за этого чувство сезона притупляется.

В наше время хорошо развит импорт и теплицы, что ещё сильнее сбивает чувство сезона. Мой знакомый автор сценариев сказал бы: «Японские производители продовольствия в этом виноваты!». Кто вообще придумал вкус белого персика?

Пока я раздумывал, Гахама-мама подошла к полкам.

– Сейчас сезон... Земляника! – сказала она, показывая на выделяющийся угол стеллажа. Там была гора упаковок с земляникой с крупным заметным плакатом. Настоящий земляничный праздник.

– Хе, неожиданно. Я думала, она зимой, – Юигахама слегка наклонилась вперёд, присматриваясь к землянике, нюхает и улыбается.

– Приятно пахнет.

– Тогда возьмём землянику? – протянул я руку в ту сторону, но Гахама-мама легко остановила мою руку.

– Не-а, – шепнула она мне на ушко, и я отклонился назад. Такое чувство, что не только ушам приятно, но и всему телу, находящемуся в этом разнообразии запахов. Я чуть было не издал странный звук и вместо этого вопросительно посмотрел, мол, почему нельзя-то? Гахама-мама поучительно подняла один палец вверх.

– Земляника не подходит для самодельных сладостей.

– А-а, вот оно как...

Странно. Вроде бы столько есть разных сладостей, где используется земляника. Странно... И долго она будет мою руку держать, кстати? Странно, но я совсем не против. Юигахама оттащила руку Гахама-мамы от меня и влезла между нами.

– А чего нет? По-моему, земляника содержится в куче разных сладостей.

– Как раз поэтому. Ты всегда можешь попробовать землянику. Нужно что-то запоминающееся.

---

¹⁶ Японский алкогольный напиток.

Я посмотрел вопросительно на Юигахаму, и она непонимающе покачала головой. Так что же будет правильным ответом? Мы посмотрели на Гахама-маму. Но в ответ она задала другой вопрос.

– Хикки-кун, а какие фрукты ты любишь?

А я так сразу и не отвечаю. Я задумался, как вдруг моментальный ответ пришёл от Юигахамы.

– Арахис!

– А почему ты отвечаешь? К тому же мы говорим о фруктах.

– Хикки, ты ведь любишь Чибу.

А ты знаешь, что арахис – это не фрукт, и не плод дерева, и не Киноми Нана¹⁷. Это бобовое растение! Я хотел было указать ей на пробел в знаниях, но она быстрее высказала недовольство.

– Ну, тогда что ты любишь?

– Если нужно выбрать что-то одно, то это будут груши. Груши из Чибы – лучшие в Японии. Нет, лучшие в мире!

– Так и знала, опять Чиба!

– Суть не в Чибе, мне на самом деле нравятся груши. Нравится ещё косуй из сока груш, и вкус и консистенция вкусны до предела! Мы обычно весной ящиками покупаем.

– Ужас какой! Подумать не могла!

Я не настолько сильную речь сказал, но Юигахама уже в ужасе от услышанного. Странно, я ведь просто ответил на вопрос.

А вот Гахама-мама не выглядит удивлённой, она о чём-то серьёзно задумалась, коснувшись подбородка.

– Для груш тоже сейчас не сезон. Хотя персики есть в банках.

– А, персики в банках – это очень вкусно! – радостно пробормотала Юигахама. Любит она персики... Уголком зрения я заметил, что и Гахама-мама кивает. Похоже, решение принято.

– Неожиданно, но это хороший выход. Если используем персики в банках, нам не нужно будет тратить время на приготовление компота.

---

¹⁷ Просто имя японской актрисы, созвучное с «плод дерева Нана».

– Неожиданно?... М я не понял, почему неожиданно, и Юигахама, похоже, тоже.

– Компот?... Понятно... Спокойно и приятно...

– Вот-вот.

Нет, конечно! Спокойно и приятно – это называется комфорт, а не компот. Не знаю, заметила ли Гахама-мама ошибку дочери, но она улыбается и игнорирует это. Понятно, значит, это результат вот такого воспитания. Естественно, вслух я это не скажу, но воспитание довольно великодушное. Важны не только гены, среда тоже очень важна! Так и продолжайте, пожалуйста. Я по-доброму посмотрел на Юигахаму, и она, заметив это, повернулась ко мне.

– Банка персиков... Что будешь делать, Хикки?

– Мне всё равно, да и Комачи не привередливая. Думаю, персики сойдут.

В доме Хикигая летом много груш, но если говорить о Комачи, то ей наверняка нравятся и персики. Я тоже ничего против них не имею. Даже люблю в определённом смысле! Вот только есть одно замечание по поводу консервов.

– Если использовать консервированные персики, то ведь неважно, какой сейчас сезон, – сказал я и бросил взгляд на Гахама-мamu. Она застыла на секунду, но тут же мягко улыбнулась.

– Сейчас да. Но пора ещё наступит, – сказала она добрым голосом, но с каким-то едва заметным грустным тоном. Смотрящая вниз Гахама-мама была очень похожа на неё в сумеречном свете, и у меня появилось чувство сожаления. Уверен, такое выражение лица бывает только у взрослых.

– Спустя годы, когда ты станешь взрослым, и однажды снова доведётся кушать персики, ты вспомнишь, что было такое время. В этом-то и прелесть домашних сладостей.

Мать Юигахамы закрыла один глаз и прошептала это, словно какое-то секретное заклинание. Даже я подумал, что в этом есть какая-то магия. И почему-то я это легко принял для себя.

– Хорошая тема! – сказала Юигахама с горящим взглядом: ей, похоже, тоже понравилось. Словив на себе почтительные взгляды, Гахама-мама приставила руку ко рту и шутливо улыбнулась, подмигнув.

– А то! Знаешь, как мальчики это любят?

– Взяла и испортила всё! Теперь всё похоже на расчёт!

Слушая это со стороны, я натянуто улыбнулся, ведь наверняка парням это очень нравится.

Сочный и свежий аромат, тающий во рту сладкий вкус напомнят об этом сезоне.

Уверен, я никогда не забуду сегодняшний день. Отличный план, Гахама-мама, отличный план. Не могу не уважать вас, мать и дочь Юигахама, да что там, я вас почти боюсь. Со страхом смотря на то, как они идут под руку лёгким шагом, я толкнул тележку вслед.

– Мама, а ты это делала?

– Ага. Папа до сих пор вспоминает, как... – начала было рассказывать Гахама-мама, но Юигахама её остановила.

– А, да, можешь не рассказывать. Как-то противно такое слушать о папе.

Бедный у вас папа...

***

Кухня у других людей выглядит совершенно иначе. Где расположена раковина, как открывается кран, выключатель нагревателя, расположение тарелок, узор кухонного пола, запах чистящих средств – всё выглядит совершенно иначе, по-новому.

Самым же новым для меня оказался фартук. Держа во рту заколку, она связала свои длинные цвета молочного чая волосы сзади, сформировала «булочку» и зафиксировала её заколкой в виде маленького цветочка, которую держала блестящими губками. После этого она протянула рукава через отверстия в украшенном оборкой фартуке без рукавов и крепко повязала его за спиной.

Я оказался зачарован её видом, ведь в нашем доме редко когда специально используют фартук. Обычно я вижу, как Комачи в неприглядной похожей на старую картофелину футболке орудует сковородой, или как мать с потухшим взглядом в обычной домашней одежде засыпает в кастрюлю какие-то ингредиенты лапши. Даже отец, который, как правило, на кухне почти не появляется, в пижаме засовывает молоко в микроволновку. А уж достижение моего уровня – орудовать на кухне полуголым. И никто не спросит, что у тебя за снаряжение такое.

Из-за такого неряшливого воспитания я не привык видеть на кухне людей в фартуке.

Так вот, значит, что такое жить правильно...

Похоже, Гахама-мама заметила меня застывшим и широко улыбнулась. После чего подошла ко мне, взяла мою руку и всучила морского цвета передник.

– Извини, у нас только папин фартук.

– Да нет, всё нормально...

Да мне и без передника нормально. Даже голым сойдёт, думал сказать я, но отказаться от фартука не смог. Раз так, то я его обмотал вокруг бёдер, и неожиданно оказалось, что он на мне хорошо сидит, притёртый. Видимо, батюшка Юигахамы часто бывает на кухне. Интересно, почему оба родителя готовят, а дочка у них – ни в какую? Я с подозрением посмотрел на Юигахаму, а она уже надела явно девичий мягкий пушистый фартук. Тот самый, который когда-то мы с Юкиношитой ей купили. Я помню, как он выглядел при покупке, поэтому понятно, что этим фартуком тоже немного пользовались, хоть и очень осторожно.

Юигахама поправила рюши и довольно улыбнулась.

– Ну как тебе, могу я готовить?

– ....

Неожиданно, но она вошла в роль в этом фартуке.

Через окошко в потолке проникает солнечный свет, отражаясь от стен, и конечный цвет очень мягкий и тёплый. В итоге атмосфера такая, что можно прямо сейчас фотографировать для каталога. Из-за этого у меня возникла сумасшедшая идея.

– Да, тебе очень идёт. А я как выгляжу? – сказал я быстро, словно чтобы прогнать эти мысли. Юигахама посмотрела, как я хлопнул по переднику на ноге, и нахмурилась.

– Ну... М-м, да, хорошо.

– Что за пауза? А?

– А, нет, просто ты на какого-то официанта похож стал. Этот фартук... – Юигахама скривилась, и продолжила с лицом, словно её тошнит. – Вонючий.

– Как жестоко! Я-то ладно, но это же твоего папы?

– Ага. Поэтому...

– Его регулярно стирают, так что всё хорошо, – смеясь, вставила Гахама-мама.

– Ну что, приступим? – мягко сказала Гахама-мама, и Юигахама бодро подняла руку вверх.

– Оу!

– О-оу, – мне тоже пришлось приподнять слегка руку, как манэки-нэко¹⁸. Какой стыд...

На кухне уже разложены ингредиенты. Главное – готовая основа для торта, консервированные персики, крем, а ещё шоколад и прочие фрукты для придания внешнего вида.

С началом готовки стало понятно, что фруктовый торт, который посоветовала Гахама-мама, не такой уж и сложный. Наверно, она подобрала рецепт с учётом того, что я новичок в готовке сладостей.

¹⁸ Манэки-нэко

Мы выложили тонко нарезанные коржи, обмазали кремом и выложили персики. Осталось только сделать напаж и намазать этот желатиноподобный «пепелосьён», чтобы торт блестел, потому что иначе персик на воздухе меняет свой цвет.

Готовка прошла легче, чем я предполагал.

– Можно было бы на всякий случай сделать несколько разных, – посоветовала прямо у меня за плечом Гахама-мама, неслабо меня напугав, и мы решили послушаться её совета.

Казалось бы, хорошо ведь, что всё так просто, но людям, если очень просто получается, хочется приложить больше усилий. Поэтому и Гахама-сан страдает.

– О! А если намазать шоколадом, будет ещё вкуснее! – сказала она и хлопнула в ладоши, словно придумала хорошую идею. Вижу, она уже начала ломать шоколад, и не могу не волноваться.

– Зачем ты это делаешь? Ты ведь можешь как обычно это сделать.

– Э?.. Ну, так оно как-то симпатичней и вкуснее, – сказала она, в то же время посыпая горку фруктов ломаным шоколадом. В итоге персик рассыпался, и ничего симпатичного не получилось. Такое чувство, что я увидел глазами диссонанс. Из этого ничего хорошего не вышло.

– Перед тем, как что-то начать делать, нужно изучить азы.

– Ты говоришь то же, что и Юкинон...

Из-за внезапно всплывшего имени моё лицо словно окаменело.

– Ну да. Это всё-таки здравый смысл, – смог я кое-как сохранить видимость спокойствия. Но не похоже, что Юигахама что-то заметила, – она так же продолжает ломать шоколад, что-то напевая.

– Мы когда-то вместе ночевали и делали ужин. Так вот, если смешать что-то вкусное с вкусным, то, думаю, будет только вкуснее.

– Опасные у тебя представления.

– Э? Разве?

Кола и гамбургер – это вкусные вещи, но если приготовить гамбургер на коле, ничего хорошего точно не получится. Всему есть свои правила применения.

Юигахама заметила, что я замолк с открытым ртом. Она отложила шоколад, взяла кусочек персика вилкой и запустила мне в рот. Как так получилось, что она меня кормит? Эй, мама же смотрит, мне стыдно... пришлось вытереть сироп со рта и прожевать.

– Ну как, вкусно же?

– Ты это... – говоря с набитым ртом, я неодобрительно посмотрел на неё. Нет, меня всё устраивает, просто нужно же предупреждать, чтобы я успел приготовиться, придумать какие-то отговорки... хотел было сказать я, как вдруг что-то не почувствовал во рту. Свежесть персика и вкус шоколада... М-м, промах.

– Ты сначала сама пробуй, хорошо? – сделал я осторожный комментарий, как только проглотил, так как это нельзя назвать несъедобным. Но, похоже, до неё не дошло, и Юигахама непонятливо смотрит на меня.

– Э? Да ну, наверняка ведь вкусно, – сказала она и решила сама проверить. Спустя несколько секунд у неё появилось очень странное выражение на лице, она тихо кивнула и ничего не сказала. Ну же, я же говорил, что оно не сочетается! Хотя с ощущением вкуса у Юигахамы всё хорошо, но вот сам процесс... было я подумал, как вдруг заметил, как Гахама-мама улыбается, приложив руку ко рту.

– Если хочешь использовать шоколад, можно сделать так, – сказала и встала рядом, чтобы показать пример.

Она разрезала оставшуюся основу торта на правильные части, намазала шоколадом и установила фрукты. Секунда – и мини-торты готовы. Она взяла один из них и поднесла мне ко рту.

– Открой ротик...

– Спасибо большое, я сам.

Так, нужно медитировать. Игнорировать пот, стекающий под мышками и со лба, делать вид, что я спокоен. Стараясь не касаться её пальцев, я взял торт.

– М... – Гахама-мама мило насупилась, но ха-ха-ха, ох уж этот Хикигая Хачиман, может запросто заглушить все эмоции, если его предупредить, ха-ха-ха, он всё же интересный. Беспочвенное умиление напало на меня, но я его отогнал, сосредоточившись на торте.

– Вкусно, очень вкусно!

Прошлый вкус был странным, как дело про убийство в закрытой комнате на изолированном острове, а сейчас плотный торт с фруктовым вкусом персика аккуратно окружён шоколадом; я словно вот-вот почую дуновение ветра. Я не ожидал, что так сразу скажу, что думаю. Гахама-мама расслабилась и улыбнулась.

– Фух, вот и хорошо. Теперь давай ты, Юи. Открой ротик.

– А-а.

Гахама-мама положила ей торт, пока та работает, и Юигахама без задней мысли его съела. Они этим часто занимаются, значит?.. Я тепло посмотрел на них, и Юигахама, словно придя в себя, покраснела и беззвучно замахала руками. Из-за занятого рта она не может ничего сказать, но она словно пытается всё отрицать. Я ей кивнул, мол, да всё нормально, я всё понимаю, мне даже нравится смотреть на умильное подкармливание, и Юигахама, похоже, успокоилась, что-то мыча. Вдруг её глаза зажглись удивлением.

– И правда, вкусно!

– Шоколад надо наносить не на внутреннюю часть, а на самую основу. Тогда будет вкус хороший, хрустящий.

– Хе, понятно... – поняла Юигахама, и начала наносить шоколад на основу торта. Я немного удивился. Дай человеку что-то сказать, дай что-то сделать, закончить и похвали – вот и получится воспитание. Теперь я увидел это воочию.

– Ох, хорошо получилось, – пробормотал я, и Гахама-мама гордо улыбнулась.

– А как же! Я хорошо готовлю!

Не, я имел в виду вообще-то, что с дочерью момент хорошо получился... Хотя и про готовку ведь правда! И гордая улыбка выглядит очень красиво!

– У фруктового торта нет чёткого рецепта, поэтому можно делать его со всем, что тебе нравится. Иногда вкусными оказываются даже самые неожиданные сочетания.

– Так вот в чём дело?

– Ага, – сказала, улыбаясь, Гахама-мама. Но всё-таки лучше этим заниматься человеку, который твёрдо освоил основы готовки и может в уме воспроизвести тот или иной вкус.

Разговаривая с Гахама-мамой, я следил краем глаза за тем, как Юигахама что-то усердно делает с внешним видом торта. Что она туда подмешала?..

– Ну как, мам?

– Нормально, думаю. Осталось только секретный ингредиент добавить – и готово.

– Секретный ингредиент?

– Да, это ведь самая лучшая в мире приправа, – сказала она и, приставив ладонь к уху Юигахамы, что-то прошептала. Услышав это, та покраснела.

– Блин! Я тебя сейчас отправлю отсюда, если ты будешь такое говорить!

– О нет!

Гахама-мама была вытолкана сердитой дочерью и сбежала ко мне. Если она не справляется с дочерью, значит, логично предположить, кто будет следующим.

– О, Хикки-кун, а как ты думаешь, что это?

– Даже не знаю. Хе-хе, голодный желудок, наверно.

Показывая, что я занят выжимкой крема, но слушал краем уха их разговор, я ответил первое, что пришло на ум, но Гахама-мама всё ещё улыбается и не отступает.

Вот блин. Это прямо как в Dragon Quest – пока не дашь нужный ответ, дальше не пройдёшь.

– Ещё говорят, что вкусный тот обед, который тебе достался даром... - неуверенно продолжил я, и Гахама-мама приставила руку к щеке и улыбнулась, нахмутив брови. А вот Юигахама в шоке.

– Хикки, с тобой что-то не так...

– Ну да, это действительно вкусно.

– Мама, не соглашайся с ним!

Будучи отчитана дочерью, Гахама-мама кашлянула, словно решила начать сначала.

– Думай о готовке.

Лучшие приправы – это голодный живот, халявная еда во время курения травы, и рынок (есть разногласия на этот счёт). Из личных предпочтений в основном будут чеснок, спинной шпик, и адзиномото¹⁹. Однако в случае со сладостями это не может быть правильным ответом. Значит, ответ уже известен.

– Значит, искренность, – сказал я, робко улыбнувшись, а Гахама-мама улыбнулась мне вместо ответа.

---

¹⁹ Приправы с глутаматом натрия.

***

– Ну что ж, подождём, пока остынет, – сказала Гахама-мама, закрывая дверцу холодильника. Я уже забыл, то ли мы напаяж делали, то ли пассаж, но суть в том, что фруктовому торту нужно дать затвердеть. Впрочем, большинство фруктов становятся только вкуснее холодными.

Мы фактически закончили с готовкой, поэтому я снял фартук и пошёл в сторону общей комнаты. Хоть рецепт и не сложный, но с непривычки была и небольшая усталость, и чувство проделанной работы.

Я медленно шёл в сторону дивана, надеясь, что мне дадут отдохнуть, как тут мой рукав дёрнули. Там была Юигахама с Сободем в другой руке.

– Эм, сюда... – пробормотала она, закрывая Сободем рот, и пыталась куда-то меня затащить.

– А-а, ага. Я ещё вернусь, – я поклонился слегка Гахама-маме и покинул комнату, следуя за Юигахамой.

– Ага, отдыхайте. Я позову, как будет готово, – сказала она звонким голосом, улыбаясь.

Мы пришли в комнату к Юигахаме. Я сел на предложенный пуфик, а Юигахама села на кровать, всё не отпуская Соболя.

– Ну, что будем делать? – неловко спросила она. Помню, во время фестиваля она говорила нечто подобное. Поэтому я снова сказал что-то бессмысленное.

– Не знаю даже. Сходить домой?

– Не сходить! К тому же это мой дом! Это моя комната! – сказала она, почти как Соболя, когда гавкает.

– Делать ведь всё равно нечего.

– М, ну да... Можно посмотреть выпускной альбом, – Юигахама протянула руку и достала с полки у кровати альбом с вельветовой обложкой.

– И что мы будем с ним делать? Играть в «придумай прозвище уроду»?

– Нет, конечно! Ты ужасен! Как подло! – сказала она тихим голосом. А знаешь, как больно, когда обзывают тихим голосом несколько раз?

– Для парней так оно и есть. Говорят, что кому-то приходилось использовать его как каталог, чтобы познакомиться с девушкой. Прямо как онлайн знакомства.

– Это тоже подло!

Я ведь всего лишь сказал то, что слышал краем уха от Тобе или кого-то в той стороне...

– Хикки, а ты этим занимался? Просил, чтобы тебя познакомили?

– В моём случае мне бы сначала пришлось искать кого-то, кто мог бы представить меня.

– А-а, ясно...

Спасибо за понимание.

– Хотя было бы интересно посмотреть на тебя в средней школе.

– А, не надо. Забудь, мне стыдно. Не будем.

Она отпустила Соболя и засунула альбом куда поглубже.

А жаль. Я опустил плечи, как вдруг в меня врезался Соболю.

– Ой, ты чего?

Я взял подвижного лижущегося и гавкающего Соболя и начал его гладить, но с него начала сыпаться шерсть. Похоже, у него сейчас линька. Так вот почему они его убрали подальше во время готовки. Когда я это понял, я уже был весь в шерсти. Юигахама посмотрела на меня и вскрикнула.

– А-а! Извини. Соболю, иди сюда!

– Ничего, я к кошачьим волосам уже привык. Дай лучше щётку.

– А, ага.

Я взял щётку, сел в позу лотоса и начал гладить спинку лежащего у меня на коленях Соболя. Во время глажки Соболю лежал спокойно, сопя носом. Потом ко мне поближе на коленях пододвинулась Юигахама и с интересом посмотрела.

– Хе, и правда, привык.

– Если дома есть животные – хочешь или нет, но привыкнешь. Не будешь замечать волосы даже в супе.

– А вот это уже странно... – Юигахама разочарованно опустила плечи. Как вдруг она что-то вспомнила и вскочила. Она ненадолго зашла в туалет, но тут же вернулась и плюхнулась рядом со мной.

– Та-дам! Держи, – она мне что-то протянула. Это оказалась клейкая лента с валиком. В любом доме, где содержатся животные, это самый настоящий товар первой необходимости. Эта штука ведь умеет удалять волосы! И ещё, подушка воняет.

Валик используется и для обычной уборки, и для очистки одежды от волос.

– Спасибо, потом воспользуюсь.

– Я помогу.

Игнорируя мои слова, Юигахама сняла защитную обёртку и начала гонять роликом по моим плечам и спине.

– Да... да ладно, хватит, щекотно, – сказал я, сжавшись, а Юигахама хитро улыbnулась и начала работать с ещё большим усердием. И чем дальше я убегал, тем быстрее меня догоняла Юигахама и тем более садистскими методами меня чистила, явно наслаждаясь этим.

– Ну-ка, ну-ка!

Она вычистила шерсть Соболя везде, где только можно было. Несмотря на стыд, щекотку, мягкость и приятный запах. Если не проявить осторожность, непредвиденный контакт может произойти, да и на побег нужно много сил. К тому же моя симпатическая нервная система перегружена, и пот ручьём.

– Эй, хватит, я предпочитаю метёлочку, а не валик! А, ой, стой, хватит!

О не-ет! Ты же сейчас метёлочку зацепишь! И в тот момент, когда из-за моего дурного тона мои показатели снизились на семь триллионов очков, в дверь постучали. Услышав это, Юигахама резко замерла и отодвинулась.

– Юи, можно тебя?

– Ага, – ответила Юигахама спокойному голосу за дверью. В отличие от весёлого лица какой-то миг назад, её лицо никаких эмоций теперь не выражает. И взяла под руку громко дышащего опасного зверя.

Как только я чуть-чуть успокоился, дверь слегка приоткрылась, и Гахама-мама заглянула к нам.

– Хикки-кун, будешь кушать?

– Нет, я хотел уйти, пока не стемнело.

Не могу же я так сильно наглеть. Мужчина должен уметь уйти в нужный момент.

– Да? – Гахама-маме, похоже, было немного жаль, что я так ответил. Но в следующую секунду она широко улыбнулась.

– Но я уже приготовила, – мелодично сказала она и подмигнула, сделав «пи-ис».

По сравнению с матерью Юкиношиты она более спокойный человек, думал я, раньше, а оказалось, что она настоящий стратег!

***

Ночной ветер приятно обдувает горячие щёки. После того, как я поужинал у них и попрощался, на улице уже было темно. Готовка закончилась успешно, и я в руках несу коробочку с фруктовым тортом; несу очень осторожно. Юигахама вышла меня проводить и сейчас заглядывает мне в лицо, о чём-то беспокоясь.

– Хикки, ты не объелся? Как себя чувствуешь?

– В целом нормально, – сказал я, несмотря на распирающее чувство в животе. Кушать с Юигахамой и Гахама-мамой втроём было очень весело и вкусно, но я переживал, что скоро вернётся и Гахама-папа. Из-за этого я соглашался на всё и съел настолько много, что позавидовали бы персонажи японского фольклора.

Ведь Гахама-мама радовалась тем больше, чем больше я ел. Постоянно подбадривала взглядом: «Вот таким должен быть мужчина!» – каждый раз, как я набирал полный рот риса. Из-за чего я вошёл в раж и просил добавки.

В итоге всё-таки обожрался. Даже идти сложно из-за переполнения живота. Юигахама неловко сложила руки ладонями.

– Извини, мама очень рада была, что мальчики много едят.

– Да, есть такое у матерей. Я когда вернусь домой, мне с отцом тоже придётся много есть. Прямо как в Стамина-Таро²⁰.

– Так много?! – Юигахама ужаснулась и посмотрела мне в лицо. Не могу сказать, что мне это не нравится. И бабушкина готовка, и Стамина-Таро – все готовят очень вкусно! Стамина-Таро, я тебя люблю! Так, что готов задницей раздавить «рупэ»²¹.

Так мы и пошли в сторону станции.

---

²⁰ Один из известных ресторанов, где платят за вход и едят, сколько влезет.

²¹ Из рекламы прочных очков: <https://youtu.be/0Efumx0B9VI?t=38>

– Спасибо за сегодня.

– Это я должен тебя благодарить.

– Ага. Но мне было весело... Так весело вместе что-то делать!

– Но в одиночку эффективней, – вырвалось у меня ироническое предложение, и Юигахама надула щёки в ответ. Я ответил улыбкой.

– По ощущениям готовка не похожа на работу. И да, вместе готовить на самом деле весело.

– Ага, наверно, – Юигахама тихо улыбнулась. Я кивнул ей в ответ и приподнял коробку, чтобы посмотреть, ничего ли с ней не случилось, и медленно ответил:

– Комачи, наверно, тоже была бы рада. Она очень любит работу по дому.

Сейчас популярны различные мастер-классы, интерактивные ивенты и подобное. Может, в таком случае, было бы лучше подарить Комачи такой опыт?

Не всё ценное можно купить за деньги, а что можно – есть папина кредитка. Master NEET²². Я думал о такого рода глупых вещах, и Юигахама издала восхищённый звук.

– Точно, можно ведь сделать вместе!

– Да, поэтому вот, – сказал я и протянул ей фруктовый торт. Юигахама странно посмотрела на него и вопросительно повернула голову вбок.

– Печенье было вкусным, поэтому это своего рода благодарность. Хоть и рано ещё... – я протянул ей коробку, подбирая слова, а Юигахама слегка усмехнулась.

– Он ведь из того же сделан.

– Не совсем. Там есть ещё секретный ингредиент.

Юигахама права, всё, из чего сделан этот торт, находилось там на кухне. Но я тоже добавил туда один секретный компонент по научению Гахама-мамы.

Юигахама внимательно посмотрела на коробку и потом на меня снизу вверх.

– Хм-м. А что там?

---

²² Пародия на рекламу Mastercard.

NEET – Not in Education, Employment, or Training, человек не учащийся и не работающий. Затворник.

– На то он и секретный, чтобы не говорить.

– И то верно.

Юигахама с улыбкой приняла коробку.

– Ладно, спасибо что проводила. Пока.

– Ага, увидимся в школе.

Юигахама помахала мне рукой на уровне груди, я ответил ей кивком и пошёл в сторону станции.

Пройдя немного, я почему-то обернулся назад и увидел всё ещё стоящую там Юигахаму. Она широко помахала мне рукой, и я в ответ слегка приподнял руку и пошёл дальше.

***

Холод ослаб, и много любителей ночи ходит по большой улице около станции, что говорит о конце задержавшейся зимы. Смена поры года, похоже, отразилась и на уличном освещении – все лампы, свет домов и неоновые вывески почему-то сверкают.

Возможно, это будет часть моей жизни. Я подумал о том, что можно было бы ответить Миуре. Вот если бы я мог жить, исполняя её желания одно за другим... Эта невозможная идея посетила моё воображение.

Прелюдия.

Мы много говорили. Например, о планах сходить куда-то на весенних каникулах. Хотя я понимаю, что это её неловкий способ уйти от разговора. И то, как она от него уходит, и её неестественная улыбка — это всё настолько неловко выглядит... Она всё умеет, вот только обман и уход от темы у неё не получаются. Можно было бы продолжать, но время-то идёт, становится холоднее, людей перед станцией всё меньше, темы для разговора подходят к концу, а скоро и электрички перестанут ходить, поэтому и мне, и ей придётся скоро куда-нибудь уйти. Хотелось бы сделать вид, что я этого не замечаю, и продолжить весело разговаривать ни о чем. Как бы хотелось, чтобы это никогда не заканчивалось... Чтобы, как она и говорит, моё желание исполнили. Но это не принесёт мне ни удовлетворения, ни чувства, что всё закончилось.

– ... Столько всего хочется сделать... – пробормотала я, смотря на большое потемневшее здание.

– Ага, – она согласилась и слегка с улыбкой вздохнула.

– Да, я хочу всё сделать. Я хочу всё.

Я чуть-чуть пододвинулась к ней, чтобы наши плечи коснулись, и прислонилась к ней лицом так, что можно было бы и уснуть в такой позе.

– Я жадная, поэтому хочу всего. И даже то, что ты чувствуешь.

Я жадная. Я люблю веселиться, радоваться, вкусно кушать. Хоть и не особо умею готовить и делать сладости, но топпинг смогу. Часто хочется попробовать какие-то новые сочетания, даже если они в итоге окажутся неудачными. Пусть даже они будут невкусными и горькими. Поэтому я попробую спросить ещё раз. Если она ничего не скажет, ничего не скажу и я. Если скажет она, скажу и я. Понимаю, что это нечестно, но это нечестно и с её стороны. Понимая, что не смогу, и что этому не исполниться, я ничего не могу поделать со своей жадностью, с желанием это исполнить. Наверно, всё-таки я тут самая жадная. Я люблю и сладкое, и горькое, и боль, и страдания. Я хочу все раны и боль.

Подняв голову, я посмотрела прямо на неё вблизи, так, что наши лица вот-вот коснутся друг друга. С такого близкого расстояния я смотрела в её глаза.

– Поэтому, Юкинон, расскажи мне о своих чувствах, – сказала я, и она издала звук замешательства, и её большие глаза взволнованно смотрят на меня. Мягкие губы остались несомкнутыми, длинные ресницы дрожат, а лицо выглядит так, словно она вот-вот заплачет. Но я уже не могу отвести взгляд. Всё это время я старалась не смотреть, притворялась, что не замечаю и не знаю ничего, поэтому теперь я на неё смотрю.

Я всегда смотрела на её красивые волосы, влажные глаза, светлые щеки. Она только один раз закрыла рот, словно жуя, и посмотрела вокруг. Кроме нас, людей около станции почти нет, а те, кто есть, слишком далеко, чтобы нас услышать, и всё же, похоже, она переживает, что нас кто-то может услышать, и приблизилась ко мне, осторожно прижавшись к моему плечу. Это было так мило, словно кошечка ко мне прижалась. После чего она мне на ухо прошептала одно слово.

Наверно, я не хотела бы этого слышать. Однако, услышав, я всё же улыбнулась. Почему-то улыбнулась, а щеки и лицо, уверена, даже взгляд излучали тепло.

Она отодвинулась от меня и встревоженно, с опаской на меня посмотрела, а щеки её покраснели так, что даже в темноте было видно.

Вот бы я всё-таки могла её ненавидеть...

***

Сказала.

Сама не ожидала.

Не собиралась говорить. Потому что если произнести это вслух, если признать это – назад пути не будет, как содержимое воздушного шарика, которое начало вырываться сквозь уколотое место, или начавшая переливаться через край стакана вода. Поэтому я сжала губы, понимая, что лучше было бы это проглотить. Но её взгляд не позволил бы мне это сделать.

Впервые я сказала это кому-то и, уверена, в последний раз. Я сказала лишь слово, прошептала ей на ухо, как исповедь, тонким неровным голосом. Я посмотрела в её сторону, чтобы понять, что у неё на лице, услышать, что она ответит, а она мягко улыбалась. И, как и ожидалось, слегка кивнула головой. Хотя я и сказала это впервые, кажется, будто она заметила это очень давно, но всё же ждала, пока я произнесу это вслух.

– Тогда и я скажу, – сказала она, закрыв глаза, положила руку мне на плечо, а второй слегка прикрыла рот и медленно приблизилась ко мне. Тонкие пальцы с гель-лаком, слегка наруганные щеки, блестящие плотные губы, мягко завитые ресницы. Эта красивая и милая девушка приблизилась ко мне, словно чтобы поцеловать. Мне показалось это неуместным, и из-за стыда я едва было не отклонилась назад, но всё же сдержалась и пододвинулась тоже. И через мгновение она мне прошептала на ухо, словно играющийся щеночек.

Уверена, я хотела услышать это. Я успокоено вздохнула и, проглотив слова, беззвучно кивнула. Она убрала руку от моего плеча и отодвинулась. Когда наши взгляды встретились, она улыбнулась, стесняясь, и погладила «булочку» на голове.

– Наверно, у нас одно и то же желание.

– ...Да.

Наверно, это всё, что можно сказать наверняка. Но исполнить это в точности очень сложно, поэтому я выбрала нечто похожее на вид, веря, что, если я смогу сделать всё лучше, однажды оно исполнится. С мыслями, похожими больше на молитву, я кивнула. Она в ответ слегка помотала головой, словно отрицая что-то, и я вопросительно посмотрела на неё. Сказала она что-то совсем другое.

– Наверно, Хикки тоже, – сказала она, и от внезапно всплывшего имени я напряглась. Она положила руку на мои руки, словно чтобы снять это напряжение.

– Может, он не хочет, чтобы от чего-то отказывались, – сказала она обычным тоном, однако же поразив меня в самое сердце. Мои плечи, похоже, были опущены, и когда я вновь посмотрела в её сторону, её взгляд был уже направлен в звёздное небо.

– Расстояние между нами ведь не физическое. Даже если мы далеко и не видим друг друга, чувства ведь не меняются.

– Ты так считаешь?

– Да, наверно. Если чувства изменились, то можно быть очень близко, но на самом деле далеко.

Эти слова прозвучали очень близко. Однако же наши руки всё ещё вместе. Она оставила сомкнутыми лишь мизинцы. Площадь контакта очень маленькая, и пальцы её не горячие, да и на улице не очень холодно. Но всё же я чувствую тепло.

– Если у нас с тобой одно желание, то возьми все мои чувства.

– Хорошо, обязательно.

Она малословно сказала, что тогда всё сможет оставаться как обычно.

Прекрасно было бы, если бы ничего не изменилось. Мы обменялись словами и теплом, и я с надеждой в душе закрыла глаза. Я не забуду это тепло. Поэтому и холод, образовавшийся, когда она убрала руку, я тоже не смогу забыть.

Глава 4. И вот Юкиношита Юкино беззвучно машет рукой.

Солнце молодой весны светит сквозь окно. Ситуация серьёзная, периодически слышно мычание себе под нос. Передо мной выставлена чёрного цвета школьная форма. Вокруг меня много таких же людей в чёрной форме и, если бы мы не были в школьном спортзале, можно было бы решить, что я на похоронах. Однако же над нами висит плакат с надписью «Вручение аттестатов», да и цветочки на груди у людей передо мной слегка разбавляют общий тон, указывая на скорее позитивный характер собрания.

Девушки же стоят, прижавшись друг к другу плечами, или же просто держатся за руки, сдержанно вздыхают, прямо как при расставании. На самом деле это вполне нормально, потому что для учеников последнего года весна – это пора расставания с юностью²³. Вообще этот позитивный характер распространяется только на участников сего события, но не на посторонних вроде меня. Для меня это – не более чем сцена чужих страданий. Так как у меня почти что нет никаких связей с семпаями, то приходится качаться на стуле все эти два-три часа подряд. У меня нет никаких чувств к этим парням и девушкам, начинающим идти по новому пути, только чувство, что они наконец-то освободились от долгого вмешательства в их жизнь. Но всё-таки у меня есть к ним некая толика сочувствия. Как только они покинут школьное здание, они сразу же освободятся от погонь школьника, или же ребёнка. Неважно, что они были вредными детьми с ранних пор, назывались хулиганами, ранили окружающих как нож, – сильные чувства связывают их со школьным стулом, и на парте выбита мечта, и теперь им придётся пройти через выпускную церемонию, освободившись от руководства свыше. Их черты, оставшиеся в школьном альбоме, будут разбросаны по миру и изменены.

Впрочем, многие из них поступят в университеты, поэтому ещё на несколько лет мораторий будет смягчён, но ведь в любом случае отношение к школьнику и к студенту отличается. Отсрочка наказания не меняет факт того, что тебя отлучат от защиты и опеки.

Если так думать, то они похожи на готовый к отправке товар с одинаковой печатью, из-за чего эта тишина ощущается ещё противней. Кажется, я в прошлом году думал о чём-то подобном. А что ещё делать, если нельзя пользоваться телефоном? Только думать о всяких эфемерных понятиях. В прошлом году я играл в «И выкидывали пальцы» сам с собой, а что делать в следующем?.. И тут я вспомнил, что у меня же в следующем году выпуск. Хм, так вот почему они притащили нас, учеников на год младше, на выпускную церемонию – чтобы дать понять, что времени у нас осталось мало.

Кто-то серьёзный на сцене изрекает благодарности. Я же осторожно посмотрел по сторонам. Наверно, просто случайно. Почти всех людей вокруг после выпуска я больше не увижу. Интересно, как много этих разбитых по полу и по группам людей в алфавитном

---

²³ В Японии конец учебного года весной.

порядке увидят друг друга после выпуска? Они лично могут оставить друг другу какие-то контакты для связи, но зная меня, я бы на такое не пошёл. И чем больше ты вливаешься в новый коллектив, тем реже встречаешься с прошлым. Я, конечно, понятия не имею, что такое вливаться куда-то, но многие вокруг, похоже, знают.

Среди людей вокруг можно привести пример Тоцуки Сайки. Наверно, он о чём-то поговорит и постарается сохранить связь. Я смотрю прямо вперёд! Ещё я заметил Тобе, но он наверняка даже не подумает о том, чтобы связаться со мной, да и наверняка у него нет моего номера. Ещё слева от меня сидит Хаяма Хаято, который хоть и раздобыл мой номер, но вряд ли попытается связаться со мной без веской причины. А если и напишет, то я сначала подумаю, что нельзя сразу отвечать, не то подумает, что мне его не хватало, как настоящий неопытный юноша, и можно быть уверенным, что я забуду и не отвечу вообще. Более того, я не изъявлял желания давать Хаяме Хаято номер. Я его дал только для того, чтобы избежать хлопот, вызванных неожиданной встречей с Оримото Каори. С другой стороны, у меня его номера до сих пор нет.

В результате Хаяма по-дурацки дал мой номер Харуно-сан, из-за чего я испытал стресс, который мог не испытывать совсем. Мне стало дурно от этих воспоминаний, из-за чего я прожигал этого Хаяму взглядом, и он, что-то ощутив, посмотрел на меня, спрашивая взглядом, чего я смотрю. А, я, похоже, засмотрелся. Я отрицательно помахал головой, мол, ничего, и посмотрел вдаль.

Ещё дальше в ряду класса «С» сидит огромный парень Займокуза. Мне почему-то кажется, что мы встретимся и после школы. А остальные? Я продолжил нервно смотреть по сторонам.

Голубоватый чёрный хвост, странно сверкающие очки и беспокойное коричневое каре. Это Эбина-сан, Кавасаки, и Сагами Минами сидят рядом, видимо, по порядку записи в журнале. Выглядит довольно необычно, потому что редко их можно встретить вместе в такой комбинации. Хотя толку мне от того, что я узнал это, всё равно с этим классом у нас осталось меньше двух недель. Более того, эта информация мне была до лампочки не из-за выпуска или смены класса, а гораздо, гораздо раньше.

Кавасаки я могу встретить в подготовительной школе и кивнуть ей, на чём всё и закончится. С Эбиной-сан я тоже не увижусь, если никто не сведёт. Единственная слабая ниточка между нами называется Юигахама Юи, как ни крути, значит, больше мы не встретимся без неё. Само собой, это же относится не только к Эбине-сан, но и к большинству людей, которых я сейчас знаю.

Я немного покрутился, чтобы размять плечи и бёдра, и покрутил шеей. В какой-то момент я заметил персикового цвета волосы с колышущейся «булочкой» на голове. А рядом – золотистая сеточка из кудряшек – это Юигахама Юи и Миура Юмико. Издалека плохо видно, но, похоже, они держатся за руки. То ли она прониклась выпуском, то ли осознала грядущую смену класса, но Миура шмыгает носом и вытирает глаза рукавом. Увидев это, Юигахама

подала ей салфетку. Похоже, они о чём-то тихо разговаривают. Юигахама тоже прижала руку к глазам.

Смотря на тихо плачущую Юигахаму, я подумал, а встречу ли я её после выпуска? Всего лишь год, но я не смог представить себе, что тогда будет. До сих пор мы виделись в клубе и в классе, а теперь, когда их нет, останутся ли наши отношения на прежнем уровне?

Посмотрю-ка ещё.

Хотя... ну его.

Людей из других классов за моей спиной невидно, к тому же мы сидим в порядке алфавита, то есть людей с фамилией на предпоследнюю букву я со своего места тем более не увижу. Наверняка я больше не увижу лица той девушки со строгими тёмными волосами и стройным лицом.

Слегка вздохнув, я посмотрел вперёд. Вдруг слева от меня кто-то прошептал звонким, но почему-то без эмоций тоном:

– Чего вертишься?

– А что ещё делать? Если не сидеть рядом с друзьями, на таких мероприятиях заняться больше нечем.

– Ты говоришь так, как будто у тебя есть друзья и ты просто не с ними сел, – цинично сказал Хаяма, и я вместо ответа просто пожал плечами и нарочно посмотрел прямо, а не на его лицо, подразумевая, что не собираюсь ни о чем разговаривать. Но голос слева не умолк.

– Ищешь?

– Чего? – раздражённо спросил я.

Мне показалось, что он прочитал мои мысли, отчего мой голос звучал раздражённо. Заодно я посмотрел на него грозно. В ответ Хаяма показал вперёд на противоположную сторону зала.

Там была мать Юкиношиты. Японская традиционная одежда в тёмных тонах выделялась так, что нельзя было не заметить даже издали.

– Что она тут делает?

– Местные политики довольно часто появляются на таких мероприятиях. К тому же у них часто дела в эти же дни. Наверно, пришла как представитель.

– Хм... – вяло ответил я. Действительно, всё это время разные представители давали напутствие ученикам. Кажется, учитель, который ведёт собрание, упоминал, что пришло много поздравительных писем.

– Кстати да, что-то такое, помню, и в младшей школе было.

– Да, в государственных школах почти везде так. Они стараются показать свои лица на вступительных и выпускных церемониях, – ответил Хаяма на моё бормотание себе под нос (любимый навык). Похоже, решил поговорить со мной от скуки. И я, и Хаяма смотрим вперёд, а не друг на друга, продолжая это временное сотрудничество.

– Хм-м, вряд ли ученики или их родители их слушают. Они по инерции продолжают, что ли? – сказал я, и Хаяма недовольно вздохнул.

– Неправильно ты выражаешься. Лучше называть это традицией. К тому же в этом есть смысл – учителя и родители являются избирателями.

– Сам ты неправильно выражаешься, – я тоже недовольно вздохнул, и Хаяма самодовольно улыбнулся, той самой кривой улыбкой, которую он, как правило, старается не показывать на людях. Чтобы это понять, мне необязательно даже смотреть в его сторону.

К тому же есть ещё один повод для недовольства. Рядом с матерью Юкиношиты, на местах для гостей, сидит ещё одна похожая личность. Юкиношита Харуно в хорошо пошитом чёрном костюме, руки на лежащей на коленях сумочке. Она спокойно сидит, смотря куда-то вниз.

– Ну, а та девушка что здесь делает?

– Не знаю. Может, на людях показаться, может, поздороваться с кем-то.

– Хм-м, – хмыкнул я в ответ, и у меня возникло дурное предчувствие. То есть Харуно-сан отправится после этого на пром? Мне-то уже всё равно, но вот её слова до сих пор занозой сидят у меня в мозгу. Хаяма натянуто улыбнулся, не услышав от меня ответа.

– Что, не возникает вопросов?

– Ну, может и есть в этом какая-то логика, хотя откуда мне знать, – ответил я в замешательстве, и увидел краем глаза широкую улыбку Хаямы.

– Не говори то, о чём даже не думаешь.

– Это и к тебе относится, – сказал я, сверля его взглядом вбок, но Хаяме хоть бы что, и он просто перевёл взгляд на скамью для гостей.

– Наверно, пришла посмотреть своими глазами.

– Хм, ясно, – сказал я, опустив голову, чтобы закончить разговор. Как правило, если сказать «хм, ясно», то разговор закончится. Должно быть, это такая стоп-фраза, демонстрирующая собеседнику, что тебе его разговор слушать скучно. Но Хаяма не отступил, а вместо этого продолжил тихим голосом.

– А сейчас ты уже не переспрашиваешь, – сказал он тихо, но вызывающим тоном. В ситуации, когда Хаяма Хаято, как и оказавшая на него большое влияние Юкиношита Харуно, начинает такого рода шуточный разговор, смысла молчать нет. Они выжмут слова своим влиянием и взглядом. Хаяма и Харуно-сан очень похожи в том, что я ненавижу. Я их почти не видел вместе, но наверняка они о чём-то весёлом беседуют наедине. Однако к такого рода разговорам я уже привык.

– Можно догадаться и так. Она ведь обычно если приходит, то только чтобы посмотреть, как дела у младшей сестры. До чего у человека много свободного времени... – сказал я, сделав удивлённый вид, и Хаяма усмехнулся, не сдержавшись.

– Ты прав, а может даже она ради этого выкраивает время. Ей настолько интересно, что в руках себя держать не может.

– Э-э? Ужас какой. Быть настолько привязанной к сестре, прям как я к своей...

У неё что, свободного времени как у меня? Я тоже ради Комачи откладываю все свои планы, хотя в последнее время уже не так сильно. За сильную опеку она меня может возненавидеть! Ты слышала, старшая сестра Юкиношита? За сильную опеку тебя могут возненавидеть! А, это же относится и к старшему брату Хикигая.

Я непроизвольно улыбнулся, и вслед улыбнулся и Хаяма. Это я попытался завершить разговор.

Но Хаяма перестал улыбаться.

– Но она пришла посмотреть не только на сестру. Она пришла посмотреть и на твоё решение.

– ...

На этот раз я не смог бездумно ответить. Уверен, Хаяма Хаято прав. Увидев, что я не отвечаю, он слегка ткнул меня локтем, чтобы проверить, слушаю ли я. Из-за этого я цокнул языком, и неожиданно для себя сказал с дурным тоном.

– Вот уж не сидится. Таблицу оценок уже вывесили.

– Как же скучно на таких мероприятиях, если сидишь не рядом с друзьями, – сказал иронично Хаяма. Получается, что ты и с Тобе не дружишь, что ли? Как я подумал, сразу же из-за Хаямы показалось лицо Тобе.

– Что-что-что там про рядом?

– Ничего, Тобе, сиди тихо, – сказал Хаяма, не переставая улыбаться.

– Тю... – пробормотал Тобе и сел обратно.

Наконец-то настала тишина, и я снова перевёл взгляд на пьедестал. Речи важных персон закончились, и объявлен следующий оратор.

– Далее с прощальной речью выступает представитель школьного самоуправления.

В ответ раздался милый карамельный голос. Зачем нужно такой нарочито милый голос делать?... А, вот на сцену подымается Ишики Ироха. Кстати да, она ведь говорила, что готовит прощальную речь... Общалась по этому вопросу с Хирацукой-сенсеем, бегала везде. Ну что ж, давайте посмотрим на результат стараний Ишики и госпожи Хирацука, большей частью, думаю, последней. Я выпрямил спину и посмотрел на сцену, где Ишики поклонилась перед микрофоном.

– Холодная зима подошла к концу, и заменил её новый сезон, полный душистых ароматов и тёплых солнечных лучей.

Ишики раскрыла сложенную несколько раз бумажку и начала зачитывать прощальную речь спокойным тоном, как настоящая отличница. Привычный беззаботный облик надёжно спрятан, снаружи лишь требуемый учителями и родителями облик типичного президента школьного совета. Она плавно читала о воспоминаниях семпаев, деятельности клубов и школьного совета, эпизоды из жизни семпаев, как вдруг её слегка запнулось:

– Мы помним семпаев, которые всегда нас поддерживали...

Периодически она шмыгала носом, вытирала невидимые слёзы... Отличная игра, хитрюга Ирохасу!

Я много раз видел эти выступления со стороны продюсера, но сейчас я – зритель. Понятно, что взгляд с другой позиции меняет то, что ты видишь. Смотреть с арены нужно стоя прямо со сложенными на груди руками, словно ты её парень. Но так как было бы глупо внезапно встать прямо сейчас, то придётся ограничиться подражанием персоналу: «Вот ты ишла своё место. Ты светишься от счастья, не то, что раньше», – с проигрыванием какой-то закадровой музыки от Ямаэки Масаёси²⁴ с видом парня из далёкого прошлого. М, хотя это тоже было бы глупо.

Впрочем, с какой бы стороны я ни смотрел, вид девушки со слезами на глазах, прощающейся с семпаями, вызывает бурю эмоций. Даже понимая, что это всё – лишь игра, от Хачимана тебе много-много очков.

---

²⁴ <http://www.world-art.ru/people.php?id=57584>

Да, Ишики старается, молодец, красавица. Порой получает нагоняи от Хирацуки-сенсея, порой отлынивает от работы, но всё-таки старается. Это она старается?..

Я думал о ней то ли с точки зрения отца, то ли с точки зрения старшего брата, как внезапно ощутил лавину эмоций и перевёл взгляд в потолок, чтобы Хаяма не увидел. Интересно, если бы Ишики осталась президентом ещё на год, услышал бы я от неё прощальную речь?

Наверно, похожая сцена ждёт меня и в следующем году. Точно, я же и Ишики больше не увижу после выпуска... Пока я предавался сантиментам, её речь достигла последнего предложения. Ишики сложила бумажку обратно и сделала паузу. Посмотрев прямо, она вытерла слёзы с уголков глаз и улыбнулась.

– Напоследок разрешите пожелать всем выпускникам хорошего здоровья и успеха в карьере. Действующий президент школьного совета, Ишики Ироха, – напоследок она ещё раз назвала своё имя и поклонилась. Спускалась с трибуны она без слёз, грациозно и с прямой спиной.

Будучи ученицей первого класса старшей школы, она блистательно справилась с речью, и все слушатели, включая меня, одарили её громкими аплодисментами. Волна аплодисментов стихла, стих и мой пик эмоций. После этого начнётся вручение дипломов, где возникнут милые недоразумения, например, выкрики: «Со мной всё хорошо, спасибо!» – в ответ на своё имя.

До чего же скучное это представление, чужая выпускная церемония.

***

Когда-то и я так считал.

– Далее ответ от представителей выпускников, - прозвучал следующий анонс, на который звонко ответила предыдущий президент Сиромегури Мегури-семпай и вышла на сцену. Поклонившись в центре сцены, она медленно молча обвела взглядом зал, словно смотря на всех и каждого. Даже на меня, кажется, посмотрела. И широко улыбнулась той самой спокойной улыбкой, которую я видел много раз.

Атмосфера на выпускной церемонии спокойная, и Мегури-семпай медленно начинает свою речь.

– В этот тёплый солнечный день, в этот день...

Но улыбалась она только в самом начале, и по мере чтения речи начинает запинаться, кусать губы, словно говоря самой себе – не плачь, не плачь. Это выглядело настолько трогательно, что я неожиданно прокричал: «Как эмоционально!» – но только про себя. К

сожалению, отаку – люди очень чувствительные, потому что обладают истинной силой эмоций: плачут, как только начинается лайв-представление, плачут сразу после лайва, делясь эмоциями в твиттере, плачут, когда выходит запись на BD, и просто так плачут.

Настолько сильно они любят эмоции. Например, они превращаются в коренных жителей Эмоциоландии во время радиопрограмм с любимыми сейю-актрисами и на встречах с фанатами. Думая об этом, я тоже чуть не заплакал.

– К тому же опыт работы в ученическом совете является уникальным опытом взаимовыручки всех классов, клубов и волонтеров. Особое впечатление оставили после себя культурный и спортивный фестивали... Это было сложно.

Снова увидев её долгожданную улыбку, я ощутил влагу в глубине носа, и моё зрение помутнело. Я тоже вспомнил, что пришлось пройти в течение этого года, все эти сцены сменялись в голове одна за другой, словно скачущие кони в кружащемся фонаре.

На сцене стоит единственный человек, которого я могу назвать семпай. Семпай вытирает глаза, а голос её дрожит. Вот так я и хлюпал носом, как вдруг мне по плечу постучали. Сделав выражение лица, говорящее, мол, чего тебе, отвали, не видишь я занят, прибью, гады, я повернулся к Хаяме, а у него было ещё более страшное лицо, а пальцем он показывал в другое место. Сидящий сбоку от Хаямы Тоцука достал из кармашка платок.

– Хачиман, ты как? – взволнованно спросил тихим голосом Тоцука и передал мне платок через Тобе, который отнёсся с пониманием.

– Хикитани-кун, у тебя аллергия, да? Аллергия — это страшно.

Нет, отвали, нет у меня аллергии, хотя с конца весны до начала лета насморк не прекращается. Но кто признал это – считай, что проиграл. Но вместо отрицания я слегка кивнул, а Тобе почему-то передал ещё одну салфетку.

– Это тоже передай Хикитани-куну. Я тоже аллергик, в конце весны постоянно беда.

– Тобе, не так громко... - сказал Хаяма, и тот в ответ беззвучно сказал: «Блин!». Почему у него даже шёпот такой громкий? Что за громкий парень. Неплохой в общем-то парень, но шумный. Однако, аллергик... Парень, который носит с собой салфетки, получает от Хачимана много-много очков. А вот я, гуляющий без салфеток, получаю от Хачимана мало-мало очков. Когда эстафета из салфеток дошла до Хаямы, их количество опять возросло: Хаяма достал из кармана салфетку и всучил мне. Я их взял и прислонил к носу.

– Збазибо, – сказал я плачущим голосом, и Хаяма в ответ был неприятно удивлён.

– Ты слишком много плачешь.

– Ты не понял. С возрастом люди становятся чувствительней. Я вот плачу, как только PreCure только начинается.

– Ты что, каждое утро понедельника плачешь?

– Они повторяются, поэтому я каждый будний день плачу.

– А, ясно... – Хаяма ужаснулся.

Мои слезные железы настолько натренированы на аниме для маленьких девочек, начиная с PreCure, что могут генерировать слезь без остановки. Из-за этого мне приходится плакать по субботам и воскресеньям, а сейчас проходит ретрансляция по телеканалам MX и TV Tokyo, поэтому всего получается четыре раза в неделю. А если показывают несколько серий сразу, то я плакать начинаю ещё во время песни опенинга.

Пока я плакал, речь Мегури-семпай продолжалась.

– Каждый из нас встанет на свой собственный жизненный путь. И даже если однажды доведётся столкнуться со стеной, все те воспоминания, полученные знания и гордость позволят нам её преодолеть. Большое всем спасибо.

Наконец-то она подошла к завершающей фразе. На концерте это бы звучало как: «Итак, мы начинаем последнюю песню!». А фанаты в это время думают: «Эй, мы же только пришли?»

Но даже если наши посетители отчаянно не желают конца, любой концерт подходит к концу, как и речь Мегури-семпай.

– Спасибо всем, с кем мы знакомы. Представитель выпускников, Сиромегури Мегури.

Она закончила речь и глубоко поклонилась. Красивый поклон, долгий, под который слышно было лишь всхлипывания и плач в зале.

– Спасибо вам большое! Нам было очень весело с вами! Это было лучшее время! Спасибо!

После чего она медленно подняла голову и задорно улыбнулась.

– Ребята, вы фестивалитесь²⁵?! – громко крикнула она перед уходом, сжимая в руке микрофон. Родители, похоже, ничего не понимают, а вот школьники ей ответили всем хором, вспомнили продолжение фразы.

– Что в Чибэ самое главное?

– Праздники и танцы!

---

²⁵ Отсылка к арке о культурном фестивале.

– Если ты такой же дурачок – ...

– Танцуем!

– Синг э сонг²⁶!

Все поддержали эту загадочную фразу с фестиваля. Вспомнив фестиваль, все заулыбались. Тяжёлая атмосфера улетучилась вмиг. Улучшилась, разумеется. Вот это и есть атмосфера, созданная Мегури-семпаем в качестве президента. Я семпаев практически не знаю, да и не интересны они мне, но всё же это была хорошая выпускная церемония. Ради одной только улыбки Мегури-семпай стоило сюда прийти.

Идеально! Нужно будет вернуться домой и написать заметку о лайве в твиттер!

***

После выпускного был обычный классный час, после которого нас сразу отпустили домой. Сегодня выпускной также и для остальных учеников, которые прощаются с семпаями, которые были членами или помощниками клубов, поэтому они очень быстро покинули класс. Даже Хаяма и три его болвана, которые, как правило, ещё долго сидят в классе, уже исчезли, да и Тоцука ушёл с каким-то большим пакетом в руках. У меня же никаких знакомых семпаев нет, поэтому я иду напрямиком домой.

Я быстро собрался, чтобы уйти домой из этого опустевшего класса, как ко мне подбежала Юигахама.

– Ты не пойдёшь в ученический совет? Мегури-семпай там будет.

– А, ну да, желательно бы попрощаться, но...

Это будет последняя встреча с Мегури-семпай. Всё-таки с ней у нас были кое-какие дела, поэтому логично было бы попрощаться, хоть и неловко встречаться с ней сразу после того, как я рыдал. Интересно, как я выгляжу, глаза не покраснели? Ох, не хочу я, чтобы Мегури-семпай меня таким увидела... Можно сделать, как женщина, только третий год после университета, которая утешает себя: «Не сдавайся, я!» – прислонившись спиной к холодильнику в какой-то рекламе. Думая об этом, я заметил вопросительный взгляд Юигахамы.

– Что, но?

– Да нет, ничего. Пойдём.

---

²⁶ «Песни пой» (англ.).

Трудно и стыдно объяснять, почему мужское сердце оказалось столь просто разбить, как девичье, поэтому я не стал начинать разговор, взял портфель и пошёл. Смотря на меня с подозрением, Юигахама всё же пошла за мной, не понимая в чём дело.

Однако же, как только мы вышли из класса, она наконец-то догадалась, в чём дело. Обогнав меня, она всмотрелась в моё лицо.

– А, Хикки, ты же так сильно плакал! Капец! Стесняешься? – едва сдерживая смех, спросила Юигахама. Мне стало немного стыдно из-за того, что она смотрит на меня глазами старшей сестры, и я не нашёлся что ответить.

– Нет, не стыдно! – пробормотал я неловким тоном, из-за чего Юигахама опять засмеялась.

– Юмико тоже плакала, а потом ей было очень стыдно! Она так мило в этот момент выглядела! – довольно рассказала моя одноклассница, широко улыбаясь. То есть Миуре стало стыдно, и поэтому она так быстро ушла домой? Понятно, какая милаха...

«Но я могу понять, почему она плакала. Почти как я», – придумал я объяснение, но сказал кое-что иное.

– В принципе, это нормально – плакать в такой момент. Во время речи Ишики, например: она хоть и непоправимый человек, но уверен, она много думала и старалась. Тем более, помнишь Мегури-семпай? Начала она с улыбки, старалась её удерживать, но в итоге всё равно расплакалась, а после речи опять заулыбалась. А под конец, уверен, это был экспромт. Да и...

– Стой, стой, ты много говоришь! Э? Фу, ужас, капец...

Я понимаю, почему тебе противно. Отаку постоянно говорят про экспромт, становятся эмоциональными. Несмотря на существующий сценарий, больше похожий на сценарий для про-рестлеров. Значит, совместимость отаку и про-рестлеров высока, то есть Bushiroad²⁷ проделали хорошую работу. В частности, их слоган: «Играй, пока не победишь!». Один из важнейших элементов для любого владельца контента. Можно было бы сказать это Юигахаме в качестве оправдания, но у меня есть более подходящие слова для спора.

– К тому же ты ведь тоже плакала, – сказал я и посмотрел на неё добрым взглядом. В ответ Юигахама нахмурилась.

---

²⁷ Производитель различного рода развлекательных игр и сервисов.

– Это потому что Юмико плакала. У нас ведь меняется состав класса, а если представить, что скоро будет выпуск... Я просто за компанию, – улыбаясь, чтобы провести меня, но со стеснением ответила Юигахама. – Я бы не хотела, чтобы ты на это смотрел.

– Я тоже.

Спустившись этажом ниже, мы попали в толпу. Классы, в которых учились нынешние выпускники, расположены на первом и втором этажах, поэтому по всему коридору ученики разговаривают и фотографируются. Но даже после того, как фото сделано, они не сразу отлепляются друг от друга, а продолжают беседу. Не знаю, то ли им не хочется расставаться, то ли они просто упустили момент улизнуть из-за низких коммуникационных навыков, в любом случае отсюда сложно уйти.

Мы шли по коридору осторожно, чтобы никому не помешать, и разминулись с группой людей, у которых на кармашке у груди были цветочки. Шли они в обнимку с выпускным альбомом. Наверно, идут куда-то заполнять последние пустые страницы, оставленные именно для этого.

– Я в следующем году буду плакать, как ребёнок, – пробормотала Юигахама в момент, когда мы уступали им дорогу. Решив, что она сказала это сама себе, я невнятно ум-кнул в ответ.

Думаю, она в следующем году будет плакать, а ещё прижиматься плечами к Миуре и Эбине-сан, держаться за руки, шептать слова дружбы, сожалея о расставании. Да и сегодня, скорее всего, она плакала не только из-за атмосферы выпускной церемонии. Не просто увидела своё неизбежное будущее в выпускниках, а из-за реального расставания, происходящего с ней в этот момент: можно на пальцах пересчитать количество раз, когда мы потревожим дверь класса 2-F. Обычные уроки и простые перемены, даже тихое время после занятий – всё это закончится в недалёком будущем. На третий год хоть и будет нечто похожее на выпускной церемонии, но уже с другими людьми.

Уверен, Миура привязана к этому классу. Про Хаяму Хаято – само собой понятно, но ведь и подружиться с кем-то было непросто. С Юигахамой у неё была ссора, что наоборот, только усиливает привязанность. Это же касается и Юигахамы.

Попробую вспомнить, а что насчёт меня?

Не ошибкой будет сказать, что для меня это просто смена класса. Ещё не произошло ничего такого, к чему я был бы привязан эмоционально. Я не пытался взять чей-то номер телефона, и не пытался ни сократить дистанцию, ни хотя бы не увеличивать её. После выпуска в средней школе я видел только одну Оримото Каори, да и ту по чистой случайности.

В мире есть один закон – люди становятся чужими, если не видятся. А с новыми знакомыми они становятся, наоборот, ближе. Люди быстро привыкают к смене обстановки и

к людям. Ну, раз так, то прощайте. Мы постоянно с кем-то прощаемся. Думаю, смена классов и выпускная церемония – это способ тренировки прощания с людьми. Создание временных рамок позволяет людям любого склада прощаться с другими. Даже если у тебя нулевые социальные навыки, ты можешь попрощаться красиво. Какой добрый план, да ещё и гениальные оправдания «из-за выпуска» и «из-за смены класса», чтобы обоснованно не видеть эти лица.

Из-за нескольких расставаний даже я стал в этом профи. Достигнув мастерства в расставаниях, я могу идеально ровно оборвать любые отношения без лишних слов. Великое мастерство естественным образом всё закончить, так, что человек даже не осознает само расставание. Ужасно быстрое расставание, которое даже заметить могу только я, мой ставший привычкой навык – скрывать своё присутствие.

Но, с другой стороны, по-настоящему я ни с кем не расставался. Даже на подработке: я просто молча уходил, отправляя рабочую одежду почтой с наложенным платежом. Запоминающееся выступление, да. Что же мне сказать Мегури-семпай... Пока я об этом думал, мы дошли до учсовета. Немного нервничая, я постучался в дверь.

– В-ходите, – ответил прерывающийся голос. Я ещё дверь не открыл, но наверно это был голос Ишики. Почему у неё настолько усталый голос? Когда я открыл дверь, вопрос решился сам собой: там Мегури-семпай обнимала Юкиношиту и Ишики, плача как дитя.

– Спасибо вам большое! Я так любила ученический совет!

– Ты слишком близко... – Юкиношита смущена, а Ишики отвернула лицо в сторону и устало вздыхает. Хм, молодцы, как хорошо с вашей стороны было закрыть собой облик Мегури-семпай. Отличный вид, спасибо вам за него, – подумал я, как тут Мегури-семпай заметила и нас.

– О, Юигахама-сан и Хикигая-кун, вы тоже пришли!

На этот раз она набросилась на Юигахаму. Юигахама, очевидно, уже привыкла к тесному контакту с девушками, и естественным образом обняла её в ответ. А я же перепугался, аж сердце застучало, поскольку не знал, что делать, если вдруг она и меня зацепит.

– Спасибо вам двоим! Хотя и было очень сложно, но мне было очень весело!

– Мне тоже, – Мегури-семпай и Юигахама взяли за руки и начали разговаривать, а Юкиношита выдохнула, расслабившись. Увидев это, я не сдержал улыбки из-за ностальгии.

Внезапно наши взгляды встретились, но в тот же миг Юкиношита отвела взгляд в сторону часов и обратилась к Ишики:

– Скоро прибудет доставка, поэтому я пойду встречать.

– По-моему, ещё рановато... – Ишики посмотрела на неё с подозрением и достала из кармана расписание.

– М-м, время ещё есть, но лучше выйти раньше, чем опоздать. Можно я пойду с тобой?

Юкиношита отрицательно помотала головой.

– Я сама справлюсь с простыми указаниями. Всего доброго, Мегури-семпай, увидимся на проме.

– Ага, пока! – улыбнувшись, ответила Мегури-семпай. Юкиношита в ответ поклонилась и покинула учсовет. Широко маша ей рукой, Мегури-семпай тоже бросила взгляд на часы.

– Да, надо готовиться к прому. Мне тоже пора переодеваться, – пробормотала Мегури-семпай, и у стоящей рядом Юигахамы загорелись глаза.

– Ух ты! А какое у тебя платье?

– Крутое такое, сексуальное!

– Сексуальное?.. – Юигахама в замешательстве из-за слишком прямого ответа Мегури-семпай. Но та почему-то довольно хмыкнула и достала телефон. Юигахама туда заглянула, и они начали о чём-то шептаться.

– Много чего открыто, и фигуру так облегает... Да, сексуально.

– Ага. Сексуально.

Посмотрев на это, Ишики тоже всунула своё лицо.

– На границе допустимого по руководству. Хоть и милое, но всё же похоже на фетиш.

– Вот-вот. Я сразу выбрала это, как только увидела каталог. И пришла примерить!

– О, все выпускники пришли примерять вместе? Звучит весело!

– Ага, я им заранее позвонила, и мы почему-то так решили, – говорит Мегури-семпай, что-то делая в телефоне. А Юигахама при каждом движении её пальца издавала различные возгласы, сверкающими глазами следя за экраном. А вот Ишики наоборот – само равнодушие.

– А-а, понятно. Спасибо за резюмирование руководства.

– Да ладно! Знаешь, как весело было заниматься чем-то похожим на ивент!

Дамы, похоже, веселятся, смотря что-то в телефоне, а мне остаётся только ёрзать и смотреть по сторонам, намекая, что тоже не против посмотреть. В такие моменты парню сложно войти в круг. Нет, я понимаю, что стоять в стороне – это правильное решение, потому что даже если я сейчас попрошусь и посмотрю, то, уверен, у меня не будет ни одного впечатления, которое было бы одобрено. Наверняка я смогу выдать только: «Ух ты, секси». Лучше уж ничего не говорить. В итоге я просто стою, как статуя, пока девушки веселятся. Я стоял, как статуя Будды, которому вот-вот начнут приносить подношения, как тут Мегури-семпай широко улыбнулась мне и, похоже, из-за меня учтиво сложила телефон в карман.

– У меня всё не было случая, чтобы надеть такое платье. Как я рада, что вы сделали пром. Спасибо, Хикигая-кун.

– А, я тут почти ни при чем. Это Юкиношита и Ишики сделали.

– Вот как...

Я был в замешательстве из-за того, что внимание переключилось на меня, и ответил с натянутой улыбкой. Мегури-семпай сделала слегка расстроенное лицо, из-за чего у меня возникло чувство вины, поэтому я дополнил странной фразой.

– Ну, я думаю помочь немного, поэтому на проме покажусь.

– Ясно, ну тогда ладно. Я так хотела встретиться с вами напоследок, – сказала Мегури-семпай успокоено, но в последнем слове чувствовалась грусть. Возможно, она и сама это понимала.

– Не думала я о выпуске... – пробормотала она, с любовью оглядывая класс школьного совета. Уверен, эти слова были обращены не к нам. Осознав, что никто ничего не говорит, она начала быстро говорить, весело размахивая руками, чтобы убрать это настроение:

– А-а, нет, я всё понимаю! Я собиралась закончить нормально школу, и в университет поступаю! Я не это имела в виду, просто...

Её движения резко замерли, вместе с привычной улыбкой и фразой на полуслове.

– Просто, понимаете...

Чтобы скрыть возникшие в уголках глаз капельки, она широко улыбнулась. Юигахама ласково кивнула в ответ на её улыбку.

– А, понимаю.

Стесняясь, Мегури-семпай тихо поблагодарила её и снова посмотрела на нас.

– Сделайте что-нибудь весёлое вместе, ладно? Я вот уже заканчиваю школу. А у вас всех ещё есть время.

– Конечно, – ответила Юигахама.

– В пределах возможного, – ответил и я. Не думаю, что это осуществимо, но сейчас можно сказать. Наверно, выражение у меня и Юигахамы было примерно одинаковым – словно мы что-то терпим, сдерживаемся. Слегка прикусив губу, смотрим куда-то вбок. Мегури-семпай ничего больше не сказала, а просто ласково на нас посмотрела и перевела взгляд на Ишики.

– Ишики-сан, я оставляю ученический совет старшей школы Собу на тебя, – сказала она, красиво поклонившись, из-за чего Ишики в замешательстве. Она два-три раза хлопнула ресницами, но быстро поправилась и стала стройно, ровно напротив Мегури-семпай.

– Можешь доверить его мне. Хотя я тут уже некоторое время руковожу... – сказала Ишики и натянуто улыбнулась, и вслед широко улыбнулась Мегури-семпай.

– Хе-хе, ну да.

Мегури-семпай шлёпнула себя по щекам, словно подбадривая.

– Отлично, прощание окончено, – сказала она и пошла.

– Ну, до встречи! Пообщаемся ещё на проме! Обещаю! – сказала она и с силой помахала рукой. Мегури-семпай открыла дверь, вышла, прикрыла дверь, оставив небольшую щёлочку, ещё раз посмотрела через неё на нас и помахала рукой. Ты превращаешься в Джека Николсона из «Сияния»²⁸, не делай так! Из-за этого у меня нет иного выбора, кроме как помахать ей в ответ. Только после того, как дверь полностью закрылась, я смог опустить руку и нечаянно устало вздохнул.

– Почему-то семпаю очень нравится Мегури-семпай, – сказала пристально следящая за разговором Ишики.

– А, я тоже об этом подумала.

– Э? А разве есть хоть кто-нибудь, кому она бы не нравилась? – удивился я.

– А, нет, похоже. Да и почему ты так грозно смотришь? – сказала Юигахама и улыбнулась. А почему затихла Ирохасу, сложив руки на груди с лицом, выражающим: «Должны быть, полагаю»? Не делай так! Я посмотрел на неё с укоризной, и Ишики, как только заметила это, слегка прокашлялась, чтобы замять этот разговор.

– Ну что ж, постараемся ради нашей любимой Мегури-семпай! – странно улыбнувшись, сказала Ишики. Да, что-то меня в этой формулировке смущает.

***

Ишики привела нас в спортивный зал, также являющийся местом проведения прома. Солнце уже скоро зайдёт, освещая пол и стены оранжевым светом, а в дальнем конце ярко пылает печка. Благодаря этому в просторном зале нет чувства холода. На первый взгляд, подготовка праздничных украшений проходит хорошо: весь зал обставлен стендами с цветочными горшками, игрушками из воздушных шариков – «колбаски», различные зеркальные шары и прочее. Хоть и чувствуется тяжесть только что закончившейся выпускной церемонии, но всё же находящиеся здесь выглядят довольно весело.

И только рабочее место Юкиношита Юкино в зале сохраняет прохладную рабочую атмосферу. Сама же Юкиношита о чём-то договаривается со службой доставки. Ишики же за ними наблюдала, и, как только ей показалось, что там закончили, она оставила меня и побежала в ту сторону.

– Юкино-семпа-ай, ну скоро ты уже?

Юкиношита услышала Ишики, после чего ровно поклонилась работнику и быстро подошла сюда... точнее, остановилась, не дойдя.

– ...Хикигая-кун.

Она сжала рукав пиджака, словно что-то хотела сказать, но сдержалась. Но нахмуренные брови и слегка опущенный вниз взгляд словно спрашивают, чего я тут забыл. Возможно, стоило бы придумать какую-нибудь причину, но убедить её мне нечем, а нести какую-то непонятную чушь смысла нет. Мы встретились не по моей воле, а потому что я скинул с себя ответственность, не сопротивлялся. Я просто слегка кивнул ей в знак приветствия, потому что всё равно сказать нечего.

– Юкинон, как дела? Мы помочь пришли, – Юигахама влезла между молчащими мною и Юкиношитой. Юкиношита виновато поклонилась.

– А-а... Извините.

– Всё нормально, я с самого начала собиралась помочь.

– Спасибо, – Юкиношита наконец-то улыбнулась в ответ на бодрый голос Юигахамы. Я тоже захотел что-то сказать, но тут Ишики похлопала меня по плечу, словно остановив меня.

– Ну, лишние руки нам нужны. Семпай, надеюсь на тебя, – сказала она легким тоном, но чувствую, что отрицательный ответ не подразумевается.

– Можно начать совещание, думаю? – сказала она и достала из кармана расписание.

– Управляет всеми делами Юкино-семпай, я тут нечто вроде босса, заместитель президента отвечает за свет, секретарь – за кейтеринг, а остальным занята мелочь из футбольного клуба, мы вовлекаем людей из разных клубов.

Я больше половины того, что говорила Ишики, пропустил мимо ушей, разглядывая спортивный зал. Действительно, много людей, которых я не видел в учсовете. Видимо, благодаря помощи главы собрания клубов школы, Хаяме, им удалось добыть дополнительную рабочую силу. Поэтому и Юкиношита, и члены учсовета могут работать в качестве основного персонала. Понятно, понятно... Но тут Ишики внезапно добавила:

– А, заниматься нарядами и решением проблем будет специальный опасный человек.

Это она о Кавасаки? Сказала, как будто об антисоциальном элементе. Она ведь хорошая девочка... Я удивлённо посмотрел на Ишики, но она в это время что-то вписывала в расписание. Подняв взгляд с записки, она посмотрела в сторону Юкиношиты.

– А с этими двоими что делать? – спросила она, и Юкиношита задумалась, прислонив руку к подбородку.

– Помогать они могут на ресепшене, со звуком и светом, думаю.

– Я буду на ресепшене. Потому что Хикки туда сажать, это... – немедленно вызвалась Юигахама, слегка подняв руку, и сократив часть предложения. Поняв её, Ишики кивнула.

– Ну да.

Молодцы, Юигахама и Ирохасу, вы меня понимаете. Я тоже себя хорошо понимаю, поэтому тоже понимающе кивнул. Юкиношита это проигнорировала и посмотрела в сторону Юигахамы.

– Людей, как правило, мало, но иногда приходят родители, их нужно будет вписывать в журнал. А ещё проверять их номер по ученическому билету.

– Я поставила на ресепшн Тобе-семпая и другую мелочь, поэтому если вдруг начнутся споры или они начнут отлынивать, зови меня или Юкино-семпай, – добавила Ишики.

– Поняла! – лёгким тоном ответила ей Юигахама. Так Тобе, значит, мелочь...

– А вот семпай...

– Так...

Ишики посмотрела на меня и на Юкиношиту. Но Юкиношита ничего больше не сказала, а вместо этого прикусила губу, о чём-то размышляя. Но из разговора и так понятно, что осталось всего две роли.

– Свет будет влиять на выступление. Нужно знать всю программу, чтобы им заниматься, – сказал я и посмотрел на стоящую ко мне боком Ишики. Она кивнула в ответ.

– Ну да. Значит, займись, пожалуйста, звуком. Вообще-то я лично хотела этим заняться, но не смогу сидеть на одном месте. Ты мне очень pomoжешь, если не будешь отлучаться.

– Есть что-то, что я должен знать?

– В расписании есть номера треков из плейлиста, проблем возникнуть не должно. Время тоже записано, так что всё нормально.

– Хм, понятно.

То есть они уже подобрали песни и собрали их в плейлист с правильными таймингами. Значит, нужно только разобраться с технической частью.

– Можно попробовать? – спросил я, указав на левую часть сцены на находящуюся на антресоли аппаратную. Лучше на всякий случай попробовать и убедиться, что я могу управлять как нужно, чтобы не возникло проблем во время основного мероприятия.

– А, точно. Ну, тогда пойдём, – сказала Ишики, зовя меня с собой. Я последовал за ней в аппаратную.

Мы поднялись по тесной узкой лестнице в маленькую каморку. За мной зашли и Юкиношита с Юигахамой. Юигахама с удивлением рассматривает всё вокруг. Ну да, как правило, сюда люди не ходят. Я однажды что-то проверял в аппаратной во время культурного фестиваля, но ничего не трогал. Переживая, что у меня что-то может не получиться, я посмотрел на микшерный пульт перед небольшим окошечком, на котором ненадёжно светилась маленькая красная точка.

Ишики предложила сесть на стул перед пультом. Над пультом висит ламинированная бумажка – мануал и плейлист с кучей надписей. Также бумажной лентой обклеены различные места на пульте, чтобы любой ученик мог справиться с ним. Цветной лентой обозначены фильтры, которые можно использовать, так что с первого взгляда всё понятно. Похоже, проблем быть не должно.

– Попробую что-нибудь включить.

– Пожалуйста.

Получив согласие Ишики, я нажал на кнопку. В этот момент раздался звук эндинга, который мог бы понравиться кому-то вроде Тобе. Я попробовал запустить все песни из плейлиста и заодно, когда песни играли, проверил, как работает аудиосистема. Всё нормально.

Что там ещё? Я посмотрел, что ещё есть на пульте, и осознал, что аудио-оператор заведует всем, что касается звуков, включая, естественно, и управление микрофонами.

– А где микрофоны расположены? И сколько их?

– Э? А, секундочку... – Ишики начала быстро листать расписание. В этот момент заговорила Юкиношита:

– У меня один проводной микрофон в правом крыле, и один беспроводной у Ишики-сан. Ещё один беспроводной микрофон в левом крыле в качестве запасного, – сказала она, достав из кармана блейзера малярную ленту, оторвала кусочек и приклеила под фейдерами²⁹. Я же, позаимствовав валяющуюся на столе ручку, написал «Юкиношита», «Ишики», и «запасной». Вот и с микрофонами разобрались. Что там дальше... Я быстро просмотрел расписание, пока не дошёл до непонятного слова.

– А вот это «слайдшоу» — это что такое? – спросил я, показывая пальцем. Ишики заглянула и с выражением, мол, «а, опять это», вздохнула.

– Мы сделали фильм из кучи разных фотографий выпускников. Хотя ничего интересного не получилось.

– Хм-м.

Похоже, план прома обновили, пока меня не было. В наше время простая обработка видео доступна даже на телефонах. Не знаю насчёт качества, но если им удастся обрадовать и поднять настроение выпускников при минимальных трудовых затратах, то что может быть лучше? Понятно, значит, они много чего продумали. Восхитившись, я обвёл соответствующий пункт расписания.

– Значит, из нудного осталось только слайды. А на чём их крутить? – я прокрутился на стуле, оказавшись прямо перед Ишики. Но ответ пришёл сбоку.

– Слайды с компьютера. В технической части всё нормально, мы уже проверили. Слайдами мы займёмся, поэтому можешь думать только о том, как двигать фейдеры, –

---

²⁹ Фэйдер или фейдер (англ. *fader*, от *fade* «затихать») — орган управления параметрами физического или виртуального устройства, регулятор ползункового типа.

сказала Юкиношита и начала запускать компьютер. Похоже, собирается показать всё в деле. Значит, вопросов у меня больше нет.

– А чёрный экран с таймером в начале видео есть? Сколько секунд?

– Десять секунд. После чего с десятисекундным интервалом смена изображения.

– Можно прокрутить разок?

– Да. Ишики-сан, можешь включить?

– ...Э? А, ага! – похоже, Ишики испугалась, когда внезапно её включили в разговор, но тут же пришла в себя. Юкиношита подозрительно посмотрела на неё.

– Что случилось?

– Ничего, просто вы так много говорить начали... – сказала она и посмотрела на Юигахаму, ища одобрения. Та в ответ натянуто улыбнулась.

– Ну, у них всегда так... – осторожно улыбнулась Юигахама и потрогала свою «булочку» на голове. Мы с Юкиношитой переглянулись. В операторской повисла тишина. Не выдержав, я ответил:

– Ну, вы извините, противно наверно от того, что я внезапно начал говорить?

– Это тоже верно, конечно...

Верно?! Ирохасу, я тебе противен? Я обиженно посмотрел на неё, и Ишики кашлянула, чтобы отвлечь внимание и проверить, всё ли хорошо с горлом. После чего она взяла невидимый микрофон одной рукой и притворилась, что у нас репетиция.

– Итак, следующим номером у нас слайдшоу! Ура! Хлоп-хлоп-хлоп!

– Ишики-сан покидает сцену, свет медленно выключается, и как только зал стемнел – начинается показ видео. Твоя очередь, режиссёр, – и Юкиношита работает на компьютере, попутно объясняя. Под конец она нажала на кнопку «Enter». На опущенный экран сцены транслируется чёрный экран без звука. В этот момент я увеличиваю громкость компьютера, уменьшая закадровые звуки и микрофоны. Выглянув через окошко, я увидел таймер на чёрном экране; тиканье часов сопровождало смену цифр. Как только таймер достиг нуля, я услышал вступительный туш³⁰, который часто звучит в рекламе. Под душещипательную музыку на экран выводятся фотографии повседневной жизни выпускников.

---

³⁰ Короткая мелодия для обозначения приветствия или иного события.

Хех, неплохо получилось. Я совершенно посторонний для людей на этих фотографиях, но вдруг заметил, что какие-то эмоции начали появляться в моей груди. Тут включилась Юигахама:

– Такое чувство, что я это где-то видела... – сказала она.

– С этой мелодией любому так покажется.

Никто не выразил словами это дежавю, поэтому в разговор включилась создатель этого видео Ишики.

– Ну и пусть, нам главное – чтобы всё понятно было. Музыка, под которую можно плакать – то, что надо.

– Кажется мне, что люди могут решить, что это пародия, и засмеют, – словно отчаявшись, сказала Юкиношита и криво улыбнулась. Но я вполне понимаю, о чём говорит Ишики. В самом видео нет ничего особенного, и игра не из плохих: просто ряд фотографий выпускников и фотографии, снятые на телефоны. Но благодаря музыке для них это будет весьма эмоциональным видео, и, уверен, словами это будет трудно передать.

Вот музыка медленно затихла, и на экране появилась надпись «Поздравляем с окончанием школы!» на симпатичном фоне. После ещё нескольких сообщений видео закончилось.

– После видео свет медленно включается вновь, и мы возвращаемся к основной программе, – сказала Юкиношита, и я, кивнув, сделал пометку в программе.

– В общих чертах я всё понял. Думаю, я смог бы справиться и с видео.

– Это было бы хорошо. На репетиции этим занимался кто-то, кто был не занят, а вот когда начнём...

– М, ну да. Я сижу на одном месте, поэтому тут всё сделаю. Можно тут попробовать всё? Потому что я основные колонки включу.

– До открытия – без проблем.

– Понял. Совещание на этом всё? – спросил я, пролистав расписание и проверив, есть ли что-то, что мне непонятно на данный момент, и поднял взгляд. Мои глаза встретились с Юкиношitou. Глаза её были влажными, а на лице – простая улыбка. Мне показалось, что она смотрит куда-то далеко-далеко, поэтому отвернулся в сторону.

– Хорошо. Оставляю всё на вас. Ишики-сан, пойдём разбираться со светом, – Юкиношита позвала Ироху и пошла. Та поторопилась вслед за ней.

– Э? А, слушаюсь! До скорого, семпай!

Я в ответ просто поднял руку и повернулся обратно к пульту, слушая торопливо удаляющиеся шаги. Одновременно скрипнул и стул – это рядом уселась Юигахама.

– Ну как, справишься? – осторожно спросила она, и я в ответ пожал плечами.

– Справлюсь, наверно, – ответил я, но Юигахама всё равно выглядела взволнованно.

– Ясно... Вы столько сложных слов говорили, поэтому я переживаю.

– Нужно только привыкнуть, – сказал я и улыбнулся, после чего снова посмотрел на пульт.

Да, я просто не привык ещё, поэтому нужно побыстрее это сделать. Я нажал на кнопку «Play» и поднял ползунок громкости, пустив какую-то мелодию, названия которой я даже не знаю. Это был жанр EDM³¹, которого я раньше никогда не слышал. Эта музыка похожа на ту, что крутят в современных клубах, поэтому я нахмурился. Но даже к этим звукам мои уши привыкнут. Привыкнут и к управлению микшером, и непривычным EDM, и к наушникам-мониторам, из которых доносится какой-то дикий шум, и к басам позади динамиков.

Всё станет привычным с течением времени.

***

Сквозь щель в плотной чёрной занавеси на чердачном техническом мостике проникает закатное солнце. Этот свет заставляет часть зеркальных шаров излучать солнечных зайчиков. Видимо, они делают предварительную проверку освещения. До начала осталось очень мало. И я, как ответственный за звук, занимаюсь финальными настройками.

– Раз-раз, а-а, раз-раз, – сказал я в микрофон в правой части зала. Мой же голос раздался из динамиков. Я посмотрел в окошко операторской в левой части зала – и Ишики, которая занимается этим же, показалась оттуда. Я показал ей руками знак «всё отлично» в виде круга. В ответ она ярко улыбнулась и аналогично руками показала мне знак «О», слегка наклонившись. Какая же она милая...

– Хикигая-кун.

Я обернулся и увидел Юкиношиту. В руках она держала чёрную коробочку с подключёнными микрофонами, наушниками, каким-то шнуром и так далее, то есть с переговорным устройством – рацией.

– Через это я буду давать указания о плейлисте.

---

³¹ Electronic Dance Music, Электронная танцевальная музыка

– О, какая ностальгия.

Я взял его и осмотрел. Мы действительно пользовались им на всех ивентах, начиная с культурного фестиваля.

– ...

Юкиношита же ничего не ответила, а повернулась ко мне спиной.

– Другой передай Ишики-сан.

– А, хорошо.

Больше мы не сказали ни слова. На недавнем совещании слова сами выходили, а тут, у тёмной сцены, повисла тишина. Когда занимаешься работой, тишина не мешает, но... я посмотрел на свои руки.

– А, точно. Стойка для микрофонов нужна? – вспомнил я, и Юкиношита обернулась. На лице у неё было видно замешательство.

– А, да... Планировала...

Тогда я притащил одну подставку, спрятанную глубоко за сценой, и прицепил микрофон.

– Такая высота подойдёт? – подкрутил я подставку, и услышал над головой вздох Юкиношиты.

– Да, как раз, вот только... Я и сама это могу сделать, – сказала она, опустив взгляд, и мои руки замерли. Опять я какую-то ерунду сделал, чтобы скрыть неловкость. Мне стало неприятно за себя.

– Конечно. Извини.

Я поставил стойку, встал и отошёл от неё на пару шагов.

– Извиняться не обязательно...

– А!.. Ну да.

Здесь, за сценой, где свет почти не проникает, даже дыхание обретает форму, и я не понимаю, как себя вести. Казалось бы, времени прошло всего ничего, но такое чувство, что я стоял как столб очень долго. Наверно, Юкиношите тоже было неловко.

– Извини, если я себя как-то странно веду, – вздохнув, сказала она неловким тоном.

– Э? Да нет, вроде бы всё как обычно, – сказал я нечто странное, удивившись.

– Я не была уверена, с каким лицом мне с тобой говорить.

Ну даёт! Она смогла что-то сказать, несмотря на гнетущую атмосферу! Да ещё и такое...

Но всё-таки это на неё похоже. Она не особо хорошо умеет читать атмосферу. Я бы даже сказал, она её читать не умеет вовсе. Или же, правильнее сказать, она жила не в той обстановке, где нужно было уметь читать атмосферу. Однако, думаю, она немного научилась этому, проведя около года со мной и Юкиношамой. Не знаю, хорошо это или плохо. Может, как я, начнёт чувствовать атмосферу чересчур сильно, настолько, что будет пытаться вести себя естественно, что ни к чему толковому не приведёт. На самом деле и я даже сейчас не знаю, как правильно себя вести.

Я не понимаю, то ли она стесняется, то ли ей неловко. Или она вот-вот заплачет? Что я должен сказать, смотря, как она поправляет чёлку и убирает несколько раз волосы с плеч, не находя места взгляду?

– А-а, ясно. Может, вести себя как обычно? - с большим интервалом посередине, наконец, дал я невнятный ответ.

– Как обычно... Ну да... – словно глотая, кивнула Юкиношита. Я кивнул ей в ответ. Наверно, со стороны это смотрелось, как спор двух голубей. Юкиношита бормочет себе под нос «обычно, обычно...», словно пытаюсь себя успокоить. Смотря на неё, успокоился и я, благодаря чему смог начать нормально разговаривать.

– Сейчас суматоха, поэтому о чём-то другом думать времени нет. Уверен, вскоре ты сможешь делать всё как обычно. Наверно.

– Д-да, когда всё немного успокоится, я смогу сделать всё правильно, как нужно, думаю.

Я думаю, что это и есть «обычно» для нас. Как раз из-за этого мы и пытаемся быть «обычными» – чтобы верить, что эти отношения не являются чем-то необычным. Услышав от меня что-то более-менее нормальное, Юкиношита, похоже, тоже успокоилась. Она кашлянула и попыталась сменить тему.

– Я ничего такого не имела в виду, эм... Нам действительно не хватает людей, и за это я тебе благодарна...

– М, да я понял. Я тоже ничего не подразумевал. Ну, просто попросили помочь, ну и я не мог полностью отстраниться, – сказал я и натянуто улыбнулся. Юкиношита помотала головой, мол, не переживай.

– Тут уж ничего не поделать. Ишики-сан на тебя полагается, – сказала она и улыбнулась. Чувствую тот ещё шутливый тон. А какая хитрая формулировка – «полагается на меня»! Это что, влияние политкорректности?

– Ишики уже неплохо подросла как президент, поэтому меня скоро освободят от должности. И больше не буду этим заниматься.

– Я бы не сказала. Я не думаю, что она тебя так легко освободит.

– Что за страшная формулировка? Ужас! – сказал я, ощутив, что волнение спало, и что я могу продолжить работу. Я поправил шнур микрофона, чтобы он не запутался. Тут же раздался звук вибрации.

– Ой, извини, – Юкиношита достала из кармана телефон и посмотрела на экран. После чего она устало вздохнула, и благодаря свету дисплея я смог разглядеть её нахмуренные брови. С этим же выражением лица она посмотрела вверх, в сторону операторской. Я тоже туда посмотрел. Ишики сложила ладони вместе и поклонилась.

– Что такое? Что-то случилось?

– Ничего особенного, – сказала Юкиношита и быстро покинула сцену. Возникла какая-то проблема, что ли? Из интереса я проследовал за Юкиношitou.

Под сценой Хирацука-сенсей что-то говорит Юкиношите, а сзади стоят мать Юкиношitou и Харуно-сан. Что вы здесь делаете, сенсей? Точнее говоря, что здесь делают мать Юкиношitou и Харуно-сан? Я посмотрел через плечo Юкиношitou, и Хирацука-сенсей заметила меня.

– О, Хикигая, ты тоже тут? Извини, что мешаем подготовке.

– Да нет, ничего.

Позади Хирацуки-сенсея стоит мать Юкиношitou. Она, похоже, заметила моё существование и улыбнулась. После чего она, подражая Хирацуке-сенсею, слегка помахала мне рукой в знак приветствия.

– Хикигая-кун, вот мы и снова встретились.

– Хе-хе... Здравствуйте.

Я хотел поздороваться как можно короче и уйти. Однако мать Юкиношitou была в настроении поговорить и подозвала меня рукой. Стоящая сбоку Харуно-сан тоже пристально следит за мной, то есть просто взять и уйти не выйдет. Ну, что поделать. Медленно перебирая ногами, я подошёл к ним.

– Похоже, вы будете принимать участие в проме. С радостью посмотрю на ваш коронный танец, - весёлым голосом сказала мать Юкиношitou.

– Хе-хе... – как можно короче ответил я, и Харуно-сан окинула меня подозрительным взглядом.

– Коронный? Он танцует? – частично улыбаясь, переспросила Харуно-сан.

– Да, говорят, что неплохо танцует. Даже я хотела бы с ним потанцевать, – шутливо, но очень наивным тоном ответила мать Юкиношиты.

– Ух ты... – впечатлённо ответила Харуно-сан, но её взгляд всё ещё холоден, он словно пленяет меня. Как вдруг Юкиношита влезла между нами.

– Вы ведь пришли проверить? У нас много дел, давайте быстрее.

– Ах да, верно, – мать Юкиношиты перестала улыбаться, посмотрев на тяжело вздыхающую дочь, которая их торопит, и осмотрела спортивный зал. Судя по их разговору, она пришла проверить, насколько зал для прома соответствует морально-этическому образу школьника. А сообщение пришло от Ишики с просьбой позаботиться о них. Всё правильно, Юкиношита вроде как ответственная за эти дела.

– Надо же, как много вы успели за это время. Не зря, значит, был подставной план для получения дополнительного времени.

Мать Юкиношиты осмотрела зал от пола до потолка и кивнула. После чего внезапно перевела взгляд прямо на меня.

– Да и как можно было что-то возразить, когда ты мне так откровенно вручил этот план? Уверена, даже суетливых людей можно будет усмирить... Отличный план.

– Что вы, это ведь не я один делал, это всё...

Я хотел было сказать «ваша дочь», но Харуно-сан, находящаяся позади матери Юкиношиты, прищурилась. Она ничего даже не пытается сказать, но мне кажется, что она меня испытывает. Благодаря ей я ничего больше не сказал. Я не в том положении, чтобы что-то говорить. Моё заявление, что это не моя добыча, не имеет никакого смысла, а даже наоборот – может привести к негативным последствиям. Мать Юкиношиты посмотрела вопросительно, словно ожидая, пока я закончу фразу. Но я ничего не сказал и перевёл взгляд на Юкиношиту.

Даже в таких мелочах противостоять матери должен не я, а сама Юкиношита. Как-никак это тот человек, который может вцепиться даже за самые незначительные фразы и в итоге разрушить всё до основания. Поэтому мой ответ может привести к тому, что мои слова обернутся дополнительной гирей на ноге у Юкиношиты.

Увидев этот взгляд, а может и просто из-за внезапной тишины Хирацука-сенсей усмехнулась.

– Всё это так или иначе – заслуга понимающих попечителей. Верно, глава исполнительного комитета? – она шутливо похлопала Юкиношиту по плечу и улыбнулась. Юкиношита была в замешательстве, но, осознав, куда она клонит, расслабилась.

– Д-да. Приношу вам благодарность как ответственная за данный план, – поблагодарила она уверенно и вежливо, после чего красиво поклонилась.

– Изъяны не исключены, однако же, мы будем благодарны за ваше снисхождение. В случае любых вопросов со стороны посетителей я готова дать все пояснения в любой момент.

Медленно подняв голову, Юкиношита посмотрела прямо на мать. В её словах и действиях чувствовалось отчуждение и волнение.

– И то верно. Хоть ты и моя дочь, нужно соблюдать субординацию. Наконец-то у тебя лицо настоящего ответственного... Пожалуй, и я исполню свой долг как глава совета попечителей.

– Пожалуйста.

Смотря на уверенность своей дочери, мать ярко улыбнулась. Дабы скрыть улыбку, она спрятала рот веером.

– Давайте прямо сейчас кое-что проверим. Когда планируемое время закрытия и что после него планируется? – начала она весело говорить звонким голосом.

– Конечно. По поводу безопасности площадки... Мы приготовили бумаги, которые находятся вон там, пройдёте, – Юкиношита позвала за собой мать и Хирацуку-сенсея. Отстав от них на пару шагов, Харуно-сан прошла мимо меня, задев плечом.

– Хорошо сдержался. Так и нужно было, – прошептала она мне на ухо. Её добрый голос почему-то вызвал мурашки у меня на спине. Но, несмотря на ласковый тон, мне он показался в большей мере одиноким.

Юкиношита Харуно ушла, не дожидаясь моего ответа, а я остался один. Глубоко вздохнув, я посмотрел в потолок.

***

Если продолжать как раньше – можно что-то придумать, как-то выкрутиться. Но в этом необходимости нет. Точнее говоря, так нельзя, и я это наконец-то понял. То, что я могу, и что мне можно сделать, сильно ограничено. В данной ситуации мне нужно заняться только одним – работой. Я слегка вздохнул и направился назад, в операторскую.

Стуча каблуками по тонкой железной лестнице, я забрался и открыл дверь.

– Отличная работа! – Ишики облокотилась на спинку и кружилась от скуки на стуле. Я взял стоящий рядом стул и сел перед пультом, а заодно передал ей одну из раций.

– Ты тоже молодец. Держи рацию.

– Ой, спасибо! – пододвинувшись ко мне вместе со стулом, она взяла рацию и прислонилась ко мне плечом.

– Ну как, всё нормально прошло? Эта старуха что-то сказала? – прошептала она мне около уха.

– Старуха? Ну ты...

Она же выглядит гораздо моложе своих лет? А, хотя я понятия не имею, сколько ей лет. Она довольно красива, хоть и мать двоих детей, хотя, как правило, она страшная и излучает сильную ауру, но в целом она милая. Хотя именно поэтому и страшно. Я хотел было объяснить это Ишики, но понял, что не получится. Она ведь видела, только как мы за что-то грызёмся. О, какое совпадение, я тоже! Поэтому я решил ничего не говорить.

– Юкиношита с ними работает, так что всё хорошо.

– Хм-м, – скучно ответила Ишики, положив голову на локоть на пульт.

– Перевод уже не нужен?

– Э?

– Ты ведь нормально разговаривал с Юкино-семпай. И на совещании, и только что, – сказала Ишики и указала подбородком на окошко. Похоже, она видела всё происходящее на правой части сцены.

– А-а. Да нет, по рабочим вопросам перевод ведь не нужен. Я не любитель обычных разговоров, а вот по делу – можно сказать, моя сильная сторона.

– Нашёл, чем гордиться... – ошарашено маша руками, сказала Ишики. Прислонив руку к щеке, она задумчиво вздохнула.

– Хотя есть же мальчики, которые начинают интересоваться тобой просто из-за рабочей переписки.

– Эй, погоди! Есть же парни, которые без предлога не могут поговорить с девушкой! Тебе не жалко их? – сказал я ей остановиться, но она меня не слушает.

– Такие люди на третьем разговоре начинают внезапно обращаться к тебе фамильярно по имени, а на пятом – звать погулять. Я, правда, прекращаю общение, когда мне начинают в любви признаваться.

– Стой, стой, больше не говори ничего! Ты что, из моей средней школы?

– Нет, конечно... Но семпай, ты если находишь предлоги, то... – Ишики резко открыла глаза, словно какая-то шальная мысль посетила её голову, и отошла от меня.

– А! Получается, ты под предлогом работы пытаешься со мной сблизиться, скоро признаешься в любви, погулять, конечно, можно, но всё остальное давай уже, когда всё это кончится, а пока что извини, – протараторила она и поклонилась.

– Да-да, когда всё это кончится. Поэтому давай работать, а то так никогда не кончится.

– Опять ты меня не слушаешь...

Кто в здравом уме будет это слушать?

– К тому же, кто сказал, что я не люблю работать? – бормоча, Ишики прицепила рацию, чтобы покрасоваться, пододвинулась к ноутбуку и начала что-то набирать. Посмотрев на неё, я тоже начал тестировать управление пультом.

Как вдруг она усмехнулась:

– Мне очень нравится проводить так время, на самом деле.

– Ну да, есть прелесть в работе за кадром.

Так и есть, в работе за кадром, такой, как аудио-оператор или арт-менеджер с мобильной рацией есть своя прелесть, эта работа приносит своё особенное удовлетворение. Ишики нацепила наушники, проверила их и, повернувшись на стуле в мою сторону, посмотрела прямо на меня.

– А давай повторим в следующем году?

– Вообще-то я буду по ту сторону в следующем году.

Даже если я и не против этим заниматься, но сидеть тут во время собственного выпуска... я криво улыбнулся, а вот Ишики – нет.

– Я не про это, а про клуб помощи, – серьёзным тоном и с серьёзным выражением спросила она, сидя прямо и держа руки на коленях. Уверен, у её вопроса есть скрытый смысл, но даже если я попробую перевести, ответ не изменится.

– Спроси у главы клуба, у меня нет никаких прав на всё, что касается клуба, – ответил я, но Ишики всё равно смотрит на меня, давая понять, что ей нужен чёткий ответ. Я проиграл и отвёл взгляд в сторону.

– К тому же клуб исчезнет, – впервые сказал я то, что осознавал всё это время. Уверен, ни Юкиношита, ни Юигахама, наверно, даже Хирацука-сенсей хоть и понимали это, но не произносили вслух. Пытаясь шутить и ведя несерьёзные разговоры, мы ни разу не произносили этот факт отчётливо. Поэтому и возможно было отводить от него взгляд. Но теперь он прозвучал однозначно.

– Поэтому у меня нет причины работать, – добавил я и посмотрел в глаза Ишики. Президент школьного совета ласково посмотрела на меня.

– Так я и думала. Но ведь, почему бы и нет?

– Э-э? В смысле?

– Можно ведь не как клуб помощи работать. Можно и в ученическом совете... У меня тут одно место освобождается, – шутливо сообщила Ишики, широко улыбаясь, и я улыбнулся в ответ.

– Скажи это Юкиношите, она это очень любит.

– Планирую. И Юи-семпай приглашу, вместе лучше будет.

– Ну ты даёшь! У меня ведь всего одно место?

Ишики довольно выпятила грудь и довольно улыбнулась.

– Ну тогда я уволю заместителя.

– Жестоко...

Она ведь так старается! Я чуть не расплакался от сожаления. Хотя чего ей сожалеть, она ведь подружилась с секретаршей. Извини, давай работать.

То, о чём говорит Ишики – это шутка, неисполнимая мечта. Я понимаю это, и поэтому я не отрицаю на корню. Но лучше оставить это на уровне весёлой беседы. А иначе я могу подумать, что это было бы неплохой идеей. Я пытался улыбнуться, но, похоже, я всё-таки притворяться не умею. Ишики ласково мне улыбается. Мне она показалась довольно взрослой, поправляя волосы за ухо с таким выражением лица. Да не, она значительно взрослее меня.

– По-моему, наиболее осуществимый вариант – это когда симпатичная девочка-кохай мило заставляет тебя сделать что-то ради неё, и вы вдвоём катитесь в пропасть. Не сказать, что это плохо, не правда ли?

Очень заманчивое предложение, на самом деле. Наверно, ближе всего к идеалу. Я почувствовал, что моё сердце дрогнуло. Словно заметив это, Ишики очаровательно

улыбнулась и прильнула ко мне через стул. Её соломенного цвета волосы щекожут щёку, а нос улавливает запах шампуня и духов. Одной рукой она опирается на подлокотник стула, а другую прислонила ко рту и прошептала мне на ухо.

– Если хочешь, причину я тебе найду.

Я рефлекторно отклонился назад под скрип сиденья. Ишики тоже села обратно на стул. У меня сердце стучит, как бешеное, и пот рекой, а ей хоть бы что. Она абсолютно спокойна и уверена, что ничего не произойдёт.

Наверно, если бы Ишики честно и серьёзно попросила бы меня помочь, я бы помог, будь то позиция заместителя или по общим вопросам. Даже мог бы помочь ей без всяких должностей, лично. Ишики ведь уже научилась работать со мной не хуже моей сестры Комачи. Уверен, она это тоже понимает. Все знают, что я не в силах отказать сестре и кохаю. Если меня попросить, то я побурчу, конечно, но наверняка помогу. Ишики это понимает, потому что так уже происходило на самом деле. И, несмотря на это, она решила применить этот трюк. Даже мне понятно, что она подразумевает.

– А ты хорошая девушка, – вздохнув, сказал я и улыбнулся. Ишики показала сбоку около головы знак «пи-ис» и подмигнула.

– А как же! На самом деле, я очень удобная девушка, – сказала Ироха и улыбнулась. В эту улыбку и жесты она вложила всю свою миловидность и хитрозадость. Так она пытается остаться для нас нашим кохаем, не жалея сил. Не знаю насчёт удобства, но, по крайней мере, я уверен, что она хороший человек. Значит, и я должен ответить, как подобает мне:

– По поводу вашего предложения я подумаю и постараюсь решить в позитивном ключе.

– Это же ответ, когда ты ни за что и пальцем не пошевелишь... Ну, это на тебя похоже, – расстроено вздохнула Ишики, но тут же нарочито улыбнулась опять.

– Но на самом деле я очень неохотно отказываюсь от затей.

– Я это прекрасно знаю, – я посмотрел на неё и улыбнулся в ответ.

Внезапно Ишики посмотрела на часы.

– Уже скоро.

Из наушника рации раздался шум, после которого начал говорить спокойный голос:

– Говорит Юкиношита. Мы идёт по расписанию. Начинаем впускать посетителей.

– Ишики, принято. Включаем музыку в зале.

Ишики посмотрела на меня, и я кивнул в ответ. После чего я включил проигрывание и медленно поднял ползунок громкости. Пока что всё хорошо. Моя задача – включить на автоповтор какой-то трек, подходящий для приятного ожидания.

Посетители начали заходить, и зал становится всё более оживлённым. Если бы у меня был хотя бы один монитор, можно было бы посмотреть, что происходит снизу, но у нас такой роскоши нет. Поэтому я встал и выглянул через окошко операторской.

Снаружи было красиво. Элегантные разноцветные платья, движущиеся в них фигуры напоминали лепестки сакуры. Говорят, что настоящая красота в цветах проявляется в момент опадания лепестков. Возможно, картина, представшая моему взгляду красива по той причине, что это уже конец. Наконец-то начался наш последний ивент.

***

Много было препятствий на нашем пути, мы то делали шаг вперёд, то отходили назад, но в итоге сам пром с самого начала шёл гладко по программе. Хорошее начало, и такой же хороший темп. Неясно было со слайдшоу, но и оно успешно закончилось вперемешку с беседами, и вот мы уже подошли к танцам.

Ишики усердно работала администратором, а Юкиношита диктовала мне, когда включать песни, которые шли согласно плейлисту в правильном порядке. Колонки к тому времени уже были подключены, поэтому уже не нужно было ничего делать. Я сел, облокотившись на спинку кресла, расслабив после длительного напряжения спину. Стул скрипнул, и даже мои кости, кажется, хрустнули.

– Похоже, ты прилично устал.

Посмотрев на источник звука, я увидел Ишики, которая только-только закончила свою часть работы и вернулась в операторскую.

– М, ага, ты тоже, – сказал я в ответ, Ишики устало села на соседний стул.

– Может, сделаешь перерыв? Я побуду здесь пока.

Похоже, она сжалась надо мной из-за того, что услышала хруст моих суставов. Не сказал бы, что я сильно устал, но я хотел бы цветочки собирать, поэтому с благодарностью приму её предложение.

– М, тогда, я скоро вернусь.

– Ага! – грустным голосом проводила она меня из операторской. Я снял наушники рации, размял затекшие плечи и с лёгкостью на душе побежал по лестнице вниз. Звуки моих шагов попали в ритм с басистой клубной музыкой.

На танцполе было много людей, собравшихся в центре, и зал наполнен жаром. Со стороны всё выглядит весьма неплохо. На фоне одетых в красивые платья людей школьная форма

сильно выделяется. В углу зала, за длинным столом с различными закусками и напитками, я заметил Юигахаму. Она тоже меня заметила и помахала рукой, мол, иди сюда. Я кивнул в ответ и подошёл.

– Хикки, спасибо за работу! – сказала Юигахама вблизи, чтобы не перекрикивать звучащую музыку.

– Спасибо за работу. Ты уже на ресепшене закончила?

– Да, думаю, сейчас-то уже никто не придёт, да и я поменялась и взяла перерыв.

– Ну да, уже ведь, по сути, конец.

– Как-то я проголодалась, – сказала Юигахама и набросилась на стол, сгребая всякие сладости. – Хикки, ты ведь тоже кушать будешь?

Не, я ещё не проголодался... Но не дожидаясь моего ответа, передо мной возникла страна сладостей. Вот эта штука в центре страны – Дворец Медового Тоста. Понятно, хороший выбор. В отличие от приготовленного школьниками тоста на культурном фестивале, этот украшен разными фруктами, приятно смотреть. Но... это ведь булка, как ни крути? Самая обычная булка. Они даже не пытались скрыть, что это – булка. Голая булка³².

– Эй! – выкрикнула Юигахама, разделяя еду на порции по тарелкам. Прямо руками... Хотя я не против. Пока я стоял в прострации, Юигахама начала есть.

– Как вкусно! Какой вкусный крем!

Она, как всегда, очень счастлива во время еды. Из-за этого и мне показалось, что медовый тост – это вкусно. В прошлый раз я ел медовый тост, приготовленный новичком, а сейчас им занимались то ли Demae-kan, то ли Uber Eats, доставили откуда-то. То есть этот тост готовили профи. Должен быть вкусным.

Убедив себя в этом, я начал его жевать.

М-м... Булка. Она и во рту вязкая становится... Наверно, потому что много времени прошло с момента изготовления, а их нужно употреблять свежими? Хотя крем и мёд вкусные и сладкие, так что сойдёт. Увидев, как я жую, Юигахама усмехнулась.

– Хикки, у тебя лицо такое же, как в прошлый раз.

Ну а что я сделаю? Это натуральная булка. Во рту до сих пор чувство, что жуёшь мочалку, и это чувство сладостью не убрать. Всё равно, что жевать нечто плотное и сухое, но зато сладкое. Ну сделайте вы его помягче! Кое-как прожевав, я её наконец проглотил и расслабился. Как только я потянулся за кофе на столе, музыка изменилась вместе с цветом

---

³² Службы доставки еды.

освещения. Зеркальные шары отражают красный и зелёные цвета в темп музыке в стиле хаус; мигает белый свет, холодный, словно от вспышки. В этом освещении улыбка Юигахамы мне показалась словно в мрачной тени.

– Ты уже загадал желание? – сказала тихо Юигахама, и я подошёл поближе, чтобы её услышать.

– Нет. Пока что ничего не приходит на ум. А ты?

– Я... Почти всё, о чём я говорила, уже исполнилось. Помочь с промом, отпраздновать вместе, и день рождения Комачи... А, ещё осталось развлечься где-нибудь! – считала на пальцах Юигахама, но в конце вспомнила и разогнула один палец.

– Тогда можно будет сходить после экзаменов за семестр.

– А, экзамены... Тогда я смогу постараться выложиться на них!

Слово «экзамены» заставило её понуро опустить голову, но, вспомнив о планах, она весело усмехнулась. Такой хорошей девочке хочется сделать что-то дополнительно, в качестве сервиса.

– Если что ещё придумаешь – говори.

– Правда? Ну, тогда у меня будет ещё одно желание, – сказала Юигахама и легкой походкой отошла от меня на шаг. Взяв пальцами подол школьной юбки, она слегка согнула в колене правую ногу и немного согнулась в поясе.

– Не могли бы вы станцевать со мной? – Юигахама сделала приглашение, а её «булочка» на голове выглядела, словно маленькая тиара. Я был ошеломлён этим видом.

Точнее говоря, я в него влюбился.

Юигахама медленно опустила голову. Её бодрое лицо даже в этой темноте заметно покраснело.

– Ну, я пошутила... Хе-хе... – чтобы скрыть смущение, она очень быстро теревит «булочку» и улыбается. А с меня наконец-то спало окаменение, и я слегка улыбнулся.

– Это не такой танец.

– Н-ну да! Ах... Какая стыдоба... – сказала Юигахама, закрывая ладонями лицо. Стоило мне на миг убрать взгляд – как она уже машет на своё лицо ладонью вместо веера. Ты очень сильно поддаёшься различным настроениям; ну какой смысл танцевать до начала танца?

Я разочарованно вздохнул. Я действительно разочарован тем, что собираюсь сделать.

Я ещё раз вздохнул, но уже не разочарованно, а чтобы себя подбодрить. Сделав пару шагов от стола с едой, я туловищем повернулся назад, в сторону Юигахамы. Она молча на меня смотрела, не понимая, что происходит.

– Можно вашу руку? – я слегка согнулся, приставив левую руку к груди, а правую протянул ей. Юигахама удивлённо на меня посмотрела и засмеялась. Пытаясь удержать улыбку кончиками пальцев, она на меня посмотрела снизу вверх.

– Это же не такой танец? – шутливо спросила она.

– Ты же первая начала.

Из-за твоего поведения я ведь так поступил. Но всё же мне действительно стыдно. Не нужно было этого делать... С сожалением о сделанном и самобичеванием я резко опустил руку. Однако же Юигахама успела поймать руку до того, как я её полностью опустил.

– Идём! – Юигахама повела меня на танцпол, минуя других людей. Зеркальные шары и прожекторы бегают по всему танцполу, словно танцуют вместе с такими же людьми вокруг. Из динамиков течёт быстрая модная мелодия. Такие мелодии на жанры не разделяют, и я не знаю, как их называют; я не ошибусь, если назову это клубной музыкой. По крайней мере, это не та музыка, под которую обычно разбиваются на пары и танцуют в обнимку.

Мою руку подняли, начали кружить, и я послушно сделал круг вокруг себя, и сделал один шаг вместо нескольких. Я поддался звукам, пылу и свету в этой танцующей толпе, хоть это и весьма быстрый и неловкий танец получился.

Но мне всё равно, насколько плохо я сейчас выгляжу. Здесь находятся те, кому важно только одно – наслаждаться самим. Поэтому им всё равно, танцуют ли люди вокруг, или стоят как статуи. Никто не смотрит. На меня смотрит только один человек – Юигахама.

Свет бежит по залу, показывая не кого-то одного, а просто перемещается в такт битам, поэтому сложно понять, у кого какое выражение лица. Единственное, что я видел наверняка – наши руки и её улыбку.

Люди в школьной форме выделяются среди наряженных выпускников, но им важно только насладиться моментом, поэтому, похоже, они на нас внимания не обращают, поэтому мы с Юигахамой смогли без вопросов зайти на танцпол. Здесь так много людей толпится, что впору играть в «Осикура-мандзю»³³. Следя за темпом музыки, я то обнимал её за плечи, то избегал этого, делая разворот вокруг себя. Так мы и танцевали.

Под ритм раздающейся в выси музыки ноги двигаются в такт, плечи шатаются из стороны в сторону, и под «put your hands up»³⁴ руки поднимаются вверх. Пусть это и неровный, грубый,

---

³³ Кто кого перетолкает.

³⁴ Англ. «руки вверх!».

лживый танец, и пусть получается совсем не то, что хотелось бы, но физически он выматывает гораздо сильнее, чем я думал раньше.

Сложно это, особенно психически. И касание рук, и близость лиц, и даже её дыхание у уха. Юигахама посмотрела мне в глаза, когда я уже порядочно устал, и усмехнулась.

– Какое у тебя недовольное лицо!

– Такие просьбы исполнять довольно сложно.

– Ой, извини, больше не буду! – смеясь, ответила она. Её смех смешался с музыкой и растворился в ней.

– Следующая просьба будет последней, – тихо пробормотала Юигахама. Она стояла совсем рядом, практически у меня в руках, и прислонилась к моему плечу. Я хотел было что-то ответить запыхавшимся голосом, но его поглотила музыка.

Наконец мелодия медленно затихла, и её сменила другая, более медленная – видимо, танцы подходят уже к концу. По плейлисту после этого должен быть «Стандартный номер»³⁵ и финал. Значит, это – последняя расслабляющая песня, и, значит, мне пора возвращаться к работе.

– Я пойду уже.

– Ага, я тоже.

Мы отпустили руки друг друга и сделали шаг в сторону друг от друга. Вскоре звук, похожий на звон гул колокола, сообщил о том, что это похожее на магию время подошло к концу.

***

Мои шаги эхом раздаются по коридорчику в операторскую. Шагаю я не стеклянными туфельками, а обычными грязными стоптанными туфлями для носки внутри школы. Волшебное время прошло, здравствуй, пыльная грязная комнатуха. Золушку дома ждали вредная мачеха и сводная сестра, а кто же ждёт меня? С такими мыслями я открыл дверь.

– С возвращением! А ты опаздываешь. Чем займёшься? Работой, или же работой? Или, может быть, ра-бо-той? – сказала она, мило улыбаясь с тоном молодой жены, но при этом она явно злится. В общем, ждёт меня кохай, похожий на вредную жену. Хоть и тон похожий на тот, когда молодая жена встречает с работы мужа, в словах ни в одном из вариантов домашним уютом даже не пахнет.

---

³⁵ <https://www.youtube.com/watch?v=PT8aohKjO3U>

– Прошу прощения. Займусь работой.

– Я тебя постоянно звала по рации. Впрочем, ты вовремя, так что всё хорошо, – сказала, надув щёки, Ишики, и поднялась.

– Ну, я пойду готовить прощальную речь, а ты тут занимайся.

– Ага, давай.

– Пока! – Ишики бодро ответила и ушла. Проводив её взглядом, я остался один в операторской. Позади динамиков слышны лишь басы. Я посмотрел на время, сравнил его с расписанием. Где-то мы отставали, где-то заканчивали раньше планируемого, но всё в пределах нормы, так что и эндинг будет вовремя.

Ишики произнесла заключительную речь, и наконец настал гранд финале. Я снова нацепил наушники рации. После белого шума раздался спокойный голос.

– Ишики-сан, готовность?

Это Юкиношита проверяет, как у них идут дела. Через несколько секунд пришёл ответ.

– Ишики. Я прибыла в левое крыло. Всё окей. Я снимаю рацию.

– Принято. Тогда жди вызова по громкоговорителю.

– Есть! Отбой, до скорого.

На этом разговор по рации завершился. Я же облокотился на спинку скрипящего стула, сложив руки на затылке, и смотрю на полоток. Через некоторое время музыка сменилась следующей мелодией. Похоже, настал час традиционного клубного «Стандартный номер»; из зала слышны возгласы. Плейлист подходит к концу.

Я сжал микрофон в руке и нажал на кнопку. Я знаю, как им пользоваться. Подождав несколько секунд, пока появится звук, я начал говорить.

– Операторская. Играет последний номер плейлиста.

– Принято. Я сообщу об эндинге из правого крыла. Не пропусти, – ответила Юкиношита, и я выглянул через окошко. Юкиношита стояла за плотным занавесом в правом крыле зала. Я опёр голову на локоть, смотря на неё, и она подняла взгляд на меня и поднесла ко рту нацепленный на воротник микрофон.

– Меня видно?

– Да, прекрасно видно.

– Понятно. А ты где? В зале где-то? – Юкиношита выглянула из-за занавеси в зал, нарочно осматривая его.

– Вверху я, вверху. Ты же только что меня видела! – ответил я раздражённо. Юкиношита слегка согнулась, её плечи дрожат. Кнопку она не держит, поэтому ничего не слышно, но, похоже, она смеётся. Всё так же улыбаясь, она посмотрела в сторону операторской.

– Я просто не привыкла смотреть на тебя снизу вверх.

– А сверху вниз, значит, привыкла? Хотя я привык к такому взгляду, так что всё нормально.

– Я могу смотреть снизу вверх только на твоё рабское мышление. Оно настолько высоко, что аж плечи болят.

С чего бы у тебя плечам болеть, у тебя же не настолько большие... Не скажу что.

Но Юкиношита посмотрела на меня серьёзным взглядом и грубо сжала микрофон у своей печальной груди.

– Ты что-то сказал? Я не услышала. Можешь повторить?

– Ничего я не сказал, – грозно ответил я. Не уверен, что включил передачу.

Я вспомнил, как мы раньше постоянно разговаривали по рации, и не сдержал улыбку. стыдно было перед невольными слушателями... Но в этот раз, похоже, на линии только мы вдвоём. Вот так, на расстоянии, мы можем общаться о всякой ерунде бесконечно долго посредством этого устройства. Но бесконечного, разумеется, не существует.

Индикатор на пульте отсчитывает секунды до конца записи – осталось всего несколько секунд. Отвернувшись от монитора, я вновь выглянул в окошко. В правом крыле за занавесом всё так же стояла Юкиношита, но только теперь у неё на лице было непонимание, словно спрашивала, случилось ли что. Похоже, не поняла, почему я внезапно исчез из окошка.

Да нормально всё.

Я даже губами не пошевелил, не говоря уже о микрофоне, только пробормотал про себя, так что с этого расстояния она услышать в принципе не может. Юкиношита вопросительно склонила голову вбок. Я отрицательно помотал головой в ответ, и она, поняв, слегка кивнула.

В том крыле темно, но редкие зайчики от зеркального шара всё же подсвечивают её правильное лицо, милые жесты и красивую улыбку. А вот операторская комната находится в темноте на фоне ярко освещённого зала, поэтому, думаю, ей сложно меня разглядеть. Поэтому я избежал того, чтобы Юкиношита увидела моё лицо. Не могу же я ей показаться с таким дурацким выражением лица. Поняв, как я выгляжу, я сам над собой посмеялся.

Думаю, расположение и было причиной этих дурацких помыслов. Одна часть находится выше, другая ниже; с одной части приходится смотреть вверх, с другой – наоборот, сверху вниз. Прямо как одна пьеса, которую я видел когда-то давно.

Обзор с балкона и из операторской сильно отличаются, положение же парня и девушки противоположно настоящему, а в словах, которые они шепчут друг другу, нечто очень далёкое и от общения влюблённых, и не похоже на переговоры по работе. Поэтому и финал, уверен, не будет похожим.

Думая об этом, я усмехнулся. Вряд ли нас ждёт нечто близкое к счастливому концу, но наше время уже подошло к концу. Посмотрев на таймер обратного отсчёта, я крепко сжал микрофон.

– Песня скоро заканчивается.

Из-за использования раций возникает задержка между тем, когда я говорю, и когда моё сообщение достигает собеседника. Юкиношита прижала наушник пальцем и опустила взгляд.

– Принято, – коротко ответила она, но я всё ещё слышу шум. Похоже, Юкиношита всё ещё держит кнопку передачи. Прошло ещё две-три секунды. Юкиношита сжала кнопку вместе с воротником и прошептала.

– Слушай, Хикигая-кун...

Я ждал, но продолжения всё нет, слышен лишь шум и дыхание.

– Пожалуйста, исполни желание, – сказала она, и связь прервалась. Юкиношита смотрит вниз, поэтому я не знаю, что за выражение на её лице. Односторонний контакт получается – задержка связи, плюс расстояние, плюс шум...

Разговаривали о работе, глупо шутили и не касались ничего больше. Уверен, это правильная дистанция между нами. У меня есть лишь один вариант ответа.

– Понимаю.

Через секунду песня завершилась. Громкий звук, и за ним – медленное затихание застывшего аккорда. В то же время свет медленно затухает, объявляя о конце танцевального вечера и начале прощального пира. Аплодисменты, свист и овации наполняют зал.

– Спасибо. На этом и закончим.

Подождав, пока зал утихнет, Юкиношита подняла руку и показала знак следующей мелодии.

– Есть, – сказал я сам себе, не включая микрофон рации. Под туш, выбранный будто для дебасы³⁶, шум в зале стихает, и в нужный момент я подымаю ползунок другой, эмоциональной мелодии для эндинга. Я нажал на кнопку микрофона и через несколько секунд начал говорить.

– Итак, песня пошла.

– Поняла. После объявления, когда Ишики-сан выйдет на позицию, сделай потише. Я подам сигнал.

Всего одна мелодия привлекла внимание зала, и они ждут окончания. Выждав момент, Юкиношита начала говорить голосом диктора.

– Уважаемые выпускники, благодарим вас за посещение прома старшей школы Собу. Разрешите ещё раз поздравить вас с окончанием обучения. Напоследок, прощальная речь от главы исполнительного комитета.

Под лучом прожектора Ишики вышла в центр сцены под аплодисменты из зала.

Юкиношита посмотрела вверх, на меня. Там, в темноте, освещаемая лишь отблесками зеркальных шаров, она беззвучно подняла руку, так, что даже не разобрать, то ли её худая рука поднялась вверх, то ли вниз. С грустной улыбкой она подала сигнал на окончание.

И тихо помахала рукой. Следуя её сигналу, я медленно, словно опуская занавес, опустил ползунок на пульте.

---

³⁶ Мелодии, предназначенные для проигрывания во время выхода актёров театра ракуго, например.

Интерлюдия.

Окошко операторской комнаты там, высоко в темноте, очень далеко, не достать рукой. Была похожая сцена у Шекспира, не дотянуться рукою к высокому окну. И мои с ним отношения совсем иначе выглядят, похожа только композиция. Я слегка усмехнулась над своими собственными мыслями. Нашим отношениям не достичь такого же простого и счастливого финала. Я не знаю, каким словом можно их назвать, и эта ситуация не менялась никогда.

Отношениям между мной, им и ею не имеют названия. Но ведь как бы роза ни называлась, она всё равно благоухает. Так и с отношениями нас троих. Как бы их ни назвать, ничего не изменится.

Уверена, так оно и есть. Хоть я в это и не верю, но всё же проглотила, как сладкую ядовитую пилюлю. Чтобы усыпить саму себя. Из-за света позади я не могу видеть выражение его лица, но почему-то мне подумалось, что он улыбается. Спросив его, что случилось, в ответ я услышала только шум. И узнала, что подошёл конец. Весёлая беседа закончена.

Это – конец. Ответив, что поняла, я отпустила микрофон.

Я анонсировала финал с помощью микрофона на стойке и начала финальную церемонию. Осталось только запустить музыку, пригласить на сцену исполнителей, и всё. Моя задача – только подать сигнал.

Я подняла руку, смотря на операторскую. Но, понимая, что мне туда не дотянуться, я не протягиваю руку. Мне некуда оказалось деть руку, поэтому я осторожно помахала.

Глава 5. Шизука Хирацука грациозно шагает вперёд.

Пром завершился точно в запланированное время, и, когда мы разобрались с залом, настала ночь. Я покинул ставший пустым и мрачным спортивный зал и пошёл в сторону конференц-зала в основном здании школы.

Там собрались все вовлечённые в пром. Хотя нас не так и много: учсовет в центре, персонал во главе с Юкиношitou, я с Юигахамой и мелочь из спортивных клубов, которая нам помогала. А ещё присутствовали Хирацука-сенсей и часть людей из совета попечителей.

Как правило, небольшое празднование после представления устраивается для персонала, чтобы отблагодарить всех за работу. Мы стоим вокруг длинного стола с едой и напитками.

Ишики кого-то ищет взглядом перед конференц-залом. У неё в обеих руках было по бумажному стаканчику. Как только все взяли по одному, Ишики ткнула в бок Юкиношиту.

– Юкино-семпай, тост!

– Э, я? – Юкиношита удивлённо переспросила, и Ишики кивнула в ответ, показывая, чтобы та не медлила. Они недолго помолчали, но всё же Юкиношита коротко вздохнула, сдавшись.

– Ну что ж, если вы позволите... – неуверенно вышла она вперёд, брови домиком, а в руках держала стаканчик. Уверенно подняв лицо, она лучезарно улыбнулась.

– Мы успешно провели пром благодаря всем здесь присутствующим. Благодарю вас всех за поддержку. Спасибо вам за ваш труд. Давайте поднимем наши бокалы за то, чтобы и далее это стало традицией нашей школы Собу, и нас в следующем году проводили точно так же! – сказала она отнюдь не вымученно, а даже наоборот – длинный и живой тост, который повторили эхом все остальные. Я слегка поднял стакан, и стоящая сбоку Юигахама подняла свой.

– Спасибо.

– Ага, спасибо за работу! – сказали мы друг другу, но разговор на этом прервался. Из-за того танца чувствую себя сейчас неловко и стыдно. Возможно, что-то похожее чувствует и Юигахама: в одной руке она держит стаканчик, периодически отхлёбывая из него, а другой рукой что-то делает на телефоне. Вдруг, похоже, она что-то придумала и постучала по моему плечу.

– Кстати, тут Оримото-сан спрашивает, что будем делать дальше.

– Э? А-а...

Я не сразу понял, о чём речь. Я же впутал в свой псевдо-пром школу Кайхин-Сого, чтобы придать своему плану вид настоящего. И даже встречался с ними один раз, но из-за этой шумихи всё осталось на своих местах. Блин, совсем забыл о них... Роль псевдо-прома уже выполнена, значит, нужно и тут завершить начатое. Значит, нужно будет мне извиниться, ударяясь о пол головой, или даже лёжа на полу.

– Я ей позвоню. Только оставь мне её номер или почту, – ответил я.

– М, хорошо, – Юигахама в тот же миг отослала Оримото сообщение. Ответ пришёл почти сразу, судя по пиликанию из телефона Юигахамы.

– М, отправила.

– Спасибо, – поблагодарил я и проверил свой телефон. Да, есть одно сообщение от Юигахамы. Пока я думал, как бы перед ними извиниться, я заметил, что разговор с Юигахамой прервался. Мы превратились в миниатюру современной Японии: стоим рядом и играемся в телефонах. Как-то я слишком переживаю из-за того, что мы стоим так близко и не разговариваем. Но и каких-то разговоров на ум не приходит, не хватает у меня фантазии. Пока я мучился с мыслями, Ишики проворно проскочила в центр зала и начала привлекать внимание присутствующих, широко маша руками.

– Извините, что тут только объедки с прома, но больше мы ничего не приготовили, так что кушайте. Всё равно выбрасывать, так что не стесняйтесь! – сказала она. Из-за настолько прямого сообщения стало как-то неуютно.

– Кто захочет это есть после такого объявления?

– А-ха-ха... Ну, я буду, пожалуй, – натянуто улыбнувшись, сказала Юигахама и пошла в сторону стола. Проводив её взглядом, я облокотился о стену.

Ну да, когда разговор не клеится, еда и чай будут отличными помощниками. Эй, у меня же рот занят! Как я могу тебе что-то сказать? У курения есть похожий эффект – примерно 80% курильщиков курят для того, чтобы развеять тишину и отсутствие разговоров (сам узнавал). Из-за этого, наверно, я почувствовал запах сигаретного дёгтя. Что за курильщика сюда занесло?

– Спасибо за работу! Вы хорошо постарались. Было очень интересно смотреть, – сказала Хирацука-сенсей, помахав нам рукой.

– А вы что, только смотрели? Жаль, нужно было поучаствовать! – сказал я, и она в ответ пожала плечами.

Пром спланировали для покидающих эту школу. Хоть Хирацука-сенсей и не выпускник, но у неё, думаю, есть полное право им воспользоваться.

– Моя сцена – церемония отставки. У меня там главная роль, – словно играя роль, ответила она, и я тоже натянуто улыбнулся. Кажется, церемония отставки запланирована на начало апреля. Действительно, сцена специально для Хирацука-сенсей. Но вряд ли там будет такая же свободная обстановка, как на проме. Мы будем прощаться, как один из учителей с одним из учеников, на этой церемонии не будет такой печали. Но говорить об этом смысла мало. Как обычно я делаю, я поднял одну бровь и сострил:

– На той церемонии не потанцуешь.

– Верно, а жаль. Я тоже хотела с тобой потанцевать, – сказала Хирацука-сенсей и улыбнулась. Что-то меня тут настораживает, но вот что... «Тоже»? Как только я осознал, что к чему, в стаканчике с водой образовалось маленькое цунами.

– Вы видели это? – спросил я, успокоившись, и Хирацука-сенсей многозначительно улыбнулась. Мне показалось, что её улыбка может значить «молодец» или «интересно было». Ох, хочу сдохнуть... Я страдал, обнимая голову руками, как вдруг раздались весёлые крики. Посмотрев в ту сторону, я увидел Юкиношиту с Юигахамой, направляющихся в мою сторону. Позади них шагает Ишики.

– Спасибо за работу, – сказала Юкиношита, и я кивнул в ответ. Она подняла бумажный стаканчик, и я сделал так же.

– Спасибо и тебе. Хорошо, что всё удачно закончилось.

– Спасибо...

Мы не стукнулись стаканчиками, а лишь обменялись тёплыми словами. В стаканчике всё тихо и спокойно. Юигахама и Ишики тоже улыбнулись и поблагодарили за работу, был в высшей степени тёплый разговор.

Увидев, что ключевые люди собрались в одном месте, и другие подходили с благодарностями, включая, разумеется, и мать Юкиношиты.

– Хороший был ивент, – пришли мать Юкиношиты и Харуно-сан.

Юкиношита поставила стаканчик на длинный стол, выпрямилась и красиво поклонилась.

– Благодарю вас за помощь. Благодаря вам всё прошло без проблем.

– Нет, что вы, это вам спасибо, что приняли наши внезапные просьбы, – ответила точно таким же официозным тоном мать Юкиношиты и поклонилась. Подняв голову, она посмотрела в глаза девушке и улыбнулась.

– Спасибо и всем остальным. Вы были великолепны. Впечатлили мамочку.

Мать Юкиношита ласково улыбнулась и прикрыла рот веером. Юкиношите стало немного неловко от шутивого тона матери. Она посмотрела по сторонам и кашлянула. Ну да, понимаю, разговаривать с матерью на людях всегда стыдно.

Мать и дочь смотрят друг на друга тёплым взглядом, как вдруг раздаётся немного другой весёлый голос:

– Мне тоже было интересно смотреть. Всё было отлично, – это всего лишь обычная дружелюбная фраза. Но вот если учесть, что говорит это Юкиношита Харуно, я не могу не искать в её словах скрытый смысл. На поверхности всё спокойно, а почувствовав что-то неладное, Харуно-сан улыбнулась ещё шире. Выглядит, как чеширский кот, забравшийся между своими матерью и сестрой.

– Это то, чем Юкино-чан хочет заниматься. Ты ведь и дальше будешь учиться по этой линии?

– Хочет заниматься? – мать Юкиношита слегка склонила голову, пристально смотря на Харуно-сан. Харуно-сан в ответ холодно улыбнулась и отвела взгляд в сторону.

– Спроси у неё сама, – ответила Харуно-сан, и мать перевела свой взгляд со старшей сестры на младшую. Пальцы Юкиношита дрогнули – очевидно, волнуется.

– По поводу этого могу сказать, что меня интересует работа отца, и я в будущем хотела бы заняться этим, – медленно сказала Юкиношита. Её мать в ответ приложила руку ко рту, словно чтобы скрыть удивление. Под пристальным взглядом матери Юкиношита не выдержала и опустила глаза.

– Я понимаю, что этот эпизод не связан с будущим, и что ничего не гарантирует. К тому же речь об относительно далёком будущем... – медленно, словно выдавливая из себя, сказала она, всего раз вдохнув воздух.

– Всё это – не более чем мои мысли, которыми я хотела бы поделиться.

Медленно подняв голову, она посмотрела в глаза матери. Та ничего ей не ответила, а лишь хлопнула веером и прищурила глаза.

– Ты действительно об этом думаешь? – сказала она таким тоном, что даже у меня, постороннего человека, пошли мурашки. Взгляд тоже далёк от тёплого, словно она смотрит на давнего врага. Все вокруг тоже сглотнули, затаив дыхание. Я отвёл взгляд, кожей ощутив заледеневший воздух. Я увидел, как Харуно-сан одна стояла, скучно смотря на свои ногти. Под суровым взглядом матери Юкиношита на миг сжалась, но кивнула в ответ. Мать некоторое время смотрела на застывшее лицо своей дочери, но под конец внезапно улыбнулась.

– Ясно... Я поняла тебя, Юкино. Если ты на самом деле этого желаешь, то я тоже помогу. Давай спокойно подумаем об этом. Торопиться не стоит, – поддавшись улыбке, Юкиношита кивнула. Её мать, приняв это за ответ, поправила осанку.

– Время уже позднее, поэтому я пойду, – сказала она и бросила взгляд на Харуно-сан. Харуно-сан в ответ взглядом показала, мол, можешь идти вперёд.

– Всего доброго, – мать Юкиношита глубоко поклонилась, и Хирацука-сенсей резко подошла к ней.

– Я провожу вас.

– Нет, не стоит.

– Что вы, хотя бы до ворот...

– Не нужно, честно, ученики ведь ещё остались.

– Спасибо за внимание. Тогда давайте до выхода вас провожу.

– О, спасибо большое, извините за хлопоты. Спасибо, что ухаживаете за моей дочерью.

В общем, они друг перед другом играют в переталкивания, перемещаясь к выходу, и, наконец, Хирацука-сенсей проводила мать Юкиношита. Почему-то её действия вызвали у меня чувство уважения, как к настоящему полноценному члену общества.

– Пожалуй, нам тоже пора бы заканчивать. Учсовет, нам нужно проводить всех и проверить, всё ли закрыто, – сказала Ишики, хлопнув в ладони, и они начали ходить, помогать и благодарить всех, постепенно разгоняя людей. Мы же ощутили желание сбежать, и я глубоко вздохнул.

– Как-то страшно было...

– Ага. Мама-нон такая страшная.

– Мама-нон – это что такое?.. – Юигахама усмехнулась в ответ на мой честный отзыв. Благодаря её смеху атмосфера в помещении стала теплее, и Юигахама улыбнулась стоящей рядом Юкиношите.

– Но ведь всё хорошо, Юкинон?

– Э? Да, спасибо, – Юкиношита всё ещё была немного напряжена после схватки с матерью, несмотря на улыбку. Но как только начала медленно говорить, её плечи расслабились.

– Сестра, спасибо тебе, – пробормотала негромко Юкиношита. Харуно-сан непонятливо склонила голову.

– За что?

– За всё. За то, что замолвила слово, например.

Юкиношита слегка покраснела из-за того, что пришлось объяснять неловким голосом. Юигахама не смогла сдержать улыбку, смотря, как та говорила холодным тоном, при этом стесняясь.

Помню, Харуно-сан обещала замолвить слово перед матерью. Оказывается, она иногда поступает, как подобает старшей сестре. Но эта самая Харуно-сан удивилась, когда её поблагодарили. Даже более того, она расчесала пальцами волосы, словно ей это надоело.

– А, ты про это. Я на самом деле не планировала ничего такого, – холодно сказала Харуно-сан, словно забыла об обещании. Тёплая атмосфера опять изменилась. Харуно-сан приставила указательный палец к подбородку и вопросительно склонила голову.

– Думаю, мать это убедило. Насчёт остальных не знаю. Так? – улыбнулась она, но я не могу ничего сделать с чувством, что она сказала что-то нехорошее.

– Чего ты у меня спрашиваешь? – Юигахама сверлит её взглядом. Не знаю, специально или нет, но Юкиношита взяла руку Юигахамы. Я тоже напрягся из-за убийственной атмосферы. Но даже под давлением Юкиношита Харуно не дрогнула.

– Меня ведь не убедило! – сказала она привычным бодрым тоном.

– Э? – сказал я случайно. Наверно, я выглядел довольно глупо, и звук издал странный. Харуно-сан вздохнула, словно смеясь над нами.

– Я не могу себе позволить это признать, – сказала не кто иная, как Юкиношита Харуно. Но показалось, что кто-то другой вполне мог бы разделить её чувства. Те чувства, что роились, спали, гнили где-то глубоко в груди, наконец-то обрели форму и ударили прямо по нам, лишив способности что-то возразить.

Не знаю, как восприняла эту тишину Харуно-сан, но продолжила она добрым тоном.

– А, пойми меня правильно. Меня не волнует наш дом, и я не хочу ничего наследовать.

– Но тогда почему... – начала было Юкиношита, но остановилась на полуслове. Её остановила холодная улыбка Харуно-сан.

– То есть ты себя вот так ведёшь всё время, а теперь вдруг раз – и я должна признать? Ну уж нет. Я заставляла себя принять тебя и успокоиться, отстать, как тут... Тебе не кажется, что мне было бы довольно сложно признать?

Юкиношита сжала зубы, а на лице смесь замешательства и боли. Она опустила голову и сказала тонким голосом:

– Почему ты говоришь это только сейчас?

– Это я должна спрашивать тебя. Юкино-чан, почему ты говоришь об этом только сейчас? – сказала она мягким, словно утешающим тоном, но слова увещевания переполнены скорбью. Впервые я увидел, как лицо Юкиношита Харуно исказилось. Видя её лицо, Юкиношита не смогла сказать ни слова. Харуно-сан заметила, что на неё смотрят с сочувствием, как на трагическую сцену, и прищурилась, показывая, что ей не нравится.

– Не могу же я признать, что такой результат стоит того же, что и мои двадцать лет? Если ты действительно хочешь, чтобы тебе всё уступили, то будь добра, покажи что-то равноценное, – сказала она ровным тоном, но эмоции самих слов не скрыть. Она улыбается краем губ, но в глазах – давление, из-за которого никто не смог сказать ни слова. Харуно-сан слегка засмеялась в тишине.

– Ладно, попрощаюсь с Шизукой-чан и пойду домой. Пока всем, – сказала Харуно-сан и медленно пошла. Перед тем, как закрыть дверь, она помахала мне рукой и покинула зал.

Никто не проронил ни слова после того, как она тихо закрыла дверь и до того момента, когда её шаги в пустом коридоре стихли. Мы даже не смотрели на лица друг друга. Или, возможно, я один смотрел себе под ноги. В этом большом конференц-зале гораздо холодней, да и чувствуется он гораздо шире, чем до этого. В этой неловкой гнетущей-холодной атмосфере Юкиношита пробормотала:

– Эм, извините, сестра что-то странное сказала...

– Она ведь всегда такая. Уже привыкли.

– Да, наверно, – лицо Юигахамы расслабилось, и она улыбнулась Юкиношите.

– Ну да. Спасибо за ваши слова.

Мне показалось, что в комнате стало теплей, однако же, лицо Юкиношита всё ещё темнее тучи.

– Но сегодня она была немного серьезней. Настолько, насколько тяжелы двадцать лет.

Наверно, это то, что чувствовала она благодаря тому, что жила рядом. Я же тут посторонний, и понять их чувства не могу. Но даже я чувствую, что сейчас не та атмосфера, чтобы отпустить какую-то глупую шутку. Я могу только молча кивнуть.

А Юигахама сделала другой выбор. Медленно шагая, она приблизилась к Юкиношите.

– Этот год и для Юкинон, и для нас был не менее тяжелым. Дело тут не в том, как много времени прошло, – сказала она ласковым голосом, и Юкиношита посмотрела на неё. Я тоже увидел её полное чувств лицо. Юигахама набрала немного воздуха в грудь и сжала руки в кулаки.

– Настолько это время было странным!

– Станным?..

Такое чувство, что с плеч сняли тяжесть. По-моему, мой голос прозвучал странно. Юкиношита тоже сидела в прострации, но вот уже хихикнула. Поэтому я тоже смог улыбнуться.

– Ну да, странным. Клуб помощи с самого начала был чем-то глупым.

Юкиношита бросила на меня взгляд.

– В основном благодаря тебе, думаю.

– Ну да. Поэтому было очень весело! Мы постоянно занимались странными вещами, поэтому было много грустного, неприятного, трудного... – сказала Юигахама, и взгляд её опустился вниз. Юкиношита тоже опустила взгляд вслед за ней. Они смотрят не на следы, а на траекторию, по которой мы дошли до этого. Пусть никто и не говорит ничего, мы все представили что-то в голове. Чуть больше одного года... Мы смеялись, избегая разговаривать о важных вещах, вспоминали вещи, о которых можно ностальгировать.

Но сейчас можно посмотреть иначе на воспоминания, которые щемят грудь, на события, от которых быстро бьётся сердце, и неяркого цвета чувства.

Внезапно наш смех совпал по времени. Юигахама подняла голову и по-доброму на нас посмотрела.

– Но ещё больше было веселья и радости, настолько, что можно влюбиться в это замечательное длинное время.

– Согласна... Уверена, я тоже могу с гордостью сказать об этом.

– Ага.

Я только кивнул головой в ответ на их слова. Мне нечего произнести вслух. Наверняка этот год был самым длинным в моей жизни. И этот год наконец-то закончился.

Юкиношита осматривает эту опустевшую комнату, в которой кроме нас, никого нет.

– И последняя работа на этом окончена, – пробормотала она, но не смотря в нашу сторону; её взгляд бежит вокруг: по столу с оставшейся едой, лишившимся хозяев

бумажным стаканчикам, густо-чёрному пейзажу за окном, одиноким светильникам во дворе, очертаниям специального корпуса в темноте, непрерывно идущим настенным часам. Вскоре она посмотрела на нас.

– Я думаю, сейчас подходящее время, чтобы закончить. Сестра тут ни при чём, просто это действительно подходящий момент.

– Я... думаю, если возможно, продолжить. Но если ты не хочешь, Юкинон, то хорошо.

Их влажные глаза смотрят теперь на меня, словно они ждут моего ответа. Но ответ уже известен. Не могу я быть против. Начиная с того, что Хирацука-сенсей меня сюда привела силой, и она в конце этого учебного года покидает школу. Да и навязанное сражение уже завершилось моим поражением. Поэтому, я не против.

– Я...

Согласен с этим. Так будет правильно. Нет ошибки в том, чтобы это закончить. Всё логично. Как она и сказала, это – желаемый вид, правильное положение, один из концов. Но я так и не смог сказать ни слова. Вдохнул, но боль в горле не дала издать ни звука. Я сглотнул, чтобы смочить горло, но одновременно сглотнулось и то, что я хотел сказать. Я сжал горло, выталкивая продолжение, но смог выдать только вздох.

Они же всё это время ждали. Несколько раз вздохнув в этой тишине, я сжал зубы. Вдруг какой-то суетливый звук нарушил тишину. Мы посмотрели в сторону резко открывшейся двери.

– Спасибо за работу! Э, что-то случилось? – Ишики отвела учсовет, и опять вернулась, и смотрит на нас с удивлением. Возможно, почувствовала странную атмосферу. Я слегка мотнул головой, мол, всё нормально.

– Да нет, ничего. Вы уже закончили?

– Да. Осталось только тут. Спасибо за работу.

– Ясно. Ладно, я тогда пойду. Всего доброго.

– Э? А как же убрать... – Ишики убежала из конференц-зала, не дослушав. Но, не успела она сделать несколько быстрых шагов (из коридора слышно), как её быстрый шаг замедлился.

За окном уже темно, а в коридоре горят лишь древние лампочки накаливания. Я иду медленно, словно волоча ноги в этой полутьме. Негромкие шаги приблизились ко мне сзади.

– Хикигая-кун, подожди, – немного сдавленным голосом сказала она и едва заметно схватила мой рукав.

Оборачиваться мне не хотелось. Но нельзя же её игнорировать, нельзя не обернуться. Рукав, который держит меня, словно якорь прошлого, остановил меня на этом месте.

Я остановился и вместо того, чтобы вздохнуть, я посмотрел на потолок. Освободив полностью лёгкие, я, наконец, упорядочил мысли и повернулся туловищем. Передо мной стоит Юкиношита Юкино. В темноте её чёрные волосы выглядят ещё красивей, и она их поправила рукой. Её дыхание довольно быстрое, видимо, она догоняла меня. Чтобы успокоить дыхание, она сжала блейзер в районе груди и начала медленно говорить.

– Эм... Я должна тебе сказать это как следует... – подбирала она слова, и в итоге перевела взгляд на окно. Я тоже не мог смотреть на её светлое прямое лицо и тоже повернулся к тёмному окну. Из-за освещения в коридоре мы отражались в окне. Я пристально смотрю на её отражение.

– Спасибо за помощь сегодня... И не только сегодня. Извини за все проблемы, которые тебе доставили.

– За это не стоит извиняться. Я ведь тоже принёс немало проблем. Будем считать, что мы квиты, – сказал я и улыбнулся в ответ на едва заметную улыбку в отражении. Наши глаза в окне встретились, и Юкиношита улыбнулась.

– Ты прав, было очень сложно. Значит, будем квиты, – сказала она звонко, словно шутя. Однако лицо в отражении выглядит прозрачно-пустым. Или, возможно, это игра света.

– Спасибо тебе. Ты мне во многом сильно помог. Но уже... всё хорошо. Я буду стараться сделать всё как следует сама, – сказала она, и я ощутил, как она чуть-чуть сильнее сжала мой рукав, в результате чего я рефлекторно повернулся к Юкиношите. Проезжавшая мимо машина осветила тёмный коридор, и я слегка прижмурился, но увидел её едва не плачущее лицо.

– Поэтому...

Вместе со звуком двигателя исчезает и голубовато-белый свет, и голос Юкиношиты. Она так и не завершила фразу, но я примерно понял, что она собиралась сказать. После того момента несколько дней назад, когда я последний раз убрал руку от холодной ручки двери, у меня в уме множество раз всплывали её фразы, повторяющие: «хватит уже», «я всё закончу» и тому подобное.

– ...Да, я понимаю. Всё нормально, – сказал я, хотя на самом деле ничего не понимаю. Это просто способ закончить разговор.

– Пока, – прозвучало прощание, но её красивые пальцы всё не отпускали мой рукав. Дело не в силе, с которой она его держит, уверен, я мог бы без усилий выдернуть руку. Но её тонкие пальцы выглядели настолько хрупкими, что я не хотел действовать грубо. Поэтому я аккуратно и медленно убрал её своим грубым пальцем. Возможно, я слишком нерешительно

коснулся, так что мой палец слегка дрогнул. Или же, возможно, это она удивилась, что я её коснулся, и дрогнула. Она убрала пальцы быстрее, чем я мог бы это проверить.

– Пока.

Я спрятал руки в карманы, почувствовав холодный воздух, и развернулся. Я ушёл, не оборачиваясь. Но в коридоре раздавался звук лишь одних шагов.

***

На втором этаже главного здания в прихожей свет уже не горит. В левой части, там, где находятся кабинеты, свет ещё горит, но сюда он почти не доходит, поэтому у входа темно. Но благодаря этому свету я заметил женскую фигуру, прислонившуюся к стеклянной двери. Я её даже со спины узнать могу.

Юкиношита Харуно.

Ей, похоже, скучно, поэтому она смотрит на экран своего телефона. Даже в свете экрана смартфона её лицо очень красиво, но выражает оно скуку, из-за чего мне она показалась более строгой. Услышав мои шаги, она резко повернулась в мою сторону. Из-за расположения светильников вдоль дороги я уже не смог понять, как она на меня смотрела, но, кажется, улыбалась.

Я смог разглядеть её лицо только когда она сделала шаг от стеклянной двери. Взгляд её был холоден, а улыбка – мрачной.

– Убежал всё-таки, – шутливо сказала она. Мои брови дрогнули, и я цыкнул языком. Увидев моё лицо, Харуно-сан стала заметно веселей.

Не нравится она мне: возникает чувство, что она читает мои мысли, как с листа. Поэтому хоть как-то сопротивляюсь.

– Это ты ведь меня вызвала, сказав такое, – сказал я, и она в ответ не пытается ни отрицать, ни исправлять меня, а вместо этого опустила плечи. Уходя из конференц-зала, она нарочито сообщила мне место, и бросила взгляд так, что даже самый скудоумный понял бы.

Можно было бы, например, проигнорировать её и вернуться домой, но в таком случае она либо сама позвонит, либо начнёт искать меня через Хаяму или Комачи. По крайней мере, она так всегда и делала. Значит, мне будет гораздо легче самому прийти к ней.

Вот и получается, что я не могу её игнорировать. Я не могу не обращать внимание на пронизывающие меня насквозь слова, на тон голоса, словно кинжал у моего горла, ледяные глаза, силуэт, столь похожий на красивый силуэт той девушки; весёлая маска, как у взрослого

человека, порой застигающее меня врасплох детское выражение лица, ласковая до дрожи улыбка. Уверен, даже эти мысли она читает. Понимая, что нахожусь под её контролем, я не мог не задать этот вопрос.

– Зачем ты сказала это? Чего ты хочешь, в конце концов? – раздражённо спросил я то, о чём всё это время думал. То, что делает Юкиношита Харуно, всё время, что я её помню, будоражило нас. Даже сейчас, когда, казалось бы, всё закончилось, она бросила камень в гладь озера, спутав все карты. Нельзя позволять ей помыкать собой. Мои слова прозвучали более резко, более грубо, чем я ожидал. Харуно-сан спокойно приняла на себя мой сверлящий взгляд.

– Я ведь сказала, что мне всё равно. И на дом мне всё равно, буду этим заниматься я или Юкино-чан, – сказала она то же самое, что и раньше. Харуно-сан посмотрела наружу через стеклянную дверь.

– Я просто хочу, чтобы меня убедили. А результат мне не важен, – сказала она, словно усиливая свои же слова. На самом деле смысла повторять одно и то же нет. Однако в голосе были тоскливо-одинокие оттенки.

Опять. Опять я перестал понимать Юкиношиту Харуно. Действует то как положительный персонаж, то как отрицательный, то вызывает своими действиями ненависть и гнев, а иногда разговаривает ласковым голосом, делая грустное лицо. Если эта смена поведения – всего лишь игра, то я тут ничего не сделаю: куда бы я ни пошёл, всё равно буду танцевать на её ладони.

– Доказать свою лояльность? Прямо как якудза, – сказал я, вздохнув, и разочарованно улыбнулся. Ей, похоже, понравилась моя реакция, и она усмехнулась в ответ.

– Не могу отрицать... Но мать, думаю, тоже не примет этого.

– Но выглядело довольно позитивно, – сказал я, вспомнив добрую улыбку, а Харуно-сан усмехнулась в ответ, мол, что ты вообще такое говоришь, и посмотрела, как на дурака.

– В жизни не поверю, что мать это устроит. Поэтому она и не сказала ни да, ни нет, по сути, пустой ответ. Да и Юкино-чан, похоже, заметила.

Не сказать ни да, ни нет, а только дать понять собеседнику, что его услышали – это один из приёмов дипломатии. Юкиношита, наверно, поняла, что это значит: застывшая улыбка, напряжённые плечи как раз могли указывать на это, теперь я понял.

– Семья...

Чтобы понимать, как друг у друга выражаются эмоции, нужно пожить вместе некоторое время. Хороший тому пример – я и Комачи. У людей, с которыми я не знаком и года, я таких тонкостей не заметил бы. А вот чтобы понять скрытый смысл слов у матери и сестры

Юкиношита мне придётся принимать во внимание малейшие изменения мимики и жестов, что мне не по плечу. Харуно-сан прочитала мои мысли и коротко улыбнулась.

– Мать, сестра, или кто-то другой – тут это неважно, важно одно – наблюдательность. Даже вы, просто друзья, понимаете это?

– У меня не хватает уверенности назвать нас друзьями, поэтому ничего не могу сказать.

– Ты даже сейчас продолжаешь это говорить! Великолепно. Не умеешь ты сдаваться вовремя, – Харуно-сан усмехнулась, а взгляд всё ещё был ледяным. Она вздохнула, словно утратила интерес к разговору, и открыла стеклянную дверь.

– Этим никого не убедить, – бросила она мне и вышла наружу. Я сделал шаг за порог вслед за ней. Ай, я же в школьной обуви! Цыкнув, я решил, что мне лень переобуваться, и сбежал с лестницы.

– А почему нет? – сказал я за секунду до того, как спустился с лестницы. Харуно-сан остановилась и медленно обернулась ко мне. В её увлажнившихся больших чёрных глазах отражался свет фонарей, и мне показалось, что она плачет.

– Просто... то, чего она хочет – это всего лишь сублимация другого желания, – сказала она одно слово, и мне показалось, словно земля ушла из-под ног, и я немного пошатнулся.

Сублимация. Действие, направленное на получение удовлетворения при невозможности достичь некой цели путём подмены её на другую цель. Другими словами, обмануть самого себя – самообман.

Интересно, смогу ли я признать эту цель, если Юкиношита действительно, как сказала Юкиношита Харуно, обманывает саму себя? Увидев, что я умолк, Харуно-сан поднялась на одну ступеньку вверх, чтобы наши глаза были на одном уровне.

– И Юкино-чан, и Хикигая-кун, и Гахама-чан, вам всем пришлось приложить усилий, чтобы принять это. Играя лишь внешней формой и словами, отводя взгляд... – ласково прошептала она.

Прекрати, не говори ничего больше. Я и сам это понимаю. Но несмотря на мои мольбы, Харуно-сан продолжила говорить утешительным тоном и с жалеющим взглядом.

– Придумывая хитрые оправдания и искажённую логику... Обманывая и подменяя действительность, так ведь? – говорила она даже не прекращая, словно ей дела нет до моего ответа, и я всё услышал: и её голос, и дыхание, и слова, которые просочились в меня так, словно меня погрузили под воду из слов. Я даже не понимаю, дышу я или нет; в горле возникает голос, но выйти наружу ему не дано.

Я понимал. Я гордо заявил о мужской гордости, но в итоге в моём поведении ничего не изменилось. Хотя нет, всё стало ещё хуже: нужно было скормить им огромную ложь. Моя голова, казалось, вот-вот взорвётся, а Харуно-сан нежно, словно стараясь не сломать, погладила меня по голове.

– Я ведь говорила, – слегка улыбнувшись и проскользнув рукой к моей груди, она ткнула мне в грудь пальцем.

– Ты не пьянеешь.

– ...Похоже на то, – выдавил я из себя, и она улыбнулась естественной для неё улыбкой, однако на лице отразилась грусть. Её призрачная улыбка и чуть не плачущее выражение лица поразили меня в сердце.

Сцена, на которую я смотрел из окошка; опускающийся занавес; девушка, едва заметно махающая рукой; призрачная улыбка, исчезающая во тьме. Та боль до сих пор бродит по моему телу.

– Если не решить проблему, её дым не угаснет никогда. Это не закончится никогда. Мои двадцать лет лжи подтверждают это. Вся моя жизнь – словно подделка.

Думаю, я впервые увидел настоящее лицо Юкиношита Харуно. Пока я был в замешательстве, она сделала шаг назад и после этого повернулась спиной.

– Скажи, Хикигая-кун... А существует ли оно, это настоящее?..

Слова с налётом одиночества и грусти развеял ночной ветерок. Расчесав рукой волосы, она пошла, словно идя вслед за ветром; спустилась с лестницы, вышла за дверь и, слегка обернувшись ко мне, ласково махнула рукой. Я же стоял в прострации и смог лишь выпрямить спину на прощание, а руку поднять сил уже не хватило.

Когда она полностью скрылась из виду, в ногах словно иссякла вся сила, и я резко сел на ступеньки. Я думал, что я стремился к тому, что Юкиношита Юкино выбирает по-настоящему, что решила по-настоящему, что по-настоящему говорит. Однако если в результате пристальной оценки оказалось, что это желание – не более чем сублимация, то и конечный ответ – неверен. Ложь не в её словах, ошибка оказалась ещё раньше – в условиях задачи, на которую искали ответ. Нет, это я, Хикигая Хачиман, внёс эту ошибку. Зная, что разрешён лишь один ответ, я избегал делать выбор, откладывал его путём различных оправданий. Словно мошенник, плетущий обман с помощью слов. Уповал на доброту, разбалован честностью, притворялся, что опьянён мечтой, и твердил, что это – правильный ответ. А сейчас уже глупо было бы говорить, что это было ошибкой, нет – это грубая подделка, теряющая в цене из-за одного своего существования.

***

Я задумчиво сидел на ступеньках у школы, не обращая внимания на ночь и холодный ветер. Вокруг нет ничего, кроме нескольких проехавших по трассе велосипедов. В это время в школе уже не должно никого быть, да и на пешеходных дорогах людей почти нет. И вставать желания совсем нет. Неожиданно за спиной открылась стеклянная дверь, и раздался звонкий звук каблучков, эхом звучащий в голове. Как вдруг моя верхняя часть головы получила удар.

– Эй, а ну не ходи в школьной обуви по улице.

Посмотрев вверх, я увидел ребро ладони Хирацуки-сенсей. Похоже, это она меня стукнула. Подумав о чём-то постороннем, например, что давно уже такого не было, я почесал голову. Хирацука-сенсей коротко вздохнула и подала мне руку.

– Пора закрывать школу. Сбегай переобуйся.

Ну да, нельзя тут сидеть вечность. Я не смотрел на часы, но, должно быть, времени прошло немало. Я наконец-то встал, подгоняемый учителем, и отряхнул пальто от песка. Хирацука-сенсей поднялась по лестнице и, вздохнув, остановилась, сложив руки на груди. Похоже, она будет ждать, пока я уйду домой. Я тоже поднялся по ступенькам и, поклонившись Хирацуке-сенсею, зашёл в школу. В кабинетах и в учительских комнатах свет ещё горит, но в коридоре почти везде уже выключили. Свет снаружи, из окон, позволяет мне без проблем двигаться дальше, но всё же идти тяжело. Спина сама собой согнулась, наверно, из-за ночного похолодания.

– Хикигая, – за моей сгорбившейся спиной раздался голос. Это была Хирацука-сенсей, она шла за мной, не издавая ни звука. Заинтересовавшись, я увидел, что на ней не было ни шлёпанцев, ни тапок – только носки, туфли она держала в руках, видимо, готовится идти домой.

Надев пальто вместо белого халата, она стала рядом и хлопнула по моему горбу, чтобы я выпрямился, и улыбнулась.

– Уже поздно, я тебя провожу.

– Не-не-не, что вы. Я же на велосипеде.

– Да брось. Можешь оставить велосипед тут.

Э-э? Кто ты есть? Брошенный сородичами ёкай? Хирацука-сенсей толкает меня в спину, несмотря на моё сопротивление. В итоге она всё же дошла со мной до входа, и чуть ли не силой затащила меня на стоянку. Там уже никого не было, только пара-тройка машин. Из них выделялась одна высококлассная иномарка, плохо сочетающаяся со школой. Она мигнула фарами – похоже, Хирацука-сенсей открыла двери. Став перед своим любимым автомобилем, она осмотрела всё вокруг и подозвала меня рукой.

– Садись быстрее. Быстрее.

– Ага.

Я так и сделал, поскольку меня торопили: сел на переднее пассажирское сиденье и пристегнулся.

Двигатель завёлся с низким звуком, отдающимся в животе. Хирацука-сенсей нажала на газ, и машина начала двигаться, а я облокотился на сиденье. Когда-то давно я уже был в этой машине, но всё же как приятно сидеть в ухоженном кожаном сиденье! Алюминиевые элементы вокруг ручки коробки передач тщательно отполированы – сразу видно, что пользуются машиной аккуратно. Я было усмехнулся, вспомнив, насколько неряшливо выглядит её стол в учительской, но как подумал, что больше не увижу гор бумаг и пачек с раменом быстрого приготовления, мне стало как-то грустно, и я посмотрел за окно.

Над дорогами мигают жёлтым светофоры. Хирацука-сенсей уверенно крутит руль, что-то напевая себе под нос. Похоже, дорогу она знает. Но вдруг её песня оборвалась.

– Во-первых, спасибо за работу.

– Ага. Хотя, я особо ничего не делал.

– Не думаю. Ты хорошо работал. Нужно отметить завершение работы, хотела бы я сказать, но я за рулём.

– К тому же я ещё не могу пить.

Хирацука-сенсей слегка улыбнулась, не отрывая взгляд от дороги.

– И то верно. Ну, жду нашей встречи через три года, – сказала она, и я лишился речи. Казалось бы, можно было дать бессмысленный ответ, но я вместо этого сижу как дурак с открытым ртом. Только мелодия из автомобильной стереосистемы заполняет тишину.

– Эй, вот только игнорировать меня не надо! Неприятно, знаешь? – сердитым тоном сказала она, и я пришёл в себя и посмотрел в сторону водителя.

– А, извините. Как-то даже не представляю себе такого, – я постарался улыбнуться, и Хирацука-сенсей в ответ вопросительно склонила голову, чуть-чуть посмотрев на меня.

– Чего ты не представляешь? Что станешь совершеннолетним? Или что через три года мы всё ещё будем видеться?

Время течёт без остановки, и я вне зависимости от моего желания однажды стану взрослым, но смысл фразы «стать взрослым» от меня пока что ускользает. Работать, завести семью, влиться в общество – всё это возможно, если приложить стараний и связи, думаю.

Представить в уме я это могу, но вот достаточно ли этого для того, чтобы называться взрослым? Есть же в мире ничтожества, возраст которых пришёл без полезных качеств, и люди, которые издеваются над детьми, поэтому год рождения, позиция в обществе и наличие семьи не может служить критерием. Впрочем, думаю, я могу прожить без нарушения закона и вреда окружающим. Если говорить про длинные отрезки времени, десять-двадцать лет, то вполне возможно, что где-то наступит переломный момент. А вот три года... С одной стороны, это не так далеко, поэтому этот период воспринимается как реальный, но вот представить себе, что тогда будет, я не могу.

– И то, и другое... Ну, второе – это точно.

Зная свой характер, я не думаю, что мы будем видеться. Услышав мой искренний ответ, Хирацука-сенсей разочаровано вздохнула. Из-за светофора она начала тормозить. Притормозив, она немного открыла окно со стеклоподъёмником, ловко достала одной рукой сигарету и взяла её в рот. Чиркнув, она создала несколько искр в тёмном автомобиле. Образовавшийся на долю секунды огонь подсветил её доброе лицо. Наконец светофор засиял зелёным, и вместо улетевшего в приоткрытое окно дыма в машину попал ночной ветер и тёплые слова.

– Не понимаешь ты. Отношения между людьми так просто не заканчиваются. Даже если не видеться каждый день, всегда будет повод вроде чьего-то дня рождения, встречи, ещё чего-то раз в три месяца.

– Думаете?

Хирацука-сенсей кивнула, смотря вперёд, и продолжила:

– Потом это превратится в раз в полгода, потом раз в год, потом уменьшится до церемоний вроде свадеб и похорон. И в итоге вы друг друга забудете.

– Понятно. М? То есть, в итоге они довольно просто заканчиваются?

Из-за ровного темпа и спокойного голоса я сразу же поверил, но теперь не знаю, как эти слова трактовать в итоге. Судя из этого пояснения, отношения между людьми заканчиваются проще, чем кажется.

– Я хочу сказать, что это происходит, если ничего не делать, – весело усмехнулась Хирацука-сенсей, прижимая сигарету к пепельнице.

– Давай заедем в одно место.

– Как пожелаете.

Не могу же я жаловаться несмотря на то, что это меня везут домой? Вместо ответа, Хирацука-сенсей помигала поворотником и скрутила руль. Я посмотрел через окно, чтобы

подумать, куда она направляется. Она выехала на национальную трассу, в противоположную от моего дома сторону. Хирацука-сенсей вдавила педаль газа, подпевая музыке, и рокот двигателя усилился. Свет от уличных фонарей и встречных машин быстро мелькает мимо нас. Вскоре на дороге начали преобладать фуры и трейлеры, а вдалеке показался ночной вид сталелитейного завода. Хирацука-сенсей ласково замедлила ход и включила поворотник, ведя машину к зданию слева. Мы медленно подъехали по огромной парковке поближе ко входу в здание. Привычным движением сместив рычаг в положение «Р», Хирацука-сенсей вынула ключ зажигания, тем самым заглушив мотор. Похоже, мы на месте.

– Мы приехали, – сказала Хирацука-сенсей и вышла из машины. А куда мы приехали?.. Я тоже вышел. Я внимательно посмотрел на здание – похоже, там есть какой-то большой игровой центр. Часть крыши огорожена зелёной сеткой; периодически оттуда доносятся стуки ударов. Значит, здесь есть даже бейсбольная площадка. Увидев, что я застыл на месте, Хирацука-сенсей позвала меня жестом и пошла явно привычной дорогой внутрь, и я последовал за ней.

Внутри отовсюду раздавались характерные для игрового центра звуки. Кроме обычных видеоигр, здесь есть дартс, настольный теннис, баскетбольные площадки и гольф-симуляторы, и ещё много всего. Хороший игровой центр, много развлечений. Хирацука-сенсей же даже не смотрит на эти видеоигры: она направилась напрямиком к лестнице в центре, ведущей на бейсбольную площадку.

– О, мы успели к алюминиевым битам, – судя по надписи на стене, из-за ночных ограничений на шум они в определённый момент меняют биты.

Хирацука-сенсей купила несколько монет, быстро сняла жакет и кинула мне.

– Подержи, – сказала она и закатала рукава, направляясь в правую базу беттера³⁷. Она взяла в руки биты и взмахнула ей. Какая красивая и приятная у неё постанова! Направив биты прямо вперёд, она одёрнула рукава и приготовилась. О-о, похоже, похоже.

---

³⁷ Беттер (или бьющий/отбивающий) – позиция в бейсболе игрока, который должен отбить летящий в него (его страйк-зону) мяч.

Питчер³⁸ на жидкокристаллическом экране размашисто замахнулся и бросил первый мяч.

– Хацусиба³⁹!

Хирацука-сенсей махнула битой, и раздался приятный для души звук. Мяч по дуговой траектории улетел за аппарат.

– О-о, – вдохновлённо сказал я и похлопал в ладоши. Хирацука-сенсей улыбнулась и готовится ко второму мячу.

– Хори! Сабуро! Сатозаки! Фукуура! – почему-то при каждом прилетающем мяче раздавалось имя известного бейсболиста из «Маринз». За ними были Куроки, Оцука, Хулио Франко в совершенно непонятной последовательности, но подбор игроков хороший. Похоже, имена выкликиваются для ободрения, но всё-таки у них ведь стойка одинаковая, поэтому неясно, какой в этом смысл. Хотя погоди-ка, Фукуура ведь на левом поле играл, а Куроки – вообще питчер. Особенно сложно из-за того, что все они уже ушли из спорта!

Со стороны кажется, что она бьёт без усилий, но на дисплее показывается скорость мяча – 130 км/ч. Опасный она человек! Тебе в про-спорт пойти. Похоже, «Лоттэ», которые владеют клубом Маринз, принимают туда всех подряд.

Хирацука-сенсей отлично отбила двенадцать мячей, вытерла пот со лба и, проветривая майку рукой в районе груди, вышла из сетки. Эй, как мне на этот процесс смотреть? Может, не надо так делать?

– Хикигая, попробуешь?

– Не, я не... – попробовал отказаться я, но не успел, прежде чем она мне кинула монету – естественно, что отказаться не получится. Раз взял, то придётся пробовать. Но так как я полный новичок, то 130км/ч я в жизнь не отобью, поэтому я зашёл в 100 км/ч. Я взмахнул пару раз битой, подражая ей, а Хирацука-сенсей умкнула пару раз, стоя за спиной, сложив руки на груди, и понимающе кивает. Сложно-то как! Первый мяч брошен, и он, как я думал, быстрее ожидаемого. Я со всей силы ударил мимо мяча. Не попадёшь в него... Только я подумал, как по нему в принципе попадают, как сзади прилетели поправки.

– Смотри внимательно на мяч. Не держи биту так широко. Не размахивайся раньше мяча. Сначала пробуй, приноровись ловить нужный момент.

Вот это её понесло... Стукнув битой по базе, я снова занял позицию. По совету Хирацуки-сенсея я не размахивался сильно, и на этот раз раздался приятный звук удара по мячу. Удар

---

³⁸ Бросающий мяч игрок.

³⁹ Хацусиба, а также Хори, Сабуро, Сатозаки и Фукуура, Куроки, Оцука, Хулио Франко – игроки бейсбольного клуба «Маринган-Дасэн» или «Маринз» префектуры Чибо.

прошёл аж до моих кистей, словно парализуя их, а сзади стоящая Хирацука-сенсей широко кивнула, показала большой палец вверх и подмигнула. То ли от радости, то ли от стеснения, я тоже заулыбался.

Отлично, я в целом понял, как это делается. И вот полетел третий мяч... Иногда я промахивался, в основном кое-как отбивал, пару раз раздавался приятный звук. Когда мячи закончились, я вышел и увидел, как Хирацука-сенсей курит на лавочке за сеткой. Около неё были только напитки и бакудан-яки⁴⁰.

– М.

– А, спасибо, – я взял молча протянутую мне баночку кофе и сел рядом.

– Ну как, полегчало?

– Если бы спорт облегчал, то спортсмены не гонялись бы за спортивными медикаментами, – грубо сказал я в ответ на её ласковый взгляд. Хирацука-сенсей в ответ натянуто улыбнулась.

– Как некрасиво.

– ... Но я всё же искренне благодарен за заботу. Извините, что до самого конца пришлось возиться со мной, – сказал я, и Хирацука-сенсей удивлённо на меня посмотрела. Глубоко вздохнув, она поправила длинные волосы и положила руку мне на голову.

– Иногда ты говорить очень милые вещи, из-за чего у тебя такой плохой характер, – сказала она, сильно, чуть ли не до боли меня глядя. Поэтому я убрал голову примерно на расстояние одной ладони, и она перестала. Она слегка улыбнулась, держа во рту сигарету.

– Что ты там делал?

– А-а, да так... - я не смог сразу придумать, как ответить. Хирацука-сенсей это поняла и слегка улыбнулась.

– Харуно что-то сказала?

– Да, много всего, – сказал я неуверенно, и Хирацука-сенсей смотрит на меня, ожидая продолжения. Подумав, что уже слишком поздно пытаться её как-то провести, чтобы не рассказывать, я решил не останавливать мышление.

– Что я не пьянею, как и она.

– Ну да, Харуно да... Но речь не об алкоголе, насколько я понимаю, – с некоторым волнением спросила она, и я, улыбнувшись, кивнув.

---

⁴⁰ Огромная порция тако-яки, блюда на основе осьминога.

– Про атмосферу, отношения, и всё такое. Она говорит, что наши отношения – созависимость, а мне неприятно это признавать, поэтому я немного сопротивлялся... В общем, всё очень сложно.

Наверно, другому кому-то я бы это не сказал. Не смог бы сказать. Сказать это – фактически выставить напоказ свою слабость. А я не хочу, и не из-за трусливого самомнения, которое не хочется поломать, а из-за невыносимого стыда. Поэтому в таких случаях, как бы на меня ни давили, я бы продолжал отшучиваться и уводить разговор в сторону. Есть только одно исключение – Хирацука-сенсей; перед ней одной мне не нужно держать лицо, напрягаться. Она заметно старше меня и находится по другую сторону взрослости. Даже сейчас она не задаёт лишних вопросов, а лишь думает о смысле сказанного мной, пуская лиловый дым.

– Созависимость... Да, Харуно могла бы так сказать, это на неё похоже. Но то, что она говорит – это своего рода метафора. И понимает ведь, а всё равно говорит... Похоже, ты ей сильно понравился.

– Хе-хе, как-то меня это не радует.

– Я имею в виду, что слова Харуно можно назвать верными, если смотреть с позиции проницательного взгляда⁴¹ Харуно. И правда, и ты, и она – мастера по поиску глубинного смысла, – добавила она шутливым тоном, и я усмехнулся вслед. Хирацука-сенсей улыбнулась, смяла сигарету о пепельницу и повернулась ко мне.

– Но я так не считаю. У тебя, Юкиношиты и Юигахамы не такие отношения.

Белая струйка дыма утончается и исчезает, оставляя за собой плотный запах дёгтя. Я к этому запаху уже серьёзно привык. Вокруг меня нет людей, курящих такой табак, поэтому, уверен, когда-то я буду по нему скучать.

– Сжимай до размеров слова созависимость, – Хирацука-сенсей обняла меня за плечо своими пальцами, которые источали этот незабываемый запах.

– Возможно, тебя эта логика и убедит. Но не порть чужие чувства взятыми откуда-то словами. Не ставь такие простые метки на чувства, – смотря прямо на меня, сказала Хирацука-сенсей.

– Ты можешь описать эти чувства одним словом?

– Нет, одним словом описать не получится. Более того, у меня в принципе словами не получается это передать.

---

⁴¹ Здесь имеет место двусмысленность. В оригинале Хирацука-сенсей использовала фразу “ugatta mikata”, которая помимо своего прямого смысла «проницательный» используется в народе как ироничное обозначение для людей, которые «ищут» чересчур глубоко, используя домыслы, индуктивные умозаключения, нередко с логическими ошибками.

Я до сих пор не смог выразить свои мысли, чувства, идеи. Если у них нет смысла, то всё, что я смогу только издать, это животный стон. Издав лай, мол, не называй всё одним чувством, впиться когтями в землю, потому что передать словами не получится, и уныло поджать хвост, мол, можно ничего не передавать. Не заметив, я сжал баночку кофе в руке. Но сенсей убрала руку от моего плеча и довольно кивнула.

– Ты уже знаешь ответ, но просто не знаешь, как выразить его, поэтому и пытаешься убедить себя простыми словами, подогнать свои чувства под какие угодно слова.

Может, оно и так. Понятие созависимости содержит в себе хорошее и плохое, любовь и ненависть, поэтому я надеялся, что этим словом можно будет легче всего описать мои чувства. Если назвать их целиком «созависимость», то больше не нужно будет ни о чём думать. А по сути, это бездумье и побег от реальности.

– Но знаешь, вариантов поступков много, их бесконечное количество, даже если слово всего одно.

Хирацука-сенсей достала из нагрудного кармашка ручку и взмахнула ею, как волшебной палочкой. После чего она начала писать что-то на бумажке.

– Например, я много чего думаю о тебе. Что ты надоедливый, неумеха, всё усложняешь, будущее под вопросом и так далее, – сказала она, быстро записывая это на бумагу.

– Ого, сколько грязи в мой адрес...

– Это ещё далеко не всё. У меня на уме ещё больше всего есть, просто лень всё записывать, – сказала Хирацука-сенсей и начала всё это зарисовывать. Чернила ручки заполняли всё пространство бумажной салфетки без остатка. В итоге она закрасила всё, кроме пустого пространства в центре. Чёрные чернила постепенно наступают и на этот белый островок, но не целиком.

– Но самое главное в этом... – Хирацука-сенсей придвинула салфетку ко мне, прежде чем я успел разглядеть последнее слово.

– Я тебя люблю.

– Э? А? Эм, а...

На чёрном фоне было оставлено незакрашенным слово «люблю». Из-за внезапного удивления, замешательства, радости, стыда, стеснения и ещё множества эмоций я не смог никак отреагировать.

– Не стесняйся, ты для меня – лучший ученик. В этом смысле ты мне действительно нравишься, – улыбнулась Хирацука-сенсей, как хулиган, шалость которого удалась, и опять

погладила меня по голове. Ой, блин! Так вот, в каком это смысле. Это было опасно. Я чуть было не принял её признание, да и мне она нравится. Аж пот со лба пошёл.

Я слегка повернулся, чтобы спасти свои волосы от руки Хирацуки-сенсей, и облегчённо выдохнул. Хирацука-сенсей весело, хоть и немного нервничая, посмотрела на меня и закурила ещё одну сигарету.

– Если одного слова мало – используй больше слов. Если слов не хватает – действуй, – Хирацука-сенсей выдохнула дым, следя за ним взглядом. Я тоже смотрел за ним сбоку.

– Какие слова и действия – это уже неважно. Твоя задача – собрать их все в единую картину своего ответа. Возможно, оставшееся пустое место примет вид какого-то слова.

Дым растворяется в воздухе и медленно исчезает. Хирацука-сенсей смотрела лишь на меня.

– Поэтому, пока я всё ещё твой учитель, покажи мне свои мысли и чувства, и всё полностью, что у тебя есть. Покажи так, чтобы уже нельзя было придумать отговорки.

– Всё, значит? – спросил я, и Хирацука-сенсей сжала кулак в районе груди и кивнула.

– Да. Всё, да ещё с лишком.

– Как рамен, что ли... – сказал я слабым голосом, и сенсей усмехнулась. С её улыбкой ушло моё напряжение, и я, наконец, смог мягко улыбнуться.

– Ну... попробую. Хотя не думаю, что меня поймут.

– Если бы можно было легко понять, не было бы и проблем. Но ты... Ты справишься, – Хирацука-сенсей легонько стукнула по моей голове и сильно потянулась, показывая, что разговор закончен.

– Давай по рамену и домой. В «Наритакэ⁴²» пойдём? «Наритакэ».

– О, отличная идея!

– А то.

Хирацука-сенсей легко улыбнулась и, затушив сигарету, быстро встала. Я встал, следуя за ней.

Мы шли вместе, болтали о всяком, но Хирацука-сенсей держалась на пару шагов впереди.

---

⁴² Сеть японских раменных.

Смотря на её спину, я внезапно остановился. Наверно, у меня никогда не будет настолько стройной спины, я не стану настолько крутым. Но я хотел бы, чтобы эта сенсей, единственный для меня Учитель с большой буквы, смотрела на меня до конца. Пусть мой ответ будет неприглядным, постыдным, противным, до тошноты ужасным и ничтожным, я должен его продемонстрировать. Наверняка завершить всё – не ошибка; ошибкой был способ завершения. Мы использовали чужие слова, приходили исключительно к компромиссам исключительно внешне, и непоправимо испортили наши отношения, которых, наверно, на самом деле не хотели в этом виде, поэтому они – подделка.

Поэтому нужно ударить по этой подделке так, чтобы её сломать, чтобы осталось лишь настоящее. Пора завершить мою юность, в которой я намеренно допустил ошибку.

Глава 6. Как и когда-то, Юигахама Юи надеется.

Мой второй год в старшей школе подошёл к концу. С окончанием прома и выпускной церемонии мои оставшиеся дни в школе можно пересчитать по пальцам, настолько их мало. Большая часть из них – анкетирование в конце учебного года; и останутся только собеседования и моя выпускная церемония.

После экзаменов по школе распространилось предвкушение весенних каникул. Во время экзаменов клубная деятельность запрещена, но с сегодняшнего дня это ограничение снято, и через окно доносятся бодрые спортивные возгласы и приятные звуки алюминиевых бит. Единственное исключение – клубы, которые пользуются спортивным залом. Там, где обычно были сети и прочие приспособления волейбольного и бадминтонного клубов, сейчас установлены подставки и расставлены стульчики. Участников клубов тоже нет, а вместо них – поступившие в нашу школу новые ученики и их родители.

Одна из них – моя сестра Комачи. Сегодня проводится вступительное собрание в школе Собу, в том числе будут снимать мерки для школьной формы. Другими словами, сегодня будет первая демонстрация Комачи в школьной форме! Я прибыл на это место вместо своих до ужаса занятых родителей, которые в идеале должны были на неё смотреть. В зале расположено несколько временных кабинок для переодевания из трубок и штор. В одну из них я проводил Комачи, а сам сел на один из неудобных стульчиков.

Пока с Комачи снимают мерки и подбирают форму, я рассматриваю спортивный зал, вспоминая, как выглядел мой прошлый учебный класс. Как там было весело и шумно после того, как бремя экзаменов было, наконец, сброшено. И когда я, торопясь, собирался, услышал чей-то стон: «А у меня совсем ничего не получилось! Блин... Наверняка придётся пересдавать». Кто-то – это наверняка Сагами, оставшаяся почему-то после уроков. Так на неё похоже... о таких мелочах беспокоишься.

А в другой стороне Хаяма, Тоцука и остальные парни. Они уже уходят – долгожданное продолжение занятий в их клубах. Остались только Миура, Юигахама и Эбина-сан. Они, как обычно, решают, куда бы пойти отдохнуть после школы. Юигахама, по идее, приглашает всех куда-то после экзаменов, но это, полагаю, начнётся с завтрашнего дня.

Думая, что бы сказать, я подошёл к примерочной. Комачи и сотрудники, снимающие мерки, о чём-то разговаривали.

– Как вам такой размер?

– М, в самый раз. А, это длина юбки?

– Дело в том, что...

Они о чем-то шептались, и я из-за этого вернулся в реальность. «Длина юбки» звучит как-то опасно... Я пристально смотрел на шторы, сложив руки на груди, с нетерпением ожидая Комачи. И, наконец, шторы раскрылись с характерным звоном железных петель.

– Тадам! – Комачи вышла из примерочной уже в школьной форме Собу.

– Ох... – я похлопал в ладоши. Комачи, похоже, была в плохом настроении: она гордо выпятила грудь, приставила руки к бокам и посмотрела на меня.

– Ну? Что скажешь? Мило выглядит? Или нет?

– Да-да, ты самая красивая в мире.

– Ува-а, опять это твоё безразличное...

На самом деле я считаю, что она самая милая в мире, включая всю историю нашей планеты, но много вещей привлекают моё внимание, из-за чего мои слова выглядели сухо. Особенно заинтересовала меня одна вещь, из-за чего я нахмурился.

– Кстати, а не слишком ли юбка короткая? Братик переживает.

– Ува-а... Отвали, – лицо Комачи, секунду назад выражавшее счастье, вмиг сменило выражение на презрение. Можешь на меня смотреть как угодно, но осмотр ещё не окончен.

– Ну, длину юбки можно и подогнать, а вот блейзер... – сказал я, и Комачи, тоже заинтересовавшись, вытянула руки перед собой, проверяя длину рукавов. Рукава у примерочной модели слишком длинные, так что закрывают половину ладони. Комачи помахала им, как Манеки-неко,⁴³ и покрутила кистью.

– А-а, это...

– Ага. Смотрится мило, – сказал я, довольно кивнув, и Комачи сделала лицо, словно её тошнит.

– Ува-а, как противно. Но если смотрится мило – тогда ладно, – Комачи удовлетворённо кивнула и помахала рукавом. Девушка, снимающая мерки, была в затруднении.

– Да, они выглядят длинными, но все его заказывают.

– Нет-нет, всё нормально. Делайте так, – торопливо произнесла Комачи, и девушка улыбнулась.

---

⁴³ Фигурка кота, словно манящего лапкой. Считается, что она призывает счастье.

– Хорошо, сделаем, – ответила девушка, и появилось чувство, что примерка закончена. Однако мне ещё нужно кое-что сделать.

– А, можно сделать несколько фото для родителей? – сказал я, и девушка посмотрела по сторонам.

– Очереди нет, поэтому можете не торопиться. Позовите меня, когда закончите, – сказала она. Похоже, много кто делает фотографии, так что она улыбнулась и ушла за примерочную.

Я достал телефон и направил линзой на Комачи.

– Ну, готовься, – сказал я и запустил камеру. Несколько щелчков, ну же, смелее! – Смени-ка позу, покрутись. Так, замри.

Комачи двигалась, как я и говорил, и в конце сделала рукой знак «пи-ис» около глаз и широко улыбнулась.

– Отлично, спасибо.

Съёмка окончена, и я вернулся на свой стульчик, чтобы проверить фотографии. Да, она вся в кадре. Я создал сообщение родителям и приложил несколько снимков. Комачи довольно улыбнулась, осматривая спортзал, и погладила форму.

– Комачи совсем скоро будет тут учиться...

– Уже представляешь себе, как это будет?

– Ага. Жду – не дождусь! – сказала Комачи и продолжила рассказывать с горящими глазами, что она хочет сделать, о чём мечтает.

– Столько всего можно сделать в старшей школе! Учиться... ну, можно не напрягать себя. Можно зато найти подработку, гулять с друзьями после школы! И ивенты вроде прома хотелось бы!

Я бы хотел, чтобы ты к учёбе относилась серьёзней, поэтому согласно кивнул. Внезапно взгляд Комачи упал вниз.

– В школьный клуб пойти... – сказала она, и посмотрела на меня, ожидая какой-то реакции. Поняв, к чему она клонит, я не сразу нашёл, что ответить. Но я должен это сказать. Самый длинный день Хачимана, день, когда мы проводили пром и выпускную церемонию. Получив наставления от своего Учителя, я нашёл свой ответ. Я ещё не решил по поводу способа осуществления, решения и подтверждения, но ответ у меня есть.

– Клуб... клуб помощи закроемся, – сказал я, и Комачи молча грустно улыбнулась и выпрямила склонённую вперёд спину, а плечи опустились. Смотрит она на свою новенькую юбку.

– Вот как, закроемся... – пробормотала она, словно говоря это самой себе, и опустила голову.

– Да. И я буду тем, кто поставит точку! – сказал я и постучал по сгорбившейся спине Комачи. Я показал указательным пальцем на своё лицо и сделал самую самодовольную улыбку, на которую был способен. Это – решение, принятое мною тогда. Не давать кому-то решать, а самому проявлять свою волю. Комачи была несколько удивлена моему заявлению, но не промолчала.

– Не нужно этим так гордиться...

Я слегка вздохнул и пошутил невзначай:

– Извини, что говорю такие неловкие вещи.

– А, здесь всё нормально. Комачи по-своему весело. Даже без клуба помощи Юкино-сан и Юи-сан – друзья Комачи! – гордо выпятив грудь, Комачи улыбнулась и, положив голову мне на плечо, прошептала:

– Поэтому делай, как считаешь нужным, братик.

– Спасибо, – ответил я. Комачи весело усмехнулась и подскочила.

– Ладно, я – переодеваться!

– Ага. Я тоже пойду, – встал и я, но Комачи меня отвергла.

– А, у Комачи со свежими учениками будет совместный обед.

– Э? Что это такое?

– Я ведь говорила уже, что современные ученики знакомы друг с другом в соцсетях ещё до поступления в новую школу. Поэтому мы уже запланировали дружеский обед, – самодовольно сказала Комачи, улыбнулась и пошла переодеваться. Я же обратно сел и задумался о незнакомых новичках. Встреча ещё до поступления... То есть те, кто не смог прийти на такую встречу, станут одиночками ещё до вступления в класс?... Сложно, должно быть, современным школьникам из-за развития соцсетей.

***

Прощавшись с Комачи около спортзала, я вернулся в основной корпус. На примерку, снятие мерок и фотосессию ушло, как оказывается, немало времени. Солнце уже спустилось достаточно, чтобы проникать в коридор, наполняя его блекло-красным светом. Крики спортивных клубов со стороны стадиона и музыка духовых инструментов ещё слышны, но в коридоре кроме моих шагов, ничего нет, кроме разве что моей длинной тени.

Самая обычная послешкольная активность, абсолютно ничем не примечательная. Год назад я бы даже задерживал на этом своё внимание, но сейчас я почему-то чувствую тоскливую ностальгию. Плывая в этом холодном пространстве с мурашками по спине и холодом в груди, я дошёл до лестничного прохода.

Там кто-то стоял. Девушка сидела на стойке для зонтиков, держа у груди огромный пакет, и смотрела в окно. Из-за постоянно открытых дверей лестничного прохода, сквозняк время от времени колыхал её персикового цвета «булочку», играя цветом закатного солнца. Это Юигахама Юи, трудно её с кем-то перепутать. Лучи закатного солнца видны в воздушной пыли, из-за чего вид её лица сбоку казался наполненным то ли сожалением, то ли грустью. Её взрослое лицо выглядело ещё старше, ещё красивее.

Не решившись что-то сказать, я проглотил слова. Вместо этого я снял школьную обувь, достал из шкафчика уличные лоферы и бросил их на пол. Из-за этого Юигахама обернулась на звук.

– О, Хикки, – сказала она, сделав свою привычную яркую улыбку. Успокоившись, я подошёл к Юигахаме.

– О, что такое?

– Тебя жду.

– Э?! Зачем? Эм, что-то случилось?

Я испугался, подумав, что я, наверно, что-то пропустил, но Юигахама отрицательно замахала руками.

– А, нет. Ничего не случилось, просто я посмотрела на полочку с обувью и подумала, что ты до сих пор в школе, ну и... – медленно перестав махать руками у груди, словно не зная, куда деть руки, она робко смахнула волосы за уши и отвела взгляд. – Ждала...

– А-а, ясно...

Её мягкие щеки и слегка выглядывающие из-под волос ушки выглядели слегка покрасневшими на фоне багрового освещения. Смотря на это, я заразился стеснением. Видя это, Юигахама нарочито усмехнулась, играясь со своей «булочкой».

– Мы хотели куда-нибудь сходить после экзаменов, а во время экзаменов нам даже поговорить не удалось ни разу. Поэтому хорошо, что я подождала.

– Извини, я должен был написать тебе.

– Нет-нет, всё нормально! – Юигахама замахала руками после того, как я извинился, а весёлая улыбка стала призрачно-слабой.

– Я всего лишь хотела подождать... – сказала она и посмотрела в окно, куда-то вдаль, за закат. Я потерял дар речи, видя её силуэт со стороны. Может, как она говорит, ничего серьёзного и нет. Или она избегает говорить это вслух.

Я не знаю истины.

Но я подумал, а она ведь всегда ждала. Меня, или нас... Заметив это аж сейчас, я коротко поблагодарил.

– Ясно. Спасибо, – сказал я, и она кивнула мне и выпрямила спину. После чего сунула мне большую сумку, которую держала у груди.

– Помоги донести вещи.

Освободив руки, она отряхнула юбку и поправила тяжёлый на вид рюкзак. То ли там слишком много вещей скопилось под конец учебного года, то или ещё чего, но он выглядит словно надутый. Давай я заодно и это возьму, подумал я и протянул руку к Юигахаме.

– Эй.

– Э? – Юигахама как-то странно посмотрела на мою руку и положила на неё свою. На этот раз уже я посмотрел странно на Юигахаму. С чего бы это ты делала такие милые вещи?

– Не, не руку... Вещи. Я хотел понести их тоже.

– А... Б-быстрее говори! – Юигахама покраснела, треснула по моей руке и бросила в меня рюкзак. Тихо сказав «спасибо», она пошла вперёд меня. Я помахал ударенной рукой и постонал, хотя это было совсем не больно. Если не говорить то, что не имеет значения, можно случайно заговорить о чём-то другом.

***

В западной части неба всё ещё светит, хоть и едва заметно, закатное солнце, освещая аллею напротив станции. Я же толкаю велосипед под лучами света, пробивающимися сквозь ветви деревьев. А рядом со мной шагает Юигахама, о чём-то время от времени разговаривая.

– Ты куда-то заходил?

– Вступительная встреча у Комачи, и мерки для её формы снимали.

– Я тоже хотела посмотреть.

– Ты в любой момент сможешь увидеть её в апреле, – сказал я, но голос прозвучал слишком сухо. Казалось бы, апрель ведь очень близко, но мне сложно представить, что тогда будет. Наверно, это было заметно и по моему лицу, потому что лицо Юигахамы на секунду помутнело.

– Ага, ну да... А, может, поискать какой-то подарок, подходящий для школьной формы? Что-то, чем постоянно пользуются, – хлопнула она в ладоши, сказала уже ярким тоном, заметив, что её тон голоса был понижен.

– Почему бы и нет? Уверен, она будет рада, – ответил я, и Юигахама быстро пошла впереди меня и расположила на багажнике большую сумку и школьный рюкзак. Она достала оттуда телефон и начала что-то записывать. Эй, опасно же ходить, смотря в телефон! Хорошие девочки так не поступают! Вместо слов я остановился. Юигахама меня поняла и начала что-то делать.

После этого она вернула телефон в рюкзак и кивнула мне головой, мол, я – всё. Я продолжил идти с велосипедом и посмотрел на багажник.

– Кстати, что это за сумка?

– А, это? Школа скоро заканчивается, поэтому я подумала, что пора бы собрать вещи. Когда собрала всё вместе, вот такая куча получилась.

– Ну да, часто бывает под конец года.

Или, например, перед весенними или летними длинными каникулами. Особенно заметно это в младшей школе – принадлежности для рисования, каллиграфии и всё остальное, так что кажется, что ты похож на Гандама Фридома с МЕТЕОРОм⁴⁴. Так, что можно споткнуться и

---

⁴⁴ https://anime-characters-fight.fandom.com/ru/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%BC_%D0%93%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D0%BC

упасть, получится натуральный Фулл Барст взрыв. Я тоже часто рассыпал свои вещи... Пока я витал в воспоминаниях, Юигахама посмотрела на мой велосипед.

– Хикки, а у тебя почему так мало вещей?

– Я особо ничего не приносил.

За разговором мы добрались до дома Юигахамы и остановились перед супермаркетом неподалёку. Юигахама посмотрела вверх и, слегка стесняясь, повернулась опять ко мне.

– Эм... Зайдём ко мне?

Из-за такой постановки вопроса я не смог сдержать ироничную улыбку.

– Да нет, не стоит. Опять придётся ужинать у вас.

– Точно, ну да.... Хе-хе... А, кстати, погоди-ка, – словно что-то вспомнив, произнесла Юигахама и, немного стесняясь, слегка улыбнулась. После чего побежала в магазин, сказав мне ждать. В магазин я мог бы и зайти, но раз уж мне сказали ждать, придётся ждать. Я, пожалуй, буду немного умнее любимого пёсика семьи Юигахама по имени Соболь.

Я припарковал велосипед и присел на ступеньку. Я заглянул в магазин, ища взглядом Юигахаму. Она купила у кассы стаканчик для кофе и как раз наполняла его. Спустя некоторое время Юигахама вышла с двумя стаканчиками – по одному в каждой руке.

– Вот, твоя благодарность.

– О, это мне? Спасибо.

Плата за доставку, что ли? Значит, можно и принять. Однако вести велосипед и пить кофе весьма неудобно. Пока я думал, что же делать, Юигахама направилась в расположенный рядом парк. Действительно, в парке есть и скамейки, и беседки, а поскольку сейчас всё ещё день, то вполне можно насладиться прохладным солнцем – идеальный кофе-брейк.

В парке много детей, наверно, из ближайших домов. Они бегают по дорожкам, играя в непонятные догонялки, падают, плачут и снова встают. Смотря на них, мы с Юигахамой сели на ближайшую скамейку. Приятный ветерок, идеальный закат. Взяв трубочку в рот, я сделал глоток сладкого кофе с молоком, а Юигахама довольно вздохнула.

– Как-то так спокойно, – сказала она, посмотрев куда-то вглубь парка.

– Ага, до этого у нас ведь было столько суеты, – согласился я, попивая кофе, и Юигахама развернулась ко мне.

– Вот-вот. С Юмико и остальными подругами весело, но нужно постоянно куда-то ходить, в караоке – нужно следить за временем, сложно это. Хотя и весело, так что я не против.

– А, ну да. Надоедают места, где надо следить за временем. Знаешь про ограничение на два часа в саунах? Только-только насладился, как вдруг понимаешь, что время закончилось и пора убегать.

Юигахама похлопала меня по плечу, но очень быстро перестала.

– Понимаю!.. Но про сауны ничего не знаю.

– Э? Ты в сауне не была? Ты из какой страны?

– Ну вот... А сауна-то из какой страны?

– Из Европы, Финляндии... Но это не точно.

– Что ты там прошептал в конце?!

– Сложно объяснить. Горячие ванны существовали во всём мире, включая Японию, но если говорить о финских саунах, то, естественно, пришли они из Финляндии, однако в понимании японцев горячая ванна – это почти то же, что и финская сауна. Вот и получается, что сауна в широком смысле этого слова неизвестно, откуда из Европы произошла, – быстро сказал я бубнящим тоном, а Юигахама невнятно поддакивала. Судя по её слегка удивлённому взгляду, ей не очень приятно было меня слушать.

– Ты настолько прот... настолько много знаешь! Аж противно.

– Зачем ты в начале пыталась поправиться?.. – сказал я устало.

Лучше бы ты не поправлялась. Иногда твои старания показаться учтивой ранят ещё больше. Юигахама весело усмехнулась и снова сделала глоток кофе через трубочку. На этот раз она довольно вздохнула и потянулась.

– А неплохо так время проводить.

Юигахама опустила поднятые руки и посмотрела на меня, словно спрашивая, согласен ли я. Я кивнул в ответ.

– Но только иногда. Каждый день таким заниматься – слишком лениво.

– А, ну да, когда нет клуба, делать совсем нечего. Раньше я так даже подумать не могла.

– Ага. Со второго года, что ни говори, я почти каждый день так был. Даже не помню, как я бездельничал на первом году.

– Вот-вот. А что делать на третьем году?

Юигахама уперлась руками в лавочку и похлопала ногами, смотря куда-то далеко в небо. Я же, пнув ногой камушек, горько заявил:

– Скоро экзамены, так что этот вопрос у тебя отпадёт сам собой.

– Может быть, – Юигахама натянуто улыбнулась, и я в ответ тоже. После этого мы перестали улыбаться. Хотя мы и говорим о будущем, но важных вещей не видно, наверно, кроме формального будущего, ничего не видно.

Нет, я так не думаю.

Чтобы говорить о будущем, нужно уже закончить с разговорами о настоящем. Не знаю насчёт Юигахамы, но я заметил, что я специально избегал этого. Поднялся прохладный вечерний ветер, из динамиков по парку начала раздаваться песенка «Yuuyake Koyake»⁴⁵, с началом которой дети начали по одному расходиться. Небо на западе краснеет, а на востоке – покрывается словно рассыпанной иссиня-фиолетовой краской с ярко-красной полосой прямо над нами. Вскоре и оно посинеет.

Мы с Юигахамой некоторое время сидели молча, смотря на небо.

– Слушай, Хикки, – тихо обратилась ко мне сидящая рядом Юигахама.

– М? – Я посмотрел на неё, но она глядела в землю, крепко сжимая губы, словно переживая, стоит ли говорить дальше. Сделав пару раз вдох, она решительным взглядом посмотрела вверх и повернулась прямо ко мне.

– Тебя это устраивает?

Я думал, что понимаю, о чём идёт речь.

– В смысле? – сказал я и хотел добавить, что у меня нет права влиять на это, но Юигахама отрицательно помотала головой, остановив меня.

– Подумай хорошенько, прежде чем ответить. Если тебя это устраивает, и если это – действительно конец, то я скажу своё желание. Очень важное желание, – сказала она, серьёзно смотря на меня, из-за чего заготовленный пустой ответ испарился. Я слегка прикусил губу и опустил взгляд. Я понял, что уклончивый или неоднозначный ответ она не примет. Сейчас не место для половинчатых ответов, обмана и подделок. Хотя, если я напущу дыма и сбегу, она наверняка усмехнётся и простит, но нельзя пользоваться её добротой. Это было бы предательством. Она – единственная девушка на свете, которую я боюсь заставить себя ненавидеть.

---

⁴⁵ https://www.youtube.com/watch?v=1_FMta-Nyvl

– Не устраивает, – выдал я из себя, и Юигахама слегка улыбнулась, кивнув. Благодаря этому я смог говорить дальше.

– Завершение работы клуба – это, по-моему, в порядке вещей. Как правило, другие клубы закрываются в какой-то момент. К тому же, ответственной за наш клуб была Хирацука-сенсей, а её уже не будет. Поэтому закрытие клуба – это не ошибка. Он рано или поздно всё равно бы закончился, – сказал я, и Юигахама кивнула.

– Роспуска клуба не избежать. Понятно, что у Юкиношиты нет желания продолжать. Все причины для роспуска являются правильными. Поэтому и я думаю, что клуб можно распустить, – наконец сказал я то, что не мог сказать прямо им обоим в тот момент.

Теперь я могу покончить со своей детской чертой, из-за которой я не мог принять конец, хотя и полностью его осознавал. Я с облегчением глубоко вздохнул.

Юигахама поставила стаканчик кофе рядом, выпрямилась и, сведя колени, повернулась ко мне.

– Вот как. Тогда... – она открыла рот, но то ли не решалась что-то сказать, то ли подбирала слова. Она двигает руками, словно не находя им места, но, наконец, сжала плиссированную юбку, приняв решение.

– Тогда...

У меня нет права слышать продолжение этого, ведь я ещё не сказал то, что должен был сказать.

– Но есть одна вещь, которая меня не устраивает, – сказал я, прервав Юигахаму. Она смотрит на меня удивлённо, с непониманием, в глаза. Но не протестует, а беззвучно кивнула, чтобы я продолжал.

– Если её выбор был продиктован замещением иного желания, путём самообмана и компромиссов, я не могу это принять; и если я внёс это искажение, то и ответственность... – начал было я, но остановился, потому что сам понял, говорю не то. Я был на грани того, чтобы уйти вбок с помощью каких-то уловок и обтекаемых фраз. Что я собирался залатать этими блуждающими вокруг словами? Это не то, что я должен сказать. Юигахама внимательно и с тревогой смотрит на меня, потому что я внезапно замолчал. Я сделал глубокий вдох и хлопнул ладонями по щекам. В этот момент и Юигахама внезапно выпрямилась, приставила руку к груди, словно удерживая сердце.

– Н-напугал! Ты чего это вдруг? – робко спросила она.

– Извини. Забудь. Я просто пытался показаться крутым, – повернувшись к Юигахаме, сказал я, и она, несколько раз быстро моргнув глазами, засмеялась.

– Что это значит? – успокоено усмехнулась Юигахама, и я посмеялся над своей неповоротливостью. Дурная привычка – эгоцентричность, из-за чего я сам того не планируя пытаюсь показать ей хоть что-то хорошее. Сделав глоток горького кофе, выключив своё красноречие, я решил сказать как есть.

– Уверен, будет звучать противно, но этот... Я не хочу терять с ней связь, и это меня не устраивает, – вышла с моих губ такая глупость, что даже я сам разочаровался в себе, настолько низкий балл получает это предложение. Я даже усмехнулся уголком рта над самим собой. И Юигахама, похоже, тоже удивлена.

Но она не смеётся. Ласково посмотрев на меня, она перевела взгляд на землю.

– Связь... Связь не потеряется.

– Ну да, в обычном случае. Если иногда встречаться, беседовать о пустяках, собираться где-то, то связь не потеряется.

Я вспомнил основные моменты, необходимые для поддержки отношений, о которых мы с Хирацукой-сенсеем говорили тогда в машине. Но это касается среднего нормального человека, и только.

– Но другое дело – я. Я терпеть не могу такие навязчивые отношения, – сказал я, словно стреляя словами, и наконец-то смог впервые согласиться со своими словами. Ничего серьёзного, мне всего-навсего не хочется отдаляться. Рыская до потери сознания в поисках какой-то логики, ища причины, оправдания, обстоятельства, положение дел, и что в итоге?.. Думаю, иначе как своей собственной незрелостью это не объяснить. Я ещё раз иронично усмехнулся над самим собой.

– Хотя я и продержусь недолго, но могу с уверенностью заявить, что отношения исчезнут. Я всё-таки ветеран в разрыве отношений!

– Нашёл чем гордиться... – неловко улыбнулась Юигахама, но не стала отрицать. Ещё бы, за проведённый вместе год она должна была это понять.

Есть ещё одна девушка, с которой я провёл около года.

– Добавлю, что и Юкиношита, скорее всего, тоже.

– Ну, согласна.

– Вот. Поэтому, если ничего не сделать, связь пропадёт. Это меня не устраивает.

Запутанная логика, простые слова, неловкие попытки подобрать слова... Я смог лишь горько улыбнуться. Юигахама молча на меня смотрела, но вскоре разочарованно вздохнула.

– Ты... Это вещи, которые нельзя понять без слов.

– Так ведь даже если я скажу – меня не поймут. В этом нет смысла, нет причин, нет никакой логики.

Хоть я и эгоист, но эту логику даже я не могу понять. Я сдался, потому что не нашёл известных мне фраз. Поняв, насколько глупо звучали мои слова, я слегка скривился.

Однако даже этим словам Юигахама кивнула.

– Ага. Честно говоря, ничего не понимаю. О чём ты вообще? Да и противно как-то.

– Во-во, я с тобой полностью согласен. Но... ты не слишком груба со мной?

Она повторила это несколько раз, так что я даже расстроился. Однако глаза Юигахамы улыбаются.

– Но почему-то я понимаю. Это очень на тебя похоже, Хикки.

– Думаешь? – спросил я, и Юигахама, отсев на расстояние кулака, повернула ко мне колени, и посмотрела прямо на меня.

– Ага. Поэтому очень важно это сказать.

– Даже если непонятно?

Через миг мне в плечо прилетел кулак. Юигахама недовольно смотрит на меня.

– Даже если непонятно! Да и вообще, Хикки, у тебя ведь сил не хватит сказать.

– Больно это слышать.

Она права. Я бросал идею что-то рассказать, понимая, что меня не поймут. Поэтому я и не мог сказать важные вещи.

А она – говорит.

– Думаю, сказать у тебя ничего не получится, но я пытаюсь тебя понять, так что всё нормально. Юкинон, наверно, тоже, – медленно, словно сплетая воедино слова, ласковым тоном сказала она, а глаза были влажными напротив багрового заката.

А-а, точно. Теперь я понял Юигахаму.

Сейчас я пытаюсь понять, что она пытается выразить словами; здесь нет речи о логике или пояснениях, наверно, субъективная оценка и шестое чувство. Вот как мы заполняем пробелы друг друга.

– Моё желание уже давно решено.

Юигахама встала, повернулась ко мне спиной и посмотрела вверх, на закатное небо. Небо на фоне её спины было почти того же цвета, что и в тот раз, когда снег падал в беззвучное море.

– Я хочу всё.

Нет уже запаха прибоа, нет блестящих снежинок, но её слова с тех пор не изменились. Через некоторое время Юигахама глубоко вздохнула и повернулась ко мне.

– Поэтому я хочу, чтобы Юкинон была в этом простом времени после уроков. Я хочу быть там же, где ты и Юкинон, – сказала она свою надежду, стоя спиной к закату, под его тёплыми лучами и холодным ветром.

– Поэтому... обязательно скажи.

Я смотрел на её решительный сильный взгляд, хоть и влажный, не обращая на ослепляющее глаза солнце, чтобы выжечь её далёкую красивую улыбку.

– Всё нормально, я скажу, – сказал я ясно и честно, насколько мог, словно обращаясь к самому себе. Когда я это сказал, Юигахама слегка улыбнулась и села на скамейку опять.

– Правда? – шутливым тоном спросила она, заглянув мне в лицо.

– Да, хотя сложность высокая, да и приготовления нужны. Но я попробую.

Юигахама подозрительно посмотрела на сбивчиво отвечающего меня.

– Приготовления?

– Да, всякое. И я, и она имеем кучу различных линий обороны, отговорок, предлогов, социальные статусы, пути отступления... Нужно для начала всё это убрать, – сказал я, и у Юигахамы на лице появилась смесь беспокойства, гнева и прочих сложных чувств. Она ничего пока что не говорит – её рот скривился от недовольства.

– Не думаю, что в этом проблема, – холодно сказала она.

– Понимаю, но не думаю, что смогу сказать без этого. Нужно вытащить и меня, и её к месту, откуда не получится сбежать, – глуповатым голосом ответил я из-за того, что на меня злятся. На самом деле я сам расстроен своей собственной неуклюжестью. Но когда живёшь, как Хикигая Хачиман, целых семнадцать лет, без разрушения кривых изворотов логики не обойтись. Я тяжело вздохнул, а Юигахама ласково улыбнулась.

– Достаточно ведь одного слова.

– Что можно рассказать одним словом?

Обычному человеку, может, и можно было бы. Но я не смогу, мне одного шаблонного слова не хватит. Да и, кажется, много будет. А придумать правильную пропорцию, кажись, не смогу. Да и нельзя на этом всё закончить. Да и даже сейчас неполным ответом вряд ли что-то получится передать, из-за чего Юигахама отрешённо смотрит на меня, поэтому я осознал, что сказал чересчур мало.

– Может казаться, что человек умный, но на самом деле дурак, до смерти надоедливый, упёртый до невозможности, специально уклоняется и убегает от разговоров, из-за чего

вызывает на себя потоки раздражения и, самое главное – не доверяет словам, – пробормотал я, а Юигахама удивлённо посмотрела на меня и коротко вздохнула, непонимающе склонив голову вбок.

– Ты о ком?

– О себе.

Юигахама разочарованно усмехнулась, мол, ну так уж и быть.

Да, я тоже так о себе думаю. Постоянно на неё сваливалась эта моя неудобная часть характера, и каждый раз она меня прощала. Я, похоже, всё это время пользовался её добротой. Наслаждался удобством, закрывая глаза на очевидное, и принимал помощь. Эти дни для меня были важны и незаменимы, наполнены весельем, похожим на счастье в своём воображении.

– Извини, что доставил столько хлопот.

– Э? – Юигахама непонятливо склонила голову из-за моей неожиданной фразы.

– Однажды я смогу сделать это лучше, смогу не юлить своей логикой, принять всё как есть, думаю, это будет скоро, – сказал я невнятную фразу чётким тоном. Может, когда я стану чуть лучше, чуть старше, то смогу хотя бы это сказать без запинки; смогу сказать другие слова о других чувствах.

– Но тебе не нужно этого ждать, – сказал я, чтобы завершить предложение, и Юигахама сжала стаканчик, ничего не ответив. Но понимая, что на это нужно как-то отреагировать, она усмехнулась так, что непонятно было, какие чувства она испытывает.

– Чего? Я ничего не жду.

– Ну да. Я сказал что-то противное, – стыдливо усмехнулся я своей собственной непонятности

– Это точно, – Юигахама тоже улыбнулась и встала со скамейки.

– Ну, пойдём?

Я тоже встал, взял велосипед и последовал за Юигахамой. Выйдя из парка, мы остановились в нескольких метрах от её дома.

– Спасибо, что помог с вещами, – сказала она около входа и забрала большую сумку с велосипеда.

– Увидимся в школе.

– Ага, до встречи.

Юигахама помахала мне рукой, и я повёл велосипед.

Спустя некоторое время остались только звуки шуршания колёс об асфальт и мои собственные шаги. Внезапно они замерли, несмотря на то, что на вечерней дороге кроме меня никто не больше не стоит на месте. Несмотря на это я решил ехать. Оттолкнувшись от земли, я залез на сиденье и на секунду обернулся назад. Она всё ещё махала рукой и, заметив, что я опять смотрю на неё, помахала мне ещё шире, а я поднял ей одну руку в ответ...

Я крутил педали со всех сил, не оборачиваясь, так, что даже дыхание сбилось.

Интерлюдия.

Слёзы не текли.

Потому что я уже много плакала.

Поэтому когда он уходил, и когда я слегка махала ему рукой, я видела его отчётливо, пристально, словно чтобы хорошо его запомнить. И только когда он исчез из виду, я опустила руку.

Большой, но совсем не тяжёлый пакет внезапно показался мне тяжёлым. Пока я поднималась в лифте, вместе с шумом пакета его слова эхом звучали в моих ушах. Притворяясь, что я этого не слышу, я открыла дверь, и Соболь встретил меня лаем.

– Я дома.

Я присела у порога и погладила Соболя. Он щекотно лижет мои пальцы, из-за чего на моем лице возникла улыбка.

На мою руку упала капля.

Я улыбаюсь, а из глаз текут слёзы, из-за чего Соболь странно смотрит на моё лицо.

Ничего не случилось. Всё хорошо. Всё нормально.

Сказав это, я крепко обняла Соболя.

И заметила, что не могу сказать ни слова. Сдавливающая грудь боль поднялась в горло, и я могу издать лишь тяжёлое сопение. Я попыталась что-то сделать с пропадающим зрением и протереть глаза, как вдруг мою руку сжали. Подняв голову вверх, я увидела маму.

– Воспаление будет, так что не трогай.

Вдруг я почувствовала приятный запах, тёплые руки и смогла издать голос. Слезы потекли ещё сильнее, потому что не было нужды их останавливать.

Но сказать всё равно ничего не могу. Слова не выходят.

Не могу сказать «люблю», всего одно слово.

И до этого не могла, и есть проблемы серьёзней, и нет места этим чувствам.

Я... мы впервые влюбились.

Интерлюдия.

Пром закончился, экзамены закончились, сегодня и завтра будут собеседования, и, наконец, церемония окончания года между выходными днями, а после этого – очень длинные выходные. После того, как Мегури-семпай завершила обучение в нашей школе, комната школьного совета стала моим дворцом по праву и по факту. Я подчищала свои дела, как и заместитель и секретарша, одновременно подбирая в телефоне себе занятия на весенние каникулы. Ещё, конечно, много работы остаётся: попросить Юкино-семпай разобраться с бумагами, заставить заместителя работать до упаду, воскресить потом секретаршу... Вот так должен был подходить к концу мой первый год в этой школе.

– Привет, – внезапно ворвавшись в школьный совет, поздоровалась Хирацука-сенсей. Она, похоже, не умеет стучать. Ну, это то, что я от неё и ожидала, так что всё хорошо.

– Что-то случилось? – представляя себе возможные хлопоты, я встала и поскакала к ней. Как вдруг она резко достала свой телефон и показала мне экран.

– Ты знаешь, что это?

Так-так, что там... Я посмотрела на элегантный телефон Хирацуки-сенсея. Кажется, это какой-то блог. «Хм, понятно», – я пробежалась, но ничего не поняла, какая-то странная информация. Особенно непонятна фраза «Совместный пром старшей школы Собу и Кайхин-Сого уже этой весной!», которую просто невозможно игнорировать.

– Э? – у меня открылся рот. Что это ещё такое? Я указала дрожащими руками на телефон Хирацуки-сенсея.

– Ч-что это значит? Первый раз слышу! – спросила я дрожащим голосом, и губы мои задрожали тоже.

– Ясно, значит Ишики не знает... Остаётся только Хикигая, хм, – сказала Хирацука-сенсей счастливым голосом, и наконец перестала стоять, сложа руки на груди. Что за человек? Я тут стою в глубоком шоке, а она весело напевает что-то себе под нос, явно намереваясь уходить.

– Я поговорю непосредственно с ним. Пока.

Хоп! Я поймала её элегантно удаляющуюся в закат руку, поскольку надо было задержать её любой ценой.

– Стоп-стоп-стоп! Что это такое? Это семпай что-то делает?! Э? Это же одни проблемы, ничего, явно ничего хорошего не светит!

– А-а, Ишики, ты же не знаешь, – сказала она абсолютно отстранённо и спокойно всё объяснила. Получается, кто-то пожаловался на основной пром, и его хотят отменить, а

семпай собирается предложить ещё худший пром, чтобы наш сравнительно спокойный пром выглядел хорошо на фоне, и его всё-таки не отменяли. То есть подставной пром, явный аутсайдер.

– Не понимаю, – вырвалось у меня.

– Во-во, – ответила Хирацука-сенсей и улыбнулась. Не понимаю, чего она радуется?..

– Но ведь, эм, это уже прошедшее дело? Мы ведь сделали пром...

– Я тоже так думала, но, похоже, вчера или сегодня планы внезапно поменяли.

– Похоже?.. – я пристально посмотрела на неё.

– Ну, я сама только что узнала от совета попечителей, – сказала Хирацука-сенсей и почесала щеку, словно попала впросак. А-а, теперь понятно. Тот же самый метод. Значит, была делегация из семьи Юкино-семпай. В общем, понятно. Непонятно только по поводу самого семпая.

– Но почему вдруг семпай начал этим заниматься?

– Наверное, что-то придумал, – сказала Хирацука-сенсей ласково, как старшая сестра. Ей всё-таки весело!

Не понимаю. Он дурак, что ли? Кто в здравом уме зашёл бы настолько далеко? И почему он мне ничего не сказал? Впрочем, в прошлый раз было что-то про то, что он делает это ради нас, так что я не то чтобы совсем не понимаю. Хотя, наверно, не ради меня. Не понимаю.

Я неосознанно прикусила губу, и Хирацука-сенсей, видя это, похлопала меня по плечу.

– Подробности я узнаю у него лично. Потом поделюсь информацией, – сказала она, ласково улыбаясь, и весело ушла из учсовета, словно на свидание собирается идти. А я осталась страдать одна!

Но что стоять без дела? Что бы там ни решили с этим совместным промом, я, как президент школы, не могу стоять в стороне. Особенно неприятно, что меня оставили за скобками. Пожалуй, начну со сбора информации.

Я науглила страничку этого прома. Хм, в дизайне чувствуется женская рука. Помощниц у семпая мало, кроме меня был только один человек. Значит, копировать ссылку, вставить в Лайн, приписать «Ты что-то про это знаешь?!?!», отправка.

Ответ пришёл тут же.

«?!?!__?!?!» – то ли в замешательстве, то ли что, но из этого эмодзи понятно, что она тоже ничего не понимает. Следом пришло «Не знаю!» и стикер с плачущим пёсиком. Похоже,

подробностей узнать не выйдет. Так, нужно добивать. Я отправила следом: «А не знаешь, кто сайт сделал???». В ответ пришёл текст.

«Чуни⁴⁶. А ещё двое первоодок, которые игры играют! Они знают компьютеры! И носят очки!»

И в конце – рожица в очках. Ясно, ничего не понимаю. Это вообще можно считать осмысленным текстом?.. Впрочем, людей, с которыми у семпая дружеские отношения, до ужаса мало, поэтому очки – это уже достаточный критерий поиска. Главный злодей будет допрошен самой Хирацукой-сенсеем, а я буду собирать информацию о подельниках.

Повернувшись на стуле в сторону едва не плачущего в углу заместителя, который доделывает оставшуюся работу, я заинтересовалась:

– Заместитель, а не знаешь, кто такой «чуни»? В очках, и, похоже, дружит с двумя первоодками, которые разбираются то ли в играх, то ли в компьютерах.

Заместитель перестал работать, задумавшись. Но ведь не обязательно было останавливаться, правда?

– Чуни... А, догадываюсь. Тот странный парень, наверно, – похоже, он знает, о ком речь, судя по прекрасному эпитету.

– А можешь его привести ко мне? Заодно и тех двоих.

– Э? Не, двоих я уж точно не знаю.

Э? Искать их – это тоже твоя работа, вообще-то. Хотя не могу же я так прямо это сказать, поэтому грустно улыбнулась. Тут уже влезла сидящая рядом секретарша, подняв руку вверх.

– Эм...

– Говори, – указала я на неё пальцем, и она продолжила тихим голосом:

– Двое первоодок – это Хатано-кун и Сагами-кун из клуба игр.

– Клуб... игр? Хатано? Сагами? – я произнесла имена, которые ни разу ещё не слышала. Секретарша натянуто улыбнулась.

– Ироха-чан, они в твоём классе учатся...

– А...

---

⁴⁶ Она имеет в виду Займокузу с его синдромом восьмиклассника, но для Ишики звучит это как «восьмиклассник(ца)».

Блин! Теперь секретарша смотрит на меня со страхом в глазах. А мне казалось, что мы стали дружнее! У меня друзей-девушек мало, поэтому она для меня ценный человек! Поэтому я кашлянула и хлопнула в ладоши.

– А-а, да-да, точно. Значит, возьми ещё Сагано-куна и Хатагаю-куна, – приказала я заместителю, сделав пальцами знак «мир» сбоку над глазом, и подмигнула в качестве сервиса. Радуюсь освобождению от работы, заместитель быстро поднялся со стула.

– Хорошо, поищу.

– Макито-кун, я пойду с тобой. Ты ведь не знаешь, как они выглядят.

– Да, спасибо.

Два человека покинули учсовет. Погоди-ка, секретарша, ты не слишком вольно ведёшь себя с заместителем? Ещё и по имени обращаешься! Вы что, встречаетесь? Издеваетесь? Работать надо!

***

Спустя некоторое время заместителю и секретарше удалось привести пособников семпая. Как и было в наводке, все трое – очкарики.

Я посадила их за длинный стол, а чтобы не сбежали – поставила по бокам заместителя и секретаршу. Начинаем судебное заседание (судья: я, следователь: я, адвокат: я, решение: «Смертный приговор»).

– Ну, и как вы это объясните? – по-доброму спросила я, предоставив доказательства на своём смартфоне. Но они почему-то съёжились и смотрят друг на друга. Не похоже, что у нас выйдет нормальный разговор.

Так, нужно мне успокоиться. Если они в состоянии общаться с тем неповоротливым семпаем, то и с другими людьми могут. Я стараюсь, я прекрасна!

Глубоко вздохнув, я улыбнулась брендовой Ирохасу-улыбкой. Я не злюсь, если что.

– А почему это вы работаете над совместным промом за спиной у учсовета? М? – ласково спросила я. Я широко улыбнулась, чтобы продемонстрировать свою дружелюбность. На этот раз, похоже, подействовало – они все дрогнули. Даже заместитель почему-то дрогнул, а секретарша пробормотала: «Как страшно...». Отлично, продолжаем. Э? Страшно?.. Ты же хотела сказать «мило»? В эту же секунду очкарик справа что-то пробормотал.

– Право на молчание...

– Нет такого! – мелодично ответила я. Вы находитесь в комнате учсовета, а я – президент учсовета, то есть я здесь – единственный закон, а я права на молчание не признаю.

– Право на адвоката...

– Нет такого! – мелодично ответила я. Здесь адвокат – тоже я. Я послушаю, если вам есть чем оправдаться. Но только послушаю.

Из-за давления сидящий в центре крупный очкарик в плаще поднял обе руки вверх. Я его где-то уже видела, значит, должно быть, это он – Чуни.

– У моей рукописи дедлайн! – сказал Чуни и собирался было так и убежать с поднятыми руками, но заместитель его задержал, положив на плечо руку. Вы бы лучше начали говорить, пока я улыбаюсь. Не задумываясь, я постучала по столу.

– Объ-яс-ни-тесь.

– ...Хорошо, – Чуни опустил голову, кивнув. «Ну и? Где объяснение?» – спросила я взглядом. Очкарики по бокам начали бубнить.

– Это нас вчера начальство внезапно заставило...

– Д-да, нас попросили, не было выбора!

– Подробности прошу узнать лично у Хачимана! Мы – не более чем добросовестная третья сторона! – громче сказал Чуни-сан. Двое по бокам согласно закивали.

– Я бы с радостью, но его уже, к сожалению, вызвали, – сказала я. У меня заболели виски, поэтому я их потёрла и посмотрела за окно.

– Зачем семпай вообще ввязался в такое хлопотливое дело? Не понимаю, – вздохнула я и недовольно посмотрела на телефон на столе. Троица начала перешёптываться, словно секретничая, – похоже, отреагировали на моё бормотание.

– Ну да, он вообще непонятный человек. Мы же ему говорили, что ничего не получится!

– Если хотя бы сняли запрет на распространение информации – всё было бы в наших руках. Может, у него не всё в порядке с головой?

– Скорее, проигрыш – тоже хороший вариант, он говорил. «Ничего не понимаю».

Чуни, похоже, думает, что я его не слышу, поэтому подражает моим словам. К тому же двое других тоже шепчутся с ним. Я вас слышу, эй! Я цыкнула и грозно на них посмотрела, и парни по бокам умолкли. Но Чуни, похоже, не чувствует атмосферу, продолжает весело бормотать.

– ...Но когда тебя так горячо просят – сам захочешь помочь.

Эти слова меня зацепили. Получается, он горячо просил помочь с совместным промом, и при этом его устроил бы и провал? То есть его цель не в успехе совместного прома, но нужен сам процесс создания совместного прома... А-а, так вот что они имели в виду под запретом на распространение информации. Гм-му-му-му. Похоже, я поняла!

А три дурачка о чём-то своём беседуют, пока я собираю мысли воедино.

– Верно... Он просто просил. В землю кланялся⁴⁷! Я это впервые в жизни увидел!

– Да и мы... Разве мы могли отказать, когда нас так просят? Обещанию между мужчинами не нужны слова.

– Хм... Это же Хачиман, для него в землю кланяться – это не более чем поза. Как поза в йоге.

– Ну ты... Жестоко.

– Как аморально...

А-а, понимаю, понимаю. Этот человек ради цели пойдёт на что угодно... Я усмехнулась из-за слов Чуни-сана, как вдруг в голову пришла одна идея.

– Впрочем, после этого он с безразличным видом просил переделать кучу раз. Всё-таки с ним что-то не так.

– Ага, ещё три вида оформлений просил. Я думал, я его убью.

– А-а, этого я тоже не понимал. У него вообще сердце есть? Демон, дьявол, редактор!

Я быстро подняла на них взгляд, и поняла, что они начинают поносить семпая, трогая свои очки.

– Эй, потише там, я думаю, – быстро сказала я, и они закрыли рты. Давайте вы найдёте другое время для поливания семпая грязью? Хотя я бы вышла на этом празднике победителем. Да, мой семпай – ужасный, прогнивший до дна. В основном – в части глаз, но у него и сила духа куда более прогнившая. Поэтому он и идёт на всё ради цели. Совместный пром – это огромный ивент, в который будут вовлечены вообще всё и вся, а для него это всего лишь ступенька в его плане.

Что за цель такая? Подумав об этом, я заулыбалась.

– ...Ничего не понимаю, – вырвалось у меня.

---

⁴⁷ Традиционная поза для прощения.

Глава 7. Чувства передаются теплом прикосновения.

Я ни разу в жизни не смог решить какую-то проблему красиво, всё было опутано неприятными воспоминаниями. Честно говоря, я в некоторой мере чувствовал где-то глубоко в душе, что можно было решить иначе, проще и легче, без неприятного послевкусия, чтобы никто не остался обиженным, и не то чтобы я не видел вариантов. Вот только я не видел ценности в том, чтобы изменить свои слова и методы. Мне казалось, что если решить проблему одним рывком, просто по наитию, без страданий, агонии, переживаний, то я тем самым обесцениваю само её существо. С точки зрения главного действующего лица, его страдания и боль не является чем-то лёгким и поверхностным, как это кажется со стороны, скорее вопрос жизни и смерти. Решить этот вопрос одним словом – слишком неуважительно. Это если одного слова достаточно.

Одним словом, если и можно перевернуть всё с ног на голову, то вернуть всё назад невозможно. Поэтому я и использую такие методы, раня самого себя до безобразия и молясь в душе, чтобы желание исполнилось.

Я мало что могу сделать. Даже когда я делал всё, что только мог, до цели не получалось дойти. Поэтому я решил, что буду делать всё, что могу, заносчиво считая, что если я хочу чего-то настоящего, что не сломается несмотря ни на что, я должен изо всех сил портить, рушить, ранить, чтобы проверить на прочность, достаточную для того, чтобы я мог в это поверить.

Хотя у такого, как я, выбор средств ограничен. Даже если я пожертвую всем, результата сильного это не даст. У меня нет сильных козырей, разменных карт, методов воздействия, поэтому я, как правило, ничего не делаю и ничего не планирую. В текущей ситуации мой максимум – отправить одно сообщение, один раз поклониться в пол и сделать один звонок. Таким образом я смог получить всего одну зацепку. У меня есть всего один возможный метод, хоть и не примечательный, но лучше, чем ничего.

Начало новой недели, понедельник. Первый день собеседований окончился, и я стою в классе, внимательно смотря на телефон в руке. На экране телефона – «Совместный пром старшей школы Собу и Кайхин-Сого уже этой весной!» – сайт с промом. Подставной пром, который, казалось бы, должен был раствориться в пустоте, всё ещё жив.

Нет, точнее говоря, я его возродил. Вчера я по-крупному солгал, отправив сообщение, Кайхин-Сого прислала нам зелёный свет. Используя это, пришёл в клуб игр и попросил на коленях обновить сайт псевдо-прома. Само собой, там нет ни тени какой-либо конкретики. Другими словами, это полный вздор, подлог и обман. В реальности ничего не изменилось с тех пор, как этот план был псевдо-планом для прома. Поэтому и действовать оттуда придётся точно так же. Я запланировал всё до момента, когда я позвоню Юкиношите Харуно и попрошу слить информацию про совместный пром.

Наш разговор был недолгим, но её громкий смех из телефона до сих пор звучит в ушах.

«А какой в этом смысл?»

Она задала мне вопрос.

А нет в самом совместном проме никакого смысла. Поэтому я и ответил, улыбаясь: «Я покажу тебе настоящий пром, само настоящее».

Тогда я так не думал, но всё-таки это дурацкое оправдание. Из-за этого Юкиношита Харуно надо мной посмеялась.

«Дурак! Смотрите, здесь дурак!» – хихикая в трубку, посмеялась она, пощекотала мои нервы, и в итоге не ответила на мою просьбу ни положительно, ни отрицательно и положила трубку. Я ей перезвонил ещё раз, но она не ответила, поэтому я до сих пор не знаю, поможет ли она мне.

Всё равно что бросить палку в яму, где могут быть змеи, и наблюдать, что же произойдёт. Бросить кубики на стол, или же выбросить их, – остаётся лишь пересечь этот Рубикон. В итоге, результат появился в течение одного-двух дней. После уроков в первой половине дня, когда я уже собирался домой, за мной зашли.

– Хикигая, – обратилась ко мне Хирацука-сенсей и, словно ей неловко было что-то говорить, подозвала меня рукой. Так я понял, что моя первая ставка сыграла.

***

Хирацука-сенсей привела меня в ту же приёмную, где мы были ранее. Сразу после открытия дверей я встретился взглядом с матерью Юкиношиты. Она мне широко улыбнулась. Пока что всё как и раньше, за исключением того, что на этот раз рядом с ней сидит Харуно-сан. Харуно-сан помахала мне рукой и подмигнула одним глазом. Хоть она и смеялась надо мной по телефону, но всё же устроила всё как нужно, и за это я ей не могу не быть благодарен.

А ещё на софе у входа была Юкиношита.

– Хикигая-кун...

Она выглядела взволнованно, похоже, её уже ввели в курс дела. Я в ответ на её беспокойный взгляд молча кивнул. Заодно я посмотрел по сторонам, почесал щеку и улыбнулся.

– Эм, а почему меня вызвали?

Хотя для меня нет смысла спрашивать, я лучше всех понимаю, в чём причина, но нужно держать себя под контролем. Хикигая Хачиман, старайся так, как никогда в жизни! Но, видимо, актёр из меня не очень – мать Юкиношиты слегка улыбнулась, а Харуно-сан еле сдерживает смех от того, чтобы его услышали в этой тихой комнате.

– Садись давай.

Хирацука-сенсей тяжело вздохнула и похлопала меня по плечу. Судя по её лицу, всем всё ясно. Впрочем, это не проблема. Я сел на софу с Юкиношитой, как и просили, и Хирацука-сенсей тоже села рядом. Добрая улыбка матери Юкиношиты напротив всё ещё на её лице. Она достала из небольшого мешочка телефон.

– Я хотела бы уточнить кое-что, – начала она разговор и показала экран телефона. На экране был сайт того самого псевдо-прома, с одним лишь отличием: «Совместный пром старшей школы Собу и Кайхин-Сого уже этой весной!».

– Это...

Я постарался изобразить неожиданность с замешательством, не говоря ни слова.

– Я уже видела этот план, но можно мне узнать подробности? – спросила она, потирая виски пальцами, и устало вздохнула.

– Большинство попечителей согласилось в вопросе допустимости прома, увидев его вживую. Но я хотела бы объяснить ответственным людям, что это. Как так получилось? – спросила она ласково, но с нескрываемым волнением в голосе. С её точки зрения этот совместный пром был не более чем подставным с целью продвинуть пром в нашей школе. Она его разоблачила и, более того, подыграла мне на переговорах, то есть поддержала меня. И каким-то образом смогла утихомирить часть несговорчивых попечителей. В тот момент роль подставного прома считалась завершённой.

Но, несмотря на это, её шокировало то, что где-то за её спиной объявили о проведении этого самого прома. Она, возможно, чувствует себя преданной и смотрит на меня с чем-то похожим на разочарование. Я же должен пояснить это, аккуратно выбирая слова.

– Похоже, возникло недопонимание... Проблемы с коммуникацией, полагаю, – я притворился, что не понимаю, и мать Юкиношиты усмехнулась.

– Ясно. Значит, это банальная ошибка? Тогда, пожалуйста, примите меры для поправки и отмены.

– Это, возможно, не так просто будет сделать. Как только новость вышла в сеть, отмена может быть воспринята не очень хорошо, – частично отрицая её слова, ответил я, и брови матери Юкиношиты дрогнули.

– Тогда что ты планируешь делать? – спросила она, и я нагло улыбнулся в ответ.

– Полагаю, у нас нет выбора, кроме как провести ивент?

– Ты о чём? Не нужно ничего выдумывать, – прежде чем с противоположной стороны успел прийти ответ, Юкиношита сбоку меня остановила. После чего повернулась к матери и начала говорить в заумной манере:

– Я должна обратить ваше внимание на тот факт, что прошедший пром был проведён по моему решению, вследствие чего решение сопутствующих проблем является также частью моей ответственности.

Её мать кивнула, чтобы та продолжала.

– А этот план произрос из необходимости провести пром в нашей школе. Следовательно, я должна принять меры. Поэтому... – Юкиношита запнулась и отвела взгляд.

– Он ни при чём.

Выслушав, мать Юкиношита кивнула, мол, я тебя поняла.

– Ясно. А какие конкретно меры?

Она уже даже не на меня смотрит, а на свою дочь, и её острый взгляд направлен не на любимую дочь, а на ответственное лицо.

– Незамедлительно связаться со старшей школой Кайхин-Сого, выпустить новости об отмене с извинениями. В случае необходимости считаю возможным объясниться с ответственными лицами.

– Ну да, так и должно быть. В любом случае больше ничего мы сделать не можем.

– Да, пожар лучше загасить в самом начале, – согласилась мать Юкиношита с ответственным за пром человеком. Хирацука-сенсей тоже кивнула, мол, у неё тоже возражений нет. Увидев это, Юкиношита расслабленно вздохнула. Показалось, что вопрос решён, и атмосфера стала более тёплой, как тут я опять влез.

– Ну, не знаю, согласятся ли они с этим.

– Э? – у всех вокруг было озадаченное лицо, но я лишь слегка улыбнулся в ответ. Я не дам так просто закончить это всё.

– Как мы им скажем, что не будем делать пром с ними, несмотря на то, что мы фактически смогли сделать его самостоятельно? – расслабленно сказал я.

– Достаточно будет объяснить им, – резко оборвала Юкиношита.

– Думаешь, их учсовет во главе с Таманавой согласится? – ответил я так же резко.

– Ну... Это неизвестно... – Юкиношита в замешательстве. Вспоминая то, как мы делали совместный ивент на Рождество, она должна до боли хорошо понимать, что с ними спорить сложно. Хвалю твоё убеждение и давление, Таманава-сан. Разреши-ка я воспользуюсь твоими качествами.

– К тому же раз информация стала публичной, то в их школе об этом знают все, включая попечителей, – сказал я, словно само собой разумеющееся. Но, разумеется, это – ложь. Всё это – моя выдумка. Я даже Таманаве об этом не сказал, да и сомневаюсь, что Таманава настолько хорошо приготовился бы. Более того, я уверен, что он бы не стал утруждать себя. Но не стану же я говорить это вслух, поэтому я спокойно улыбнулся.

– Думаю, было бы слишком хлопотно диктовать свои условия и ссориться с ними.

Судя по прошлым поступкам, мать Юкиношиты делает всё, чтобы избежать ссор и скандалов. Помню, Хаяма Хаято сказал, что для членов ассамблеи связи в школе – это поле избирателей, поэтому они, уверен, не хотели бы каких-либо неровностей в отношениях с другими школами. Поэтому вряд ли они разрушат этот план по своей прихоти, если показать, что заинтересованные стороны не ограничиваются нашей школой. Мать Юкиношиты прикрыла рот веером и взяла перерыв подумать. Всё это время она смотрела на меня оценивающим взглядом. Наконец, она захлопнула веер и, постучав по плечу, устало вздохнула.

– Это уж вряд ли. Если допустить, что неожиданно по какой-то причине этот план был утверждён, проблема на нашей стороне не решается. Вы ведь не забыли, по какой причине он был отклонён?

Судя по всему, она понимает, что я лгу. Более того, она указала на серьёзную брешь в логике. Всё же она – не тот человек, с кем можно спорить и вести переговоры.

– Как наивно, – добили меня, и мне не остаётся ничего, кроме как натянуто улыбнуться. Тут Юкиношита приблизилась лицом к моему уху и прошептала:

– Не думаешь же ты, что это убедит мою мать?

– Это точно, – тихо, как комар, прошептал я. Честно говоря, я не думаю, что такие доводы кого-то могут убедить. Я прекрасно понимаю, что противник на голову выше. Значит, нужно продолжать разговор уже с учётом этого.

– На этот раз, я думаю, что часть попечителей всё же избавится от своих сомнений, – заявил я, выпрямив спину. Благодаря самоуверенному заявлению я почти что кожей ощущаю на себе внимание. Я принял его лёгкой улыбкой, приподняв уголки губ.

– Если один раз показать, что мы попробовали, но у нас не вышло, то даже ученики откажутся от затеи. Тогда не будет и тех, кто захотел бы проводить промы. Разве это не то, чего от нас ждала та часть попечителей? Можете мне довериться – я прекрасно всё испорчу, – полным жизни тоном заявил я, и все изумились.

– Что тебе даст проигрыш... – Юкиношита потёрла виски, словно сражаясь с головной болью.

– Хикигая... – Хирацука-сенсей глубоко вздохнула. Харуно-сан же едва не рассмеялась, но кое-как стерпела.

– Я думала, ты немного умнее... – разочарованно вздохнув, сказала мать Юкиношиты. По глазам видно, что это не то, чего она ожидала.

– Это не переговоры. Не указан элемент, ради которого стоило бы идти на этот риск.

– Конечно, я ведь не с советом попечителей веду переговоры, а всего лишь сообщаю о проведении, – ответил я учтиво, натянуто улыбнувшись. У матери Юкиношиты дрогнула бровь.

– Ясно... Ты в любом случае собираешься делать этот план.

От её словно метящего в мишень и ледяного тона мне стало холодно, но я всё же кивнул в ответ. Таким образом я лишь сообщаю информацию, и это – не переговоры, а не более чем разъяснение, донесение информации до сведения. Мы оба понимаем, что в этом разговоре нет смысла. С ней нет смысла вести переговоры.

И у меня нет больше козырей в рукаве – те козыри, которые могли повлиять на мать Юкиношиты, я уже израсходовал. Значит, я не в положении вести с ней переговоры.

Хотя, даже если козырей нет, можно их придумать. Это – закон обмана.

В недавнем разговоре Хикигая Хачиман для матери Юкиношиты, должно быть, казался своего рода мошенником. По идее, она должна его видеть как соперника в игру про переговоры или споры, с которым не будет скучно. По крайней мере, я на это надеюсь, и придётся сделать на это ставку. Если мне удастся стать для матери Юкиношиты фигурой, которую нельзя сбрасывать со счетов, то она должна будет задуматься, а почему Хикигая Хачиман затеял эту глупую шутку, проведение почти безнадёжного совместного прома?

– Мне вот только непонятно, почему ты это делаешь, – мать Юкиношиты прислонила веер ко рту и задумалась, массируя виски. Я подумал, что это довольно мило, хотя и не к месту. В жестах, словах и прочих мелких деталях проглядывается схожесть матери с дочерьми. Я впечатлённо смотрел, как вдруг мне прилетело локтем сбоку. Посмотрев туда, я увидел слегка закусившую губу Юкиношиту с морщиной между бровей.

– Как это понимать?

– Что? – прикинулся я дурачком, и Юкиношита на меня грозно посмотрела. Я отвернулся от неё, но напротив меня была мать Юкиношиты, красиво улыбающаяся мне. Её стройная улыбка напоминала наивную улыбку ребёнка, пытающегося решить головоломку.

– Это ведь ты всё затеял?

– Что вы! Не более чем ошибка, человеческий фактор, – пожав плечами, сказал я, и Харуно-сан засмеялась.

– Ты хотел сказать искусственная ошибка? – холодно пошутила Харуно-сан, и все вокруг беззвучно согласились с ней. Пожалуй, продолжать игру мне более не выгодно. Весь этот разговор до этих пор был не более чем поводом, чтобы привести людей за стол переговоров. То есть основная битва только начинается.

– Что бы там ни было причиной, совместный пром, думаю, будет полезен нашей школе. Прошедший пром, похоже, оставил некоторых людей недовольными. Не так ли? – спросил я, цинично улыбнувшись, у Юкиношиты Харуно. Она какой-то миг растерянно похлопала глазами, но тут же широко заулыбалась. Но только заулыбалась, отвечать она не думает. Насчёт причин я не знаю, но только Юкиношита Харуно выразила явное недовольство промом в нашей школе. Значит, двигать ситуацию нужно вокруг её аргументов. Ты нами всё время помыкала, так потанцуй же в моём темпе хотя бы под конец.

Так как я явно перевёл взгляд на Харуно-сан, мать Юкиношиты посмотрела туда же.

– Ты чем-то была недовольна?

– Да так, – пожала плечами Харуно-сан в ответ на вопрос матери.

– Не то чтобы я была недовольна. Юкино-чан счастлива, да и тебя, похоже, всё устраивает, так что мне не стоит сюда встравать.

Мать Юкиношиты удивилась провокативному тону. На это Юкиношита слегка вздохнула. Мать Юкиношиты же не выразила ни согласие, ни несогласие, а лишь ласково улыбалась. Вот только отсутствие ответа – это уже, по сути, ответ. И Юкиношита приняла его без шока, совершенно спокойно. Должно быть, она поняла ответ матери без слов. Неожиданная тишина повисла, как смола. Благодаря этому мой голос, должно быть, прозвучал с эхом.

– Я тоже недоволен, – сказал я, и все резко перевели взгляд на меня. Мать Юкиношиты заинтересованно прищурила глаза, Харуно-сан улыбнулась, а Хирацука-сенсей кивнула, как наблюдатель. Только Юкиношита Юкино опустила взгляд. Посмотрев участливо на Юкиношиту, её мать перевела взгляд на меня.

– А могу я узнать причину?

– Ну, мой план ведь явно лучше. Естественно, мне хочется узнать, как бы он был реализован, – сказал я шутливо. Несколько человек слегка вздохнули, и повисла колючая тишина. Ужасная тишина, наполненная тревогой и волнением. Хирацука-сенсей слева ткнула меня, а справа – щипают за бедро, выражая молчаливый протест. Мне совсем не больно, но я решил отвести взгляд. Харуно-сан закинула голову назад, а плечи её дрожат. А вот мать Юкиношиты, наоборот, задумалась с серьёзным лицом.

– То есть это лично твоё желание?

– Получается, так, – ответил я с натянутой улыбкой, но она, похоже, не понимает и смотрит на меня оценивающим взглядом.

– Но в данной ситуации шансы на его проведение низки. Уверена, ты это и сам понимаешь, – сказала она с замешательством в голосе. Вполне естественный вопрос с точки зрения матери Юкиношиты, но для меня и, наверно, для другой Юкиношиты, ответ сам собой разумеется.

– Даже если так, мне нужен явный ответ. Иначе эта проблема будет тлеть вечно, – я широко улыбнулся, словно смеясь над собой, и Харуно-сан рассмеялась.

– Дурак! Дурак ты! Разве ради этого стоит делать пром? Ты что, дурак?

Не стоит даже говорить, это и так понятно, что я дурак, я и сам это понимаю. Я тоже улыбнулся.

– Как вы и сказали, причина моя личная, поэтому я не надеюсь на понимание и поддержку.

Но это всё, что я могу ответить в сторону Юкиношиты Харуно. Она перестала улыбаться, поставила палец к губам и осторожно погладила их. Её взгляд ничего не выражает, я словно не чувствую его температуры. Но появилось чувство, будто меня облили холодной водой. Подавив эти чувства, я продолжил:

– К счастью, учсовет там не фигурирует, поэтому можно считать это самодеятельностью.

– Это уж вряд ли, – отрицает мои слова Харуно-сан и, постучав пальцем по столу, продолжает с широкой улыбкой:

– Это мы разрушили этот план, заставив умолкнуть чересчур суетливых попечителей. Если этот план пустить в работу, то к нам непременно придут с упрёками.

Мать Юкиношиты молча кивнула. Для их семейства этот план – крупный риск, при этом выхлоп почти никакой. Мать Юкиношиты участвовала в совещании, на котором многие были против прома в школе Собу, но, по сути, она представитель части попечителей; можно

сказать, она – соучастник. Поэтому исполнить совместный пром, проигнорировав их мнение – значит разрушить их авторитет. Поэтому Харуно-сан продолжила обвинительным тоном.

– Это уже и наша проблема. Даже взять прошедший пром. Юкино-чан сама решила его провести и старалась над ним, не так ли? И одобрила его наша мать, – поглядывая тёмными глазами на Юкиношиту, она посмотрела мне в лицо.

– Хикигая-кун, ты понимаешь, что этим отрицаешь всё? Ты понимаешь, что значит влезать в наши проблемы?

– Это тут... – сказала Юкиношита, наверно, собираясь сказать, что это здесь ни при чём, но я не собираюсь позволить ей закончить. Я недовольно вздохнул и слегка кивнул пару раз.

– Понимаю.

И понимаю, что лишний раз произносить это вслух – глупо, и уже давно это понимаю. Мне задавали этот вопрос не раз, так что хочешь или нет, всё равно поймёшь. Вот почему каждый раз я убегал от ответа или избегал его, а иной раз – обманывал. Но Харуно-сан не принимала неоднозначности и продолжала взваливать на меня эту вину. Зная её эту черту характера, я был уверен, что она начнёт задавать вопросы. Это тот самый вопрос, которого я ждал. Мда, говорить это перед всеми этими людьми... хуже не придумаешь. И голова, и грудь зачесались от стыда. Но больше у меня нет карт, которые можно разыграть.

– Ответственность за это я тоже возьму на себя, если что, – негромко пробормотал я, хотя, казалось бы, в эти слова я вложил достаточно сил. Даже не смог поднять глаза и прямо посмотреть на лица.

– Хех. Всё-таки дурак, – сказала она с улыбкой и вздохнула. Из-за того, что тон был неожиданно добрым, я рефлекторно поднял взгляд. Харуно-сан мягко улыбалась, хотя и смотрела на меня с ужасной грустью и одиночеством в глазах.

– Когда говоришь такие вещи, нужно держать себя гордо.

Мать Юкиношиты раскрыла веер и спрятала за ним своё лицо, но по взгляду ясно, что она улыбается. Но взгляд ни капли не добрый — это скорее интерес и любопытство. Как кто-то из семейства кошачьих смотрел бы на игрушечную мышку. Я попытался скрыться от этого взгляда, как вдруг заговорила Хирацука-сенсей:

– Школа имеет мало влияния на самостоятельность учеников. Можно, конечно, предупреждение сделать, но непосредственного влияния не оказывает.

– Да, верно, – элегантно кивнула ей мать Юкиношиты и тут же повернулась ко мне.

– Хоть это и ученическая самостоятельность, я не могу поддержать её, учитывая, что ты осознаёшь, что ничего не получится. Или ты думаешь, что сможешь?

– Трудно ответить, не попробовав, – пожал плечами я, но она всё ещё смотрит на меня, ожидая однозначного ответа. Я собирался было как-то отговориться, как вдруг услышал слабый вздох рядом.

– Нечего и пробовать. Бюджет уже почти исчерпан, более того, если это делает не учсовет, то на школьный бюджет можно не рассчитывать. Кроме того, времени критически мало. А если учесть более крупный масштаб, то основной момент, гарантия морального облика ивента, не может быть исполнен. Это невозможно, – сказала Юкиношита почти то же, до чего дошёл и я. Она смотрит на меня сбоку своим безнадёжным холодным взглядом. Это, похоже, убедило её мать, и она кивнула.

– Ну, вот, – сказала она и испытывающим взглядом посмотрела на меня.

– Да, я бы не смог, – честно ответил я, но она не была удивлена, а согласно кивнула. Мне немного неприятно, конечно, но факт есть факт. Мать Юкиношиты смотрит на меня, не могущего сказать ни слова, словно спрашивая, так что же ты будешь делать? И улыбается, словно ожидая ответ на вопрос какой-то викторины. Я противно и широко улыбнулся в ответ.

– К счастью, я знаю одного человека, который уже однажды провёл пром. Ваша дочь.

– Что... Э? Стой... – Юкиношита не ожидала такого поворота событий и, привстав, схватила меня за рукав. Я её поправил и посмотрел прямо на неё.

– Или вы сомневаетесь, что она сможет? К прошедшему прому были какие-то вопросы? – насколько мог вежливо спросил я, хотя это можно назвать нахальством, она в ответ натянуто улыбнулась.

– Что бы я ни ответила, похоже, твоё решение не изменится.

В точку! Если ответ будет, что вопросов нет, то я приму это как сигнал к началу действий, а если вопросы были, то я отвечу, что мы докажем, что сомнения напрасны. В любом случае вывод неизменен. У меня нет желания спорить ни с матерью Юкиношиты, ни с Харуно-сан, я начал разговор исключительно, чтобы создать эту ситуацию. Поняв это, мать Юкиношиты захлопнула веер и улыбнулась.

– Я тебя слышала. Если речь идёт о независимой от учсовета самостоятельности, не претендующей на бюджет школы, совет попечителей серьёзных рычагов влияния не имеет.

– С точки зрения совета попечителей, может, и так. А как мать, что ты думаешь? – широко заулыбалась Харуно-сан, входя в разговор.

– Причём тут... – мать Юкиношиты слегка озадаченно приставила руку к щеке и тяжело вздохнула.

– Если Юкино действительно хочет учиться в сфере работы отца, то я считаю, что она должна учиться в более подходящих условиях, ей нужна реальная практика. Говорят, что любой опыт хорош, однако я не вижу выгоды для Юкино заниматься тем, что обречено на провал, – сказала она холодным тоном, и Юкиношита опустила плечи. Всё, что говорит мать Юкиношиты, верно, не поспоришь.

– Как мать я против, – подытожила она довольно однозначно. Юкиношита, разумеется, не стала спорить и опустила голову, прикрыв глаза. Мать её продолжила, словно добивая:

– Юкино, решай сама. Ты ведь ответственное лицо, не так ли? – сказала она, словно обвиняя, и смотрит на Юкиношиту, словно испытывая её. Юкиношита недолго молчала в замешательстве. Отрицательно помотав головой, она сделала серьёзное лицо.

– Здесь не о чем думать, ответ уже известен.

Ясно. Юкиношита Юкино уже приняла решение и считает, что всё закончено. Я понял, что она ответит так же любому спрашивающему. У меня есть только одна контрмера, только одна карта в руках. Юкиношита Юкино – это единственный человек, с которым я вёл переговоры.

– Юкиношита, – обратился я к ней, и её плечи дрогнули. У меня заготовлено множество фраз на этот случай, но уверен, все они неверны. Поэтому я решил выбрать самое неверное из них.

– Честно говоря, я не уверен, что всё получится. Не хватает ни времени, ни денег, трудностей немало будет. Прямо скажу, трудностей там гораздо больше. Не факт, что не возникнет серьёзных проблем. Нет никаких гарантий. Только моя эгоистичная, моя личная причина. Нет необходимости тебе заставлять себя делать это. Условия слишком сложные. Не стоит себя пересиливать, – сказал я, и вокруг прошла волна смеха, мол, чего это он в последний момент пошёл на попятную? Даже у меня появилась натянутая улыбка. Но это то, как должен выглядеть разговор Хикигаи Хачимана и Юкиношиты Юкино. У неё опустились брови, и выглядела она, словно вот-вот заплачет, прежде чем отвела лицо в сторону.

– Дешёвая провокация, – трясущимся тонким голосом сказала она, и неясно, то ли она сердится по-настоящему, то ли шутит так. Впрочем, мне неважно. Я здесь только ради того, чтобы послушать её голос.

– Ага. Извини, но не могла бы ты повестись на неё? Понимаю, что всё безнадежно, но, пожалуйста, помоги.

Её плечи дрогнули, и она тяжело влажно выдохнула. Глубоко вздохнув, Юкиношита подняла взгляд.

– Хорошо, поведусь. Я ведь не люблю проигрывать, – сказала она звонко, улыбнулась и вытерла уголки глаз. Кажется, я впервые за долгое время увидел её лёгкую улыбку,

говорящую, что, мол, так уж и быть. Убрав улыбку, Юкиношита повернулась к матери и сестре.

– Как ответственное лицо, я займусь поисками выхода из сложившейся ситуации.

– А-а, – тепло улыбнулась мать Юкиношита её решительным словам и беззвучно закрыла глаза. Когда она открыла их вновь, лицо её изменилось, взгляд стал грозным, заставляющим сжаться, из-за чего я дрогнул, но Юкиношита и её сестра – нет.

– Юкино. Как мать, я уже высказала своё мнение. Если ты, несмотря на это, берёшься за эту задачу, то сделай всё как следует.

– Это само собой разумеется, – Юкиношита улыбнулась улыбкой победителя и смахнула волосы с плеч. Она выглядела почти как Харуно-сан, когда та выглядит страшно.

***

Разговор в приёмной комнате закончился, и после простого совещания я покинул школу. Солнце уже подошло к закату. Из-за сильного волнения и усталости я шёл к велосипедной стоянке, волоча за собой ноги. Но всё же кое-как дополз до велосипеда и направился с ним в сторону школьных ворот. Как вдруг я увидел немного впереди еле идущую Юкиношиту. Она ходит туда-сюда, не возвращается ни домой, ни в школу, только неловко теребит пальто и шарф. Из-за этого даже идя в моём темпе с велосипедом, я рано или поздно догоню её. Мне показалось, что будет как-то неправильно просто пройти мимо, но и если всего лишь поздороваться – тоже останется дурное послевкусие. Не совсем понимаю, что ей сейчас сказать, да и, кажется, парой фраз дело не ограничится. В итоге я подумал, что нужно узнать, что она там делает, то есть обратиться к ней.

Медленно ведя велосипед, я поравнялся с еле идущей Юкиношитой. Увидев меня, она на какой-то миг удивилась, но тут же отвела взгляд и резко ускорила шаг, ничего не говоря. Я тоже ускорился, догоняя её. Велосипед кряхтит, покрышки шумят, и я в итоге смог идти с ней на одной скорости.

Так мы и шли молча довольно долго. Наверно, не начать разговор первым – это своего рода упрямство, и с моей, и с её стороны. В особенности, потому что слишком уж неловкая ситуация получается. По дороге мы несколько раз проходили мимо автобусных остановок, несколько раз поворачивали, но вели себя так, будто друг друга не знаем, и не разговаривали, как будто у нас не более чем похожий маршрут. Впрочем, хлопоты принёс я, поэтому и мне, полагаю, придётся начинать разговор.

После того, как мы перешли под виадуком железнодорожной линии Кэйё, я наконец решился обратиться к ней.

Шаг, ещё шаг, и вот поезд над нами проехал мимо. На секунду показалось, что все звуки исчезли из города. Глубоко вздохнув, я обратился к спине идущей на полшага впереди Юкиношиты.

– Извини, что впутал тебя в это.

– Выбора ведь не было, – сказала она низким тоном, без эмоций, даже не повернувшись ко мне.

– Я же не могла отказаться в той обстановке. Что с тобой не так? Ничего не понимаю, – роптала она, ускоряя слог и шаг. – Так разговаривают торгаши, которые продают товары по домам, или сектанты.

– Эй, это уже слишком. Хотя да, я говорил всё, что есть и чего нет, обманывал, но не указывал на какое-то конкретное решение вопроса. Скорее, я попросил о помощи.

– Не предложить решения мог только человек, который ещё хуже мошенника... Тебе так не кажется?

На самом деле, придумать какую-то опасность, разогреть жар волнений и предложить решение – это стандартная линия поведения мошенников. Разница только в том, что я никакого решения не предлагал, поэтому действительно получается, что мой поступок хуже мошеннического, и я им качественно уступаю.

Юкиношита глубоко вздохнула.

– Я даже испугалась, когда ты обманул мою семью.

– Не обманывал я... К тому же, если бы они в это поверили, не было бы необходимости придумывать такую крупную ложь. Я, кстати, испугался, когда они повелись на это, – сказал я и закончил, глубоко вздохнув.

Не могли же мать Юкиношиты и Харуно-сан поверить в этот придуманный мною бред. План совместного прома сам по себе был отклонён в той самой приёмной комнате. Хоть я их, наверно, и повеселил своими слабыми попытками, но, по идее, для всех в семье Юкиношита это был ненужный риск. Естественно, Юкиношита тоже это понимает. Идущая, как и ранее, на полшага впереди Юкиношита поправила школьный рюкзак.

– Ну да, ни мать, ни сестра не отступили бы из-за такой мелочи.

– Вот-вот. Особенно в конце страшно было. Что это значило?

– А я-то откуда знаю? – словно рассердившись, она отвернулась и опять ушла вперёд.

Длинная дорога вдоль моря в итоге упёрлась в национальное шоссе. Мой дом – по дороге налево, однако за разговором я упустил момент, когда можно было расстаться. Хотя нет, нужный момент был, пока мы шли сюда, а я его банально не заметил. Когда мы подходили к мосту через шоссе, я без колебаний, уверенным шагом повёл туда велосипед. Юкиношита подымается по ступенькам, не оборачиваясь ко мне, а я иду вслед. Но, похоже, из-за того, что я веду велосипед вверх по наклонной, я немного от неё отстал. Постепенно, шаг за шагом, Юкиношита поднялась по лестнице раньше меня. Чтобы догнать её, мне пришлось прыгать через ступеньку, таща за собой велосипед. Вдруг я заметил, что Юкиношита стоит и смотрит на меня сверху.

Похоже, ждала меня. Я извинился взглядом, и Юкиношита помотала головой, мол, ничего страшного. Но наши взгляды пересеклись всего на миг, после чего Юкиношита повернулась вперёд и ушла. Я же ускорился тоже, чтобы не отставать от неё, и теперь мы идём вровень. Расстояния в два шага между нами уже нет. Когда наши шаги поравнялись, Юкиношита продолжила недосказанное:

– Мать смотрела на меня так же, как и на сестру...

– То есть она тебя признала?

– Или же отпустила.

Юкиношита усмехнулась, словно сама над собой, и опустила плечи.

– К тому же я не думаю, что она меня оценивала по прошедшему прому. И, несмотря на это, она мне говорит, чтобы я делала что-то ещё более рискованное? Похоже, она во мне разочаровалась.

Мне показалось, что она сама в себе разочаровалась. Я остановился на секунду, сомневаясь в том, как ответить на этот вопрос. За эту секунду Юкиношита успела уйти на несколько шагов вперёд.

– Извини. Я понимаю, что во внутрисемейные вопросы и разговоры о будущем чужие вмешиваться не должны. А в итоге из-за меня у тебя столько проблем... Ответственность за это на мне, – начал я идти, осторожно подбирая слова.

– В этом нет нужды. Нет причин тебе брать на себя ответственность за мой выбор. Тебе нужно сделать совсем другое, – сказала Юкиношита и, когда я догнал её, она слегка убавила темп.

– Почему ты сказал такую сумасшедшую вещь? – пробормотала она после небольшой паузы и короткого нерешительного вздоха. Из-за того, что смотрит она вниз, я не вижу её выражение лица, но в исчезающем тоне голоса слышалась грусть.

Как мне на это ответить? На несколько секунд я остановился, и за это время под мостом успели проехать всего две машины, а Юкиношита сделала всего три шага. Мне нужно было это время не для того, чтобы подумать, а чтобы собраться.

– Потому что другого способа сохранить отношения с тобой не было.

– Чего? – Юкиношита остановилась и резко повернулась в мою сторону, удивлённо смотря на меня с открытым ртом, словно вот-вот скажет, что ничего не понимает.

– Без клуба у нас больше не будет точек соприкосновения. У меня не было иного предложения вытащить тебя.

– Зачем это тебе?..

Лицо Юкиношита, застывшей на мосту, подсветил свет проезжающих вдалеке машин. В ярко-белом свете я ясно увидел, как она прикусила губу.

– А как же обещание? Я ведь сказала, чтобы ты выполнил её желание, – сказала она, словно обвиняя меня, а взгляд опустила вниз, словно сожалея. Я знал, что она так скажет. Понимал, какое у неё лицо. Однако, несмотря на это, уже решив игнорировать хлопоты, причинённые другим людям из своих личных побуждений, продолжил:

– Можно сказать, что это – часть просьбы.

Юкиношита посмотрела на меня, не понимая, что я имею в виду, и выражением лица просит продолжить. Как и лучи закатного солнца в тот день, оранжевые мостовые фонари меня ослепили, и я прищурился.

– Она сказала, что хочет, чтобы ты была в этом простом времени после уроков, – передал я слова Юигахамы, и Юкиношита умолкла. Она отвернулась, чтобы не показывать свои влажные глаза.

– Но ведь не обязательно было поступать так.

– Обязательно. Есть знакомые, есть приятели, есть друзья и одноклассники, много есть разных видов отношений, но я не уверен, что в состоянии сохранить такие отношения.

– Ты – может быть, но я сделаю всё правильно. Я обязательно стану более умелой... Поэтому всё хорошо, – сказала Юкиношита и пошла вперёд, словно оставляя позади прошлое. Я умилился этому упрямству и цинично улыбнулся.

– Должен сказать, что и у меня, и у тебя плохие навыки общения и сложные характеры. К тому же плохо ладим с людьми. Я не думаю, что смогу внезапно стать в этом мастером. Поэтому если расстояние между нами вырастет, я более чем уверен, что увеличу его ещё больше. Поэтому...

Я иду в нескольких шагах позади Юкиношиты. Смотря, как она удаляется, я хотел было протянуть к ней руку, но не решился. Я понимаю, что если хочу и дальше о чём-то говорить, то можно просто окликнуть её. Нет никаких сложностей с тем, чтобы идти дальше и общаться. Более того, нельзя ведь касаться её руки без серьёзной на то причины.

Однако же у меня есть причина.

Всего одна, но от которой я не отступлю.

– Если я тебя отпущу, то больше не поймаю, – сказал я, словно говоря самому себе; хотя нет, я сказал это для самого себя и протянул руку. Из-за того, что у меня в другой руке велосипед, выглядит это некрасиво, ещё и руки потные, да и я понятия не имею, сколько сил нужно прилагать. Но всё-таки я схватил Юкиношиту за рукав. Её рука была удивительно тонкой, так что я мог полностью обхватить её своей ладонью.

– ...

Спина Юкиношиты дрогнула, и она остановилась. Она удивлённо смотрит то на моё лицо, то на свою руку. Я как можно быстрее откинул ногой подножку велосипеда и ловко поставил его одной рукой. Мне казалось, что, если я отпущу её хоть на миг, она, подобно непривычной к людям кошке, тут же сбежит.

«Мне до смерти стыдно такое говорить, но...» – хотел начать я, но вышел лишь очень глубокий вздох. Юкиношита неловко двигается, словно робко проверяет, сможет ли она вырваться, как кошка, которой неприятно касаться лапкой воды; я хотел бы её отпустить, но хочу всё же подержать, пока всё не закончится.

– Одних слов об ответственности, очевидно, было недостаточно. Ответственность не из чувства долга, как бы это сказать... Хочу, чтобы ты мне разрешила взять ответственность... – говорил я, и хватка ослабевает из-за презрения к самому себе. Терпеть себя не могу за то, что говорю такие вещи. Моя хватка ослабела, и рука, держащая Юкиношиту, опустилась.

Однако Юкиношита не убежала, а стоит на месте. Она взялась рукой за то место, где я её схватил, чтобы поправить рукав. Она на меня не смотрела, но, наверно, это значило, что она готова, по крайней мере, меня выслушать. Поняв это, я успокоился и продолжил.

– Возможно, ты этого не хочешь, но... я хочу быть вместе. Не из-за долга, а по желанию. Поэтому... дай мне право искривить твою жизнь.

Я несколько раз запинаясь, но всё равно заставлял себя вдохнуть воздуха и, вздыхая, составлял слова в предложение, осторожно, чтобы не допустить ошибки. Спустя длительный промежуток времени я наконец-то закончил. Всё это время Юкиношита молчала, лишь смотря вниз на руку, которую я сжимал.

Я слышу только звуки проезжающих машин и порывы холодного ветра. Некоторое время продолжалось молчание, которое было куда хуже тишины.

– Что искривить? Что ты под этим имеешь в виду? – внезапно ответила она и вопросительно посмотрела на меня. Из-за долгой тишины слова из меня потекли, как из прорвавшей дамбы.

– У меня нет такой силы влияния, чтобы изменить чью-то жизнь. Наверно, мы с тобой как обычные ученики поступим в университеты, найдём работу, как бы неприятно это ни было, и будем жить как обычные люди. Но если влиять друг на друга, вмешиваться в жизнь друг друга, ну, всякое ведь бывает, так жизненный путь немного искривится.

Наконец-то Юкиношита улыбнулась моим неоформленным фразам. Её улыбка была немного грустной.

– Раз так, то ты уже достаточно её искривил.

– Мне тоже так кажется. При каждой встрече, разговоре, узнавании друг друга, расставании... жизнь искривляется.

– Ну, ты ведь изначально был искривлён. Впрочем, и я тоже... – шутливо, словно смеясь над собой, сказала Юкиношита, и мы улыбнулись.

И я со своим запутанным характером, и чересчур прямая Юкиношита, наверняка мы выглядим неправильными для окружающих. Мы были абсолютно разными, без единой точки соприкосновения, но по крайней мере в своей странности мы едины. И при каждом контакте, при каждом ударе мы мало-помалу меняли форму друг друга. Сейчас мы, должно быть, изменились настолько, что дороги назад нет.

– И буду искривлять и дальше. Но за искривление чужой жизни я, само собой, заплачу.

Хотя я и понимаю, что в словах ценности нет.

– Ну, богатств у меня почти нет, поэтому я могу расплатиться разве что временем, чувствами, будущим, жизнью и прочими абстрактными вещами.

Хотя я и понимаю, что в этом обещании смысла нет.

– Да и жизнь ничем не выделяется, и надежд особых не было... Но нечестно ведь вмешиваться в чужую жизнь, не предложив чего-либо равноценного.

И всё же мы орудуем словами, как мастер зубилом, высекая то, что должны сказать. Даже понимая, что понять невозможно, мы не можем молчать.

– Я буду всё делать, поэтому разреши мне быть в твоей жизни.

Юкиношита слегка открыла рот, сначала пытаясь что-то сказать, но тут же проглотила это, забыв дышать. После чего посмотрела на меня жёстко и дрожащим голосом начала говорить, наверно, совсем не то, что собиралась вначале.

– Неравный выходит обмен... В моём будущем и перспективах... нет ничего ценного... Для тебя, уверена... – она опустила голову, чтобы я не видел влажные глаза, и запнулась. Я же приподнял один уголок рта, чтобы как можно более напыщенно и высокомерно улыбнуться.

– Тогда я спокоен. Моя жизнь тоже пока что никакой ценности не имеет. Неизвестный бренд, цена – ниже не бывает. С официальной гарантией, так что покупайте прямо сейчас!

– Это же известная фраза мошенников! Ужасная презентация.

Мы посмотрели друг на друга с плачуще-улыбающимися лицами, и Юкиношита, сделав шаг ко мне, хлопнула по отвороту моего пальто и недовольно посмотрела на меня снизу вверх своими глазами, в которых ещё были капельки в уголках.

– Как у тебя получается нести такую чушь? Сейчас ведь не это нужно говорить.

– Не могу я это сказать... Нельзя это превращать в слова, – сказал я и усмехнулся глупым голосом, а лицо моё исказилось.

Одного слова будет мало. Даже если я израсходую весь запас слов, которыми думаю, и которые выдумываю, и которыми шучу, и рекламные слоганы – не думаю, что мне удастся всё передать. Не такие простые у меня чувства. Нет, не ошибкой было бы описать их одним словом, вот только ограниченные рамками значения одного этого слова превратятся в ложь. Поэтому я говорил множество слов, превращал логику в месиво, собирал воедино причины, окружение, ситуации, уничтожал оправдания, сминал преграды на пути к цели, отрезал пути отступления, чтобы дойти до этого места.

Как это теперь облечь в понятные слова? Да и не надо понимать. Даже если я буду не понят, я просто хочу сказать. Юкиношита смотрела на мою неловкую улыбку, но вскоре робко спросила:

– Я думаю, что от меня будет много хлопот.

– Знаю.

– Да и было много хлопот до сих пор...

– Чего старое вспоминаешь?

– Упёртая и совсем не милая.

– М, ну да.

– Я хотела бы, чтобы ты это отрицал...

– Ещё чего.

– Полагаясь на тебя, я, наверно, стану ещё хуже.

– Значит, придётся мне тоже стать хуже. Если все станут плохими – никто не будет плохим.

– А ещё...

– Хватит, – я остановил Юкиношиту.

– Мне всё равно, сколько от тебя хлопот и проблем. Даже наоборот, мне это и нужно.

– Как это? Меня такое совсем не радует.

Не подымая взгляд, Юкиношита опять стукнула меня по груди.

– Ай-ай, – сказал я, потому что так нужно говорить, а не потому что больно, и Юкиношита сказала недовольным тоном:

– Есть ведь что-то ещё.

– Иногда я серьёзно не понимаю, почему ты сердишься и когда злишься, но это, думаю, нормально, я сам такой... Думаю, хоть я буду жаловаться, но всё приму, – сказал я, и на этот раз она меня хлопнула без слов. Я мягко взял её тонкую руку.

На самом деле, было бы прекрасно, если бы было что-то ещё, но у меня больше ничего нет. Было бы прекрасно, если бы существовали слова, способные передать это гораздо проще.

Было бы прекрасно, если бы это были куда более простые чувства.

Нежная любовь и сильная привязанность не настолько сильно жгут, их я не могу назвать чувствами, которые встречаются лишь раз.

– Вряд ли этого хватит в качестве платы за то, что искривлю твою жизнь, но я дам тебе всё. Если не нужно – можешь выбросить. Если надоело – можешь забывать. Я буду делать всё, что считаю нужным, поэтому можешь не отвечать.

Юкиношита шмыгнула носом и кивнула.

– Я скажу, как следует, – сказала она и прислонилась головой к моему плечу. – Дай мне свою жизнь.

– Как серьёзно!.. – вырвалось у меня, и Юкиношита вместо спора стукнула меня головой.

– Что поделать, я других слов не знаю.

Она стукнулась головой, как кошечка, и взялась за отворот моего пальто, как будто котёнок, играясь, укусил.

Уверен, что чувства, которые не передать множеством слов, передаются теплом соприкосновения.

Глава 8. Откроем эту дверь ещё раз.

Если бы машину времени изобрели, то я, кажется, убил вчерашнего себя. Стыдно даже вспоминать, насколько я жалким и бесполезным тогда выглядел. Я спрашиваю у себя и сам отвечаю на вопросы, например, была же возможность построить фразы иначе, умнее, или, может, можно было придумать что-то красивее. И всё же каждый раз я прихожу к тому, что даже если это не мой максимум и не самый лучший вариант, я могу гордиться им, потому что ошибкой это уж точно не было. Я бы даже хотел похвалить свой эгоизм за победу, с учётом того, как я себя вёл до сих пор.

Но даже если так... Есть плюсы, и есть минусы. Вчера вечером мне пришлось кричать под душем, чтобы шум воды заглушил крик, и тут же завалиться в кровать, накрывшись одеялом, чтобы валяться без сна. Вот бы можно было взять отпуск, скажем, года на три... Но это уже другой разговор.

«Увидимся завтра», – эта фраза всё ещё раздаётся у меня в голове.

Когда закат уже давно закончился, мы, каждый сам по себе, пошли по домам, почти не смотря друг на друга, вели поверхностные разговоры, и, когда мы уже прощались у станции, она сказала это, приподняв руку, как манэки-нэко. То есть в школу я обязан прийти во что бы то ни стало. Если совсем уж честно, по многим причинам в класс заходить мне стало очень сложно. Но я уже однажды принял решение, и мой эгоцентризм в этом случае мне просто не простит побега. Я понимаю, что выглядит это очень некрасиво, но это моя дурная привычка – терпеть, когда этого даже не требуется, пытаться всё выправить, чтобы хотя бы внешне выглядело всё красиво, пытаться казаться лучше, чем я есть, – и всё из-за моей дешёвой гордости.

В итоге, кое-как найдя компромисс со своим эгоизмом, я просочился в класс прямо перед звонком, провёл большую часть времени лежа на парте, а всю оставшуюся жизнь – в туалете.

К счастью, завтра – праздник, выходной. А послезавтра будет церемония окончания занятий, то есть уроков не будет, и после обеда можно будет уйти домой. А там – весенние каникулы! Другими словами, морально трудно будет всего пару дней.

Даже сейчас у нас нет чего-то похожего на нормальные уроки, в основном – продажа учебников, личные фотосессии и прочие специальные ивенты к концу года, так что время пролетело, не успел я моргнуть и глазом. После обеда в классе витает дух свободы: кто-то обсуждает, где бы пойти пообедать, кто-то размышляет о том, где бы завтра развлечься, иные торопятся в клуб, все в своём темпе. Стараясь не издавать звуков, я вышел из класса, чтобы потеряться в толпе.

Я спустился вниз к автомату по продаже напитков. Светит весеннее солнце и дует приятный южный ветерок, так что руки сами потянулись к кнопке «Холодные». Слегка

потряхивая MAX Coffee, я поплёлся по коридору в сторону особого корпуса. В горле пересохло из-за странного волнения. А сладкая горечь кофе почему-то это ощущение только усиливала.

Пока я думал, с каким лицом мне её встретить, сам не заметил, как оказался перед клубом. На какой-то миг мне показалось, что я здесь не был очень давно, хотя, по сути, времени прошло не очень много. Став перед дверью, я начал собираться с духом, держась за ручку двери, и несколько раз её сжал. Пальцы, которые в прошлый раз чувствовали холод, в этот раз чувствуют тепло.

Приложив достаточно сил, я открыл дверь. Впрочем, дверь только издала клацающий звук, но не открылась. Я попробовал ещё несколько раз, но ничего не изменилось, что бы я ни делал.

«Заперто на ключ, получается», – цокнув языком, я сел, облокотившись на дверь. Когда я допил MAX Coffee, в противоположной части коридора появилась фигура.

– О, а ты рано.

Юкиношита хоть и увидела меня, но даже не думает ускоряться, идёт всё так же медленно. Странно, обычно она приходила гораздо раньше меня. Возможно, вопреки представлениям, ей тоже было трудно идти из-за странных чувств неловкости и робости.

– Извини, долго ждал?

– Только пришёл, – сказал я стандартную фразу, понимая всю глупость. Юкиношита натянуто улыбнулась, словно ей неловко.

– Можешь открыть? – сказала она и бросила мне ключ. Я его поймал, причём довольно ловко. Я первый раз держу в руках этот ключ, который, по сути, просто лёгкий кусочек металла. Но его, похоже, она всё это время сжимала в руках. Этот маленький ключик всё ещё тёплый.

Комната клуба, где я уже давно не был, выглядела пустой. Мы сели за стол как обычно, каждый за свой конец. Я вроде бы должен был привыкнуть к этой дистанции, но сейчас мне кажется, что она слишком далеко. Не в силах успокоиться, не знаю, куда деть свой взгляд, и тут наши с Юкиношитой взгляды встретились. Из-за неловкости я не смог ничего сказать, и Юкиношита резко отвернулась. Но спустя некоторое время опять посмотрела на меня.

Плохо это. Что плохо? Не знаю, но плохо. Например, мой подскочивший пульс, тахикардия и синдром повышенного потоотделения, отрицательный эффект, схожий с простудой. А что нужно делать во время простуды? Ответ прост – работать! Японский офисный скот не берёт выходные, даже когда плохо. В общем, начну разговор о работе.

– Для начала давай проведём совещание.

– Согласна.

Я вытащил распечатки плана и запустил их по столу к Юкиношите. Они остановились не совсем там, где нужно, и Юкиношита, вздохнув, встала, взяла их и села на ближайший стул.

– Иначе совещание вести тяжело, – пробормотала она, смотря на план.

– А-а. Ну да, действительно...

Я взял стул и сел на расстоянии одного стула от девушки. Однако волнение только усилилось, а дыхание ослабилось. С каждым вдохом я вдыхаю также и аромат шампуня, очень приятный запах. Словно отгоняя его, я начал листать план.

– Это то же, что я передал школе Кайхин-Сого. Думаю, будем основываться на этом.

Надо приступать к работе. Если говорить о работе, то проблем с разговором не будет, – способ уменьшить неловкость и работать. Юкиношита тоже кивнула и посмотрела на план. При каждом кивке её длинные блестящие волосы спадали, и она их поправила пальцами за уши. Когда она начала читать, краснота мало-помалу стала уходить с её ушей.

– Какой поверхностный план, должна сказать...

– А что поделать? Я тогда из всех сих торопился что-то сделать.

– Ясно, из всех сил... – сказала она весёлым тоном и, что-то напевая себе под нос, принялась что-то делать красной ручкой. Здорово, конечно, что у тебя хорошее настроение, но так много исправлений делать...

Юкиношита закончила с исправлениями, приставила красную ручку к мягким губам и кивнула.

– Этот план не подразумевалось исполнять, поэтому будет сложно. Средств и людей сильно не хватает.

– Средства – обязанность Кайхин-Сого, а вот люди... придётся использовать до дыр наших учеников.

– Верно. Кто бы мог без проблем согласиться... – сказала Юкиношита и посмотрела на стул между нами, на котором всегда сидела Юигахама.

– Ну, неловко всё-таки постоянно сваливать на неё все хлопоты. Можно...

– Нет, я поговорю с ней, – Юкиношита остановила меня и приставила руку к груди, словно поправляя ленточку на школьной форме. И продолжила, смотря на пустое место, словно говоря самой себе.

– Всё хорошо, оставь это мне. Трудно будет объяснить, но я хочу сама всё рассказать. Иначе, думаю, она будет злиться, что её не позвали, – сказала она с сожалением в голосе, но под конец смогла пошутить.

– Ну, я тогда поспрашиваю по своим каналам.

– Да, хорошо.

Я успокоился, услышав её бодрый голос и увидев улыбку, и кивнул в ответ.

Я предложил листать план. Помеченные красным пункты Юкиношита прокомментировала.

– С людьми разобрались, теперь по поводу денег. Бюджет предоставит Кайхин-Сого, и место... Э? А место? Для самостоятельности школа вряд ли что-то может предложить. К тому же, если школ несколько, лучше не собираться в какой-то из них.

– А, тоже верно.

– Необходимые ресурсы зависят от места и плана, поэтому лучше сперва определиться с местом.

– Ну да. Неудобно получится, если всё распишем, а на месте не получится.

– Да, нужно будет узнать свободные места в предложенные дни.

– Места... А ведь место было намечено в плане при первой встрече с Кайхин-Сого, – согласился я с Юкиношитой, листая план. Кажется, я думал про место проведения, ещё когда придумывал этот псевдо-пром. Но тогда не было ни намёка на то, что план будет когда-либо воплощён, поэтому я тут вписал набережную или пляж, ничего не проверяя.

– Тут пишется, что ивент будет на пляже.

– Это же ты писал, – разочарованно сказала она. Я обхватил голову руками и тяжело вздохнул. Знать бы, кто думал о таких событиях? Убью! Подумай хоть немного о тех, кто будет реализовывать эту затею.

– Кстати, а мы в принципе можем организовать пляж у моря?

Юкиношита подняла на меня взгляд и быстро достала хранящийся тут ноутбук. Надев очки, начала что-то искать, стуча тонкими элегантными пальцами по клавиатуре. Вскоре она остановилась.

– Похоже, есть специальные места для ивентов, но нужно разрешение самоуправления, хотя... нужен будет спонсор или партнёр, так как мы и огонь использовать будем, а они

разрешение дают для каждого отдельно, – Юкиношита повернула ко мне ноутбук. Посмотрев на экран, я немного задумался.

– А, тут в парке Кайхин есть зона для барбекю. Значит, если будет разрешение для парка, то, возможно, мы сможем использовать огонь, – указал я пальцем на экран и взялся набирать на клавиатуре.

– А, вот-вот.

Я зашёл на сайт парка Кайхин, расположенного у школы, и открыл его карту. Юкиношита заглянула в экран.

– Собственность города выйдет дешевле, много зелени, да и можно будет сделать ивент, похожий на вечеринку в саду, – сказала Юкиношита с горящим взглядом. Из-за нахождения вблизи или же просто из-за настолько яркого выражения лица я отодвинулся от неё. Она тоже это заметила и отодвинулась.

– Впрочем, трудно что-то сказать, не видя это вживую, – добавила она, снимая очки.

– А, ага, – я кивнул и задумался. На самом деле, мы ведь не можем определить пригодность выбранного места, не видя его, поэтому нужно выбрать кандидатов и осмотреть. Юкиношита ведь к тому же детального плана ивента не имеет, да и я не знаю никаких цифр и не могу определить, насколько этот план реалистичен. Значит, идти вдвоём – наиболее эффективный вариант. На работе главное – эффективность!

Окей, логика на высоте.

– Н-ну, тогда... Может, вместе сходим? Это недалеко, а завтра выходной.

Логика, может, и на высоте, но вот выразить это словами нормально не получается.

– А-ага... Завтра... – ответила Юкиношита такими же невнятными фразами, как и я, и кивнула. Не до конца понимая, то ли она согласилась, то ли нет, я кивнул в ответ, и ненадолго повисла странная тишина.

***

Парк Кайхин в солнечный выходной день стал довольно людным местом. На хорошо оборудованной площадке постоянно тусуются то футболисты, то бейсболисты, то ещё кто-то; около парковки много машин из-за какой-то выставки собак... В общем, даже когда мы, наконец, пробрались внутрь, дорожки и прочее пространство было занято бегунами и семьями с детьми, словно это сад перед их личным домом. Всё это место словно кричало,

что граждане должны пользоваться благами, за которые платят до чёртиков высокий городской налог! Ну да, налоги высокие...

А в небе парят бумажные воздушные змеи, выше налогов... Хотя нет, не выше.

Я сижу на лавочке в тени деревьев, смотря на летающих змеев на фоне голубого неба, попивая MAX Coffee. Наслаждаюсь!

А вот сидящая рядом со мной Юкиношита... Слабый ветерок, шевелящий верхушки деревьев, но она словно в аду. Она сегодня выглядит, как обычная девушка, в синем кардигане и белом платье, с плетёной корзиночкой и в шляпе – как настоящая девушка из богатой семьи. Но её опущенные плечи и согнутая спина склоняют её образ в сторону болезненной девушки из богатой семьи.

– Я купил ещё одну банку с MAX Coffee, будешь?

– Спасибо.

Она надёжно обхватила баночку рукой и, подвинув к себе, обхватила её обеими руками. То ли благодаря восполнению недостатка жидкости, то ли недостатка сладкого, она после этого похорошела.

– В парке так многолюдно в выходные... Я его недооценила. А ещё он большой. Очень большой!

– У тебя от усталости умер словарный запас.

Юкиношита глубоко вздохнула, сняла берет и начала распутывать один из двух хвостиков. Взяв резиночку в рот, она расчесала рукой волосы и заплела хвостик обратно. После чего она посмотрела на причёску в зеркальце, проверив свой вид. Давно я её такой не видел... Те же две косички, как и когда мы были вместе с Комачи. Хотя из-под берета не было видно.

– Давно я не видел у тебя эту причёску.

– Да? Ну, в школе я её не делаю, – сказала Юкиношита, сняла шляпу, которую хотела поправить, и задумчиво погладила волосы.

– А-а, только на выходных... Ну да, на эту причёску ведь времени уходит много.

Хотя я никогда не делал, поэтому понятия не имею, но разобрать волосы по косичкам, думаю, сложно. Люди моего уровня проводят все выходные в футболке и трусах, если Комачи не видит, или в спортивных. Поэтому я уважаю тех, кто меняет одежду каждый день в зависимости от настроения.

Под моим взглядом Юкиношита прислонила шляпу ко рту и тихо сказала:

– Я и в выходные обычно не делаю...

Э? Чего это она? Она выглядела в общем-то так мило... Э? Погоди-ка, мило? Ужас, какая она милаха! Надоедает, но и в этом есть своя прелесть... Или как раз поэтому и мило? Хотя какая разница, если в результате она всё равно милая? (Оставил попытки размышлений)

– Привычный вид успокаивает, но и новое выглядит очень хорошо, да. Хорошо, – пробормотал я, и Юкиношита натянула берет пониже, на глаза, словно ей не понравилось, и отвернулась. М-м, это тоже неплохо.

– Судя по тому, что мы увидели, портить газон нельзя, поэтому сложно будет установить металлическую сцену, – сказала она, глядя на площадку, которую возможно арендовать. Я посмотрел туда же, и куда-то испарившиеся мышление и словарный запас внезапно вернулись.

– Ещё проблема со звуком и электричеством. Куда тут можно подключиться? Придётся, наверно, брать генератор... К тому же проблема с погодой.

Нет гарантии, что в тот день будет тоже солнечно. Какое божество погоды нам это сможет устроить?..

– Можно, в принципе, собрать палатку, но посетителей станет меньше. К тому же ходить всё равно сложно будет, особенно в длинном платье.

Юкиношита покрутила своей длинной ногой с сандалием на толстой подошве. Мой взгляд зацепился за её белую голень, но я постарался смотреть только со стороны и понимающе кивнул.

– Ага. Сложно будет дорогу найти.

Значит, использовать парк – затея не из реалистичных. Размышляя, где бы ещё можно было это сделать, я встал с лавочки. Стряхнув песок с задницы, я посмотрел в сторону, откуда этот песок, скорее всего, прилетел.

– На всякий случай можно посмотреть на море.

– Да, на всякий случай, – Юкиношита встала следом, и мы пошли по парку. Мы вышли из зелёной зоны, перешли дорогу и оказались на песчаном берегу.

Купальный сезон, понятное дело, ещё не начался, поэтому я не видел, чтобы там кто-то купался, но кое-кто плескался в волнах у самого прибоя. Длинный белый берег словно сиял

под ярким солнцем. Ветер всё ещё немного морозит, но под солнцем эта прохлада, наоборот, приятна. Неплохой сейчас период года, чтобы ходить вдоль прибоя. И беседки есть, и место само по себе неплохое. Судя по правилам использования пляжа на большом стенде, сложно было бы использовать это место для совместного прома, но весьма приятно прийти сюда после самого ивента.

Смотря в сторону далёкого горизонта, я широко зевнул.

– Море в Чибе – самое лучшее.

– Вообще-то это Токийский залив, – разочарованно сказала идущая рядом Юкиношита и остановилась. Придерживая шляпу, чтобы не слетела, она повернулась ко мне.

– Ты и правда любишь Чибу. Собираешься здесь остаться навсегда?

– Пока не выгонят. Да и университет думаю выбрать в пределах досягаемости.

– Место, куда ты будешь поступать, находится в черте города.

– Откуда ты знаешь, куда я буду поступать? Мне уже страшно, – вырвалось у меня.

Я сам ещё пока не решил наверняка, куда буду поступать, а она говорит так, словно уже знает. Юкиношита притихла.

– Если у тебя примерно такие же оценки, как у меня, то выбор ограничен.

– Ну да, получится примерно такой же выбор.

– Да. Поэтому, возможно, мы сможем ходить в один и тот же университет.

– Возможно.

Она имеет в виду, что часто ученики из одной школы поступают в один и тот же университет. Я когда-то видел статистику, кто из наших выпускников куда поступил, – таких примеров было много.

– Но не факт, что на тот же факультет. К тому же после университета мы в любом случае пойдём разными путями.

Бессмысленное предположение, конечно, но, даже если мы поступим в один университет, мы будем вращаться в разных кругах. Говорят, что студенты из разных факультетов могут друг друга даже не видеть. К тому же я не уверен, что готов прилежно учиться. Скорее всего, буду заниматься дома, если, например, пойдёт дождь. Успеваемость по первой поре будет низкая. Или же настоящий университет заменится на университет игр или кафе.

Естественно Юкиношита это тоже понимает, и утвердительно кивнула.

– А потом?

– Не решил, смотря куда на работу возьмут, – ответил я, и глаза Юкиношита округлились.

– Так ты... планировал работать? Я была уверена, что ты опять начнёшь свой бред нести.

– К моему глубочайшему сожалению, похоже, у меня есть талант рабочей скотины. Поэтому независимо от моего желания, думаю, буду, как и все, работать как проклятый, – сказал я, глубоко вздохнув, и Юкиношита весело усмехнулась.

– Я себе даже могу представить, как каждое утро тебя с твоим гнилым взглядом запихивают в вагон токийского метро.

– Не, я лучше уеду из Токио, чем буду пользоваться этой линией.

Эта линия – одна из немногих в Японии, которая гордится почти двухсотпроцентным увеличением потока в часы пик. Возможно, в будущем управление оптимизирует этот момент, но на сегодняшний день я не настолько смел, чтобы каждый день на этом ездить, а потом ещё и работать.

К тому же мне придётся покинуть дом родителей, когда я найду работу. Или же мне надоеет ездить каждый день в университет каждое утро, и я решу жить один, ещё будучи студентом. Не столько из-за удобства, а чтобы провести своего рода черту между собой и родителями.

Вдали от линии берега, на противоположном берегу, едва виднеются высотные здания. Посмотрев на место, куда я буду однажды ходить, я остановился. Её шаги по песку, которые я слышал до сих пор, тоже прекратились. Я посмотрел на неё, и наши взгляды встретились.

– Но, думаю, когда-нибудь я сюда вернусь. Мне здесь нравится, здесь я чувствую себя как дома.

– Понятно. Ну, тогда ладно, – сказала она, улыбнулась и пошла впереди меня, немного легче ступая по песку, более узкими шагами. Но вскоре обернулась ко мне.

– Ты и правда любишь Чибу.

– Ну да.

Неясно, понимает ли она, к чему я веду, или нет. Я не смог не улыбнуться её шутилой, словно не понимающей улыбке.

Мы оставляем за собой две дорожки следов. Похоже, мы прошли вдоль берега расстояние, примерно равное одной остановке, и увидели какое-то очень элегантное здание. На балконе отведено место, где можно наслаждаться видами океана, застеклённое окно на

два этажа и по-дизайнерски отделанные бетоном стены. На первом этаже – терраса с садом. Судя по вывеске, это не совсем ресторан, надпись «Bakery Café». Под чистым небом расположены мягкие на вид диванчики. Хорошее кафе...

Юкиношита молча туда направилась, вопросительно склонив голову: «Зайдём?». Я кивнул в ответ, и она, довольно улыбнувшись, ускорила шаг. Но перед этим ещё раз повернулась ко мне.

– Займёшь место?

– Ага.

Я сел на ближайшую к морю софу, где ветер приятно обдувает, и начал рассматривать кафе в ожидании Юкиношита. Меню тоже было элегантным, под стать самому кафе. В меню были привычный для таких мест молочный жемчужный чай, и далее – бескофеиновый красный чай с апельсином, ну и прочие подобные напитки, вроде супер-фруктового и смузи из овощей.

Эй, мы, вообще-то, в Чибе? Нашли место для таких вычурных вещей... Из-за вас Чибя может оказаться в авангарде элегантных вещей. Пока я сидел и ныл о том, что происходит с Чибой, Юкиношита аккуратно принесла поднос и села рядом со мной.

– Вот, это тебе за угощение, – передала она мне молочный жемчужный чай. За угощение – это, я так понимаю, за MAX Coffee?

– Цены ведь разные... Не любишь математику?

– Уж получше тебя буду. В следующий раз вернётся, – весело сказала она и начала пить свой молочный жемчужный чай. На секунду я даже удивился, что она пьёт чай, который бы понравился обычной девушке, но тут же вспомнил, что ей нравится Пан-сан и подобные симпатичные обычным людям вещи... Впрочем, мне сложно судить о том, насколько молочный жемчужный чай привлекателен. Как минимум, я такие вещи почти не пью, так что надо сделать хотя бы фото на память, и я, вспоминая то чувство, когда свежий рамен прибыл на стол, сделал одно фото телефоном. Это называется зарисовываться?..

– А! – вдруг вырвалось у Юкиношита, словно она только что о чём-то вспомнила. Я вопросительно посмотрел на неё – она же смотрит на свой начатый чай. Судя по её лицу, она тоже хотела сделать фото.

– Эм, я ещё не пил свой, так что можешь сделать фото, – ласково и с сочувствием сказал почему-то я. Я подвинул чай к Юкиношита, и она достала смартфон.

– Д-да? Ну, спасибо, – сказала она, поправляя волосы, приподнялась над софой и пододвинулась прямо ко мне. Осторожно взяв мою руку с чаем, она сделала две фотографии фронтальной камерой. Из-за неожиданности я застыл, как статуя. Юкиношита посмотрела на

сделанное фото и стыдливо улыбнулась, тихо сказав: «Как-то так...». После этого она показала мне фото без обработки и эффектов, где мы держимся за руки, но из-за неестественного расстояния между нами можно даже через фото ощутить эту неуклюжесть.

Посмотрев на фото, я глубоко вздохнул. Ну ты даёшь... Такие вещи – плохо для сердца, я такого даже представить не мог!

– Нет, никуда не годится, – сказал я, обняв руками покрасневшее лицо, почти обвивая свою голову, и Юкиношита попыталась выкрутиться.

– Извини, эм...

– Ещё раз. Мои глаза слишком мёртвые, – сказал я и достал свой телефон. Юкиношита сначала удивилась, но тут же начала быстро поправлять свои волосы и позу. Убрав лишнее расстояние и набравшись смелости, она расставила руки в стороны.

– Д-давай.

Не обязательно руки разводить. Я ведь тоже тогда буду нервничать. Я точно так же поднял руку, но на этот раз на пару сантиметров ближе к ней.

– Внимание.

– А-ага, – сказала она вялым голосом, однако спина у неё была напряжена, можно было ощутить напряжение даже через соприкоснувшиеся плечи. Ещё мне показалось, что её руки слегка дрожат. Хотя мои дрожат тоже.

Веря в силу стабилизации камеры, я нажал на спуск и, ничего не изменяя, показал Юкиношите. Она же засмеялась.

– А глаза у тебя такие же самые. Всё такие же гнилые.

– Всё нормально, включу какие-нибудь фильтры. Наука всемогуща.

Я тут же скачал какое-то приложение для обработки фото и начал настройки. Юкиношита внимательно смотрит, издавая звуки удивления. Ну, для её-то лица фильтры не нужны... Так мы и игрались, проводя вместе время. Когда допили чай, оказалось, что небо и море изменили цвет на багровый, как в плавильном цеху, и солнце мало-помалу садится за горизонт.

Возможно, я впервые увидел заход солнца настолько близко. Мы с Юкиношитой сидели и молча смотрели.

Из-за порыва ветра в часовне раздался звон колокольчика. Посмотрев в сторону звука, я осознал, что это место гораздо ближе, чем я думал.

– Сходим?

Юкиношита встала и пошла в ту сторону по пешеходной дорожке вдоль берега. Там я увидел группу красиво одетых людей вокруг мужчины в смокинге и женщины в свадебном платье, которых фотографируют на фоне заката, так называемый золотой час. Издалека кажется, что это свадьба.

У здания ресторана расположено нечто похожее на часовню, а ещё дальше – зал для церемоний в отдельном здании, я так понимаю.

Я взял одну из рекламных листовок у одного из углов здания, около входа. Судя по всему, это здание называется банкетным залом, и на втором этаже есть два типа помещений для различных ивентов, а на первом этаже – гостиная с преимущественно деревянным интерьером, внутри которой и расположена широкая терраса с видом на море. Заглянув внутрь, я увидел в центре камин, освещающий тёплым огнём окружающее пространство. Хм, надо же, какое тут место было. Я настолько далёк от свадеб и тому подобного, что даже не знал об этом. Я начал сожалеть, что недостаточно хорошо знаком с Чибой, держа в руке листовку, как тут меня одёрнули за руку с другой стороны.

– Чего?

– Здесь хорошо. Будем делать здесь, – сказала Юкиношита с горящим взглядом, дёргая меня за рукав. Проиграв напору её частично воодушевлённого, частично возбуждённого взгляда, я не нашёл в себе сил спросить, что мы будем здесь делать. Показалось, что мне поставят мат, если спрошу. Здесь ведь зал для свадеб, как-никак.

– А не рановато ли для этого? – осторожно выбирая слова, мягко спросил я, и Юкиношита подозрительно посмотрела на меня. После чего она что-то поняла и отпустила меня. Приставив пальцы к вискам, она разочарованно вздохнула.

– У тебя и взгляд плохой, и характер, если у тебя ещё и логика испортится – что от тебя останется? Смотри, – сказала Юкиношита и начала рассказывать, показывая пальцем.

– Здесь есть море, есть огонь, полностью оборудованное помещение для ивентов.

– А-а, точно, пром!

Блин, как стыдно! Дурак я, дурак! Хачиман, ты дурак! Червяк! Собирался вести себя трезво, но нет... Ох, хотелось бы умереть прямо здесь и сейчас.

Ладно, меня словно ледяной водой окатили, поэтому в голове сразу прояснилось. Действительно, наиболее подходящее место, чтобы впихнуть тот сделанный наобум план псевдо-прома в рамки осуществимого.

– И правда, если делать, то здесь.

– Да. Наверно, это место наиболее соответствует условиям, – сказала Юкиношита и самодовольно улыбнулась улыбкой победителя. Неожиданные её черты весьма неплохи, но это привычное выражение лица всё-таки лучшее.

***

Следующий день после того, как мы подыскали место для совместного прома.

Сразу после церемонии окончания занятий я направился в класс клуба помощи. Мы тут же запросили документы, узнали о свободных датах и заодно попросили предварительный счёт. Однако, как оказалось, такие вопросы решаются не сразу: они обещали перезвонить и сообщить подробности через несколько дней. Естественно, можно ждать, но есть много работы, которую нужно сделать. У нас всё ещё есть проблемы с бюджетом и людьми.

Сегодня мы с Юкиношитой планируем позвать людей каждый со своей стороны, рассказать им о совместном проме.

В итоге пришла группа из трёх господ в очках. Я кашлянул.

– Эм, продолжая предыдущую историю, я попрошу вас от многого отказаться, – решительно заявил я, и все трое: младший брат Сагами, Хатано и Займокуза – сделали недовольные лица и вздохнули.

– Ха...

– Ха...

– М-м.

Отлично, они полны сил и энергии.

– В общем, вот наша новая боевая сила, на которую мы рассчитываем, – сказал я и указал на троих очкариков. Юкиношита поднялась со стула.

– Меня зовут Юкиношита, рада знакомству. Извините, что Хикигая-кун доставил вам неудобства. Спасибо. Рада буду работать с вами и в этот раз, – вежливо сказала она и идеально поклонилась с лёгкой доброжелательной улыбкой. Она выглядит настолько мягко, что в прошлом я бы себе и представить её такой не смог. Должно быть, для ребят из клуба игр, которые помнят её как лезвие, которое всех ранит, это был настоящий шок. На самом деле, Хатано и брат Сагами дрожат.

– Она...

– Нас...

– Забыла! – добавил под конец Займокуза. Юкиношита подозрительно посмотрела на их странное поведение. Всё-таки прошлые шипы ещё выглядывают из-под холодного взгляда.

– Ой, мне страшно! Да, она страшный человек... Э-э... Хачиман, сделай с ней что-нибудь, – начали они говорить, прижавшись друг к другу плечами, а под конец Займокуза обратился ко мне, дёргая меня за рукав.

– Ну, к этому можно привыкнуть. Честно говоря, через боль. Но вот откат серьёзный.

– Что-что? – Юкиношита грозно смотрит на меня, хотя я вроде бы говорил тихо. Я пожал плечами в ответ, а очкарики удивлённо посмотрели на меня. «Вот это да!», «Понимаю», «Только так», – одобрительно сказали они. Как соратники, с которыми вместе прикоснулись к новой истине, мы хлопнули друг другу в ладони. Будь счастлив, связанный тесными путами судьбы, товарищ, и всё такое. Но через секунду это настроение испарилось.

Кто-то тихо постучал и вошёл, не дожидаясь ответа.

– Спасибо за работу.

Кто, как вы думаете, так легко появился? Да, Ишики Ироха со всеми членами школьного совета за собой.

– Спасибо, Ишики-сан, – мягко улыбнулась Юкиношита,

– Нет-нет, ничего, нужно ведь возвращать долг, – улыбкой победителя улыбнулась Ишики. А вот у заместителя и секретарши лица мрачные, похоже, их заставили. Не уступая им, с такими же мрачными лицами сидят и три очкарика.

– Ишики...

– Ироха...

– Ирохасу!

Ишики широко улыбнулась Займокузе и ребятам из клуба игр, и непринуждённо поздоровалась, и в дальнейшем их игнорировала. Точнее, она их как бы видела, но в то же время и не видела, как в мистическом романе «Лето Убумэ» автора Кёгоку Нацухико⁴⁸.

Троица парней поправила свои очки: «Это может стать привычкой», «Похоже, я начал понимать...», «И я». Похоже, в них тоже что-то изменилось. Странные у тебя привычки, Сагами, тебе это нравится? С тобой всё в порядке? Это из-за сестры?

---

⁴⁸ Убумэ – ёкай, призрак умершей при родах женщины.

Раздался очередной слабый стук в дверь – похоже, ещё одна новая истина пришла. Через приоткрытую дверь на нас посмотрели.

– Входите, – сказала Юкиношита, и дверь открылась полностью, так что лицо ангела в спортивной форме прошло целиком.

– Извините... О, Хачиман! Я пришёл, – широко улыбнулся Тоцука и, помахав рукой, подошёл. Он осмотрел комнату и удивлённо посмотрел на меня.

– Что за собрание?

– Я позвал всех, кого мог с чистой совестью позвать поработать.

– А, а-а, ясно... – Тоцука наполовину шокировано и наполовину с сочувствием посмотрел на людей. После чего, словно что-то поняв, он показал на себя пальцем и вопросительно склонил голову. Натянуто улыбнувшись, я ему ответил.

– Извини, твоя помощь была бы очень кстати. Честно говоря, дело нелёгкое, поэтому одолжи мне весь клуб тенниса, – склонил я голову.

– Весь?... Ну, ладно, – Тоцука неловко улыбнулся, но согласился, слегка постучав себя по груди. Так, ещё те трое... Но прежде чем я успел посмотреть, дверь бесцеремонно распахнулась.

– Даров! – громкий голос, как у начальника подработников в каком-то кафе, который уже достиг своего карьерного предела. Ирохасу сначала посмотрела на него, мол, чего орёшь, и цыкнула языком, но вдруг её поведение резко изменилось.

– О, Хаяма-семпай!

– Привет, Ироха. Значит, ты тоже пришла, – поздоровался и перебросился парой фраз Хаяма, вошедший после Тобе, и слегка помахал мне рукой. Я вопросительно посмотрел на них, мол, что вы здесь делаете, а Хаяма заметил рядом со мной клуб игр и Займокузу и помахал им тоже.

«Э, погодите. Невозможно», «Нет, слишком проблематично», «С уважением, но нет», – впервые за сегодня раздались радостные крики очкариков. Не слишком сильно ли вы любите Хаяму? Однако же эти возгласы внезапно умолкли: держась рядом с Хаямой, зашла девушка с витыми локонами, Миура, и обвела всех своим недовольным взглядом. Часть людей отреагировала на этот взгляд, но самая заметная реакция была у Юкиношиты. Она бросила на меня взгляд и подвинулась ко мне поближе.

– Хикигая-кун, это ты пригласил?

– Нет, разве не ты? – переспросил я, и она в замешательстве отрицательно помотала головой. Тогда кто же их пригласил, – задумался я, приставив руку к подбородку, как вдруг в двери, которую Тобе так и не закрыл, появилась новая фигура.

– Хало-хало! – бодро поприветствовала нас Эбина-сан, подозрительно сверкнув очками, а позади неё, словно прячась, зашла Кавасаки. Кавасаки неловко осмотрела комнату, и к ней обратилась Юкиношита.

– Кавасаки-сан, спасибо, что пришла.

– Э, да, я только послушать, в чём дело.

Кавасаки неуклюже закрыла за собой дверь и пошла в угол. Эбина-сан, заметив это, поймала её, и Кавасаки, отчаявшись сопротивляться, позволила привести себя в центр комнаты.

В комнате стало шумно и людно.

Но не настолько, как раньше, кое-чего не хватает.

Юкиношита бросила взгляд на часы. Оговоренное время уже прошло, а её ещё нет.

Тех, кто состоит в клубах, ещё можно понять, хотя церемония окончания занятий уже прошла, и начались весенние каникулы. Значит, просить их помочь всё равно, что просить их весенние каникулы. Я искренне считаю, что это сложная просьба, нерезонная. У неё может быть множество причин отказать, и я не против, куда ещё больше потакать моим желаниям? Так, по крайней мере, оправдываю я её сам перед собой. Я ещё раз посмотрел на часы.

– Ну что, начнём собрание, – негромко сказал я, и Юкиношита кивнула. Но не начала говорить, а тепло на меня посмотрела и перевела этот тёплый взгляд на дверь, взгляд, полный веры и ожидания.

Прошло десять секунд, двадцать, вот уже и минутная стрелка стукнула, как вдруг послышался бег по коридору. Я могу себе представить её вид даже несмотря на преграду в виде дверей. Подпрыгивающая булочка из волос, шатающийся из стороны в сторону большой рюкзак, слишком громкие звуки шагов. Да, это она. Я сразу понял.

Дверь громко открылась.

– Я-хало! – запыхавшись, сказала Юигахама Юи с ещё более светлым лицом, чем недавно.

***

Основная подготовка к прому началась с началом весенних каникул. В тот же момент начала по-настоящему вкалывать Юкиношита, сейчас зовите её Вкало-шита. Она с невероятной скоростью решает задачи по подбору места, расчёта средств, ежедневного расписания, распределения обязанностей и многого другого. Остаётся только вопрос с бюджетом, который мы должны будем более-менее решить сегодня на встрече с Кайхин-Сого. На встречу пойдут Юкиношита, я и председатель Ишики.

Встреча назначена в привычном для наших встреч комьюнити-центре. Мы не можем без разрешения использовать школьные помещения из-за начала каникул, да и наша деятельность – волонёрская, поэтому придётся воспользоваться услугами центра не раз. Благодаря Вкало-шите у нас бронь вплоть до самого совместного прома.

В данный момент в комнате находятся Займокуза с клубом игр, которые заняты вывесками, и группа во главе с Юигахамой и Миурой заняты рекламными материалами.

Разумеется, не все приходят каждый день, смены расписаны с учётом пожеланий каждого. Но благодаря тому, что нам удалось заполучить часть людей из футбольного клуба и клуба тенниса, а также помощников из учсовета (в основном Тобе и заместитель), с рабсилой проблем нет. Благодаря доброте Тоцуки, лидерским качествам Хаямы и властным полномочиям Ишики у нас есть прекрасная практически бесплатная рабочая сила. Я безмерно благодарен нашему учсовету! Проблем с вопросами, не касающимися денег, нет.

Проблема в сидящем передо мной и стучащем по брошюре пальцем Таманаве-сане, который, впрочем, в хорошем настроении.

– Неплохо. Очень хорошее место. Соответствует плану, в десяточку! – сказал Таманава, словно напевая слова «соответствует» и «в десяточку», и передал брошюру далее по столу. Оримото, сидящая рядом, тоже согласилась: «Хех, неплохо», – а я и Ишики поддакиваем. Реакция Кайхин-Сого отличная. Юкиношита решила использовать этот момент.

– Однако свободная там только первая неделя апреля. У нас как раз в это время будет церемония отставки учителей. Как насчёт занять эту дату?

– Отлично, у нас тоже церемония отставки. К тому же многие выпускники наверняка выделили этот день, поэтому их будет проще собрать.

– То, что надо! Сложно было бы без посетителей, – Оримото показала большой палец вверх. Ну что, перейдём к основному вопросу...

Я прокашлялся, чтобы обратить на себя внимание.

– По поводу бюджета. Можем мы рассчитывать на ваш школьный бюджет?

– Ну да, мы готовы к тому, что половину придётся внести, поэтому в определённой степени можно рассчитывать.

– А... У нас с финансами туговато.

– М? – мягко переспросил Таманава, словно не услышал. А Ишики к тому же улыбнулась и сделала жест рукой, ткнув один палец в другой.

– М-м, мы не можем использовать бюджет нашего учсовета.

– М? – спросил Таманава точно тем же тоном. Не подействовало. Разговор пошёл в странном направлении, и Юкиношита вопросительно склонила голову.

– А разве Хикигая-кун не говорил? Мы делаем это в качестве добровольцев, а не от учсовета.

– М-м. М? То есть вы не можете пользоваться бюджетом учсовета?

Мы втроем кивнули Таманаве. Что поделать, чего нет – того нет. Таманава натянуто засмеялся.

– Н-ну всю сумму мы точно не потянем. Ха, ха-ха-ха.

– Понятно, вы ещё этот вопрос не решили... – тихо сказала Юкиношита и сжала своё бедро под столом. Ай-ай-ай! Видя, как я дрожу, Ишики посмотрела на меня с видом «чего это ты один радуешься?». А после этого кивнула, мол, «а-а, ты же всегда один» и перевела взгляд на Таманаву.

– Значит, членские взносы?

– С этим могут быть проблемы. Есть люди, которые негативно к этому могут отнестись, – Таманава соединил пальцы рук и сделал напряжённое выражение лица. Членские взносы на практике – это значит, что придётся платить на месте. Понятно, что у многих возникнут вопросы, мол, почему я на своём же празднике должен платить? Однако без денег осуществление этого прома будет очень сложным. Значит, нужно что-то сделать с этим настроением.

– Ещё остаётся краудфандинг. Можно пригласить спонсоров, – сказал я, и Таманава посмотрел на меня, мыкнув.

– Понятно, это уже возможно.

– Согласна! Хотя я не совсем в курсе, – Оримото выразила согласие, но Ишики нахмурила брови.

– Думаешь? Но ведь в итоге всё равно платить гостям.

– Разница в подаче, в настроении.

– Хм... В смысле? – Ишики посмотрела на меня с читающим во взгляде «что он городит?», и на Юкиношиту: «О чём этот человек пытается сказать?». Юкиношита начала объяснять.

– Хикигая-кун говорит о психологических преградах и выгоде... Верно?

– Можно и так сказать. Например, есть ведь разница, использовать подарочную карточку iTunes или же рассчитаться кредитной картой?

– Теперь я совсем ничего не понимаю.

– Вопрос в ощущении того, что ты тратишь деньги. Есть ведь люди, которые не готовы расставаться с наличными, но запросто пользуются кредитными карточками, – добавила Юкиношита, и Ишики хмыкнула, мол, вроде и понятно, а вроде и нет. Таманава же начал вертеть руками, словно радуясь, что поймал хороший шанс.

– Преимущества краудфандинга не только в этом. Ещё можно дать участникам почувствовать себя спонсорами, или же инвесторами. Поэтому плательщики – не просто рядовые участники, а партнёры. В итоге, используя партнёрский подход, можно собрать больше средств, чем при членских взносах.

– Хе-е, – протянула Ишики. Она даже не скрывает, что ей не интересно.

– Проблема в том, что они за это получают. Приглашение на пром – это минимум, а за дополнительный взнос нужно им что-то дополнительно предложить, – Юкиношита задумалась, приставив руку к подбородку. Но Оримото тут же подняла руку.

– Можно я? Может, например, встречать и развозить их на лимузине? Фотосессия? Как?

– А, это было бы неплохо! Прямо как в Bachelor! – ухватила Ишики.

– Можно сделать, теоретически, но в итоге всё упирается в деньги, которые придётся на это потратить, – тут же ответила Юкиношита и натянуто улыбнулась.

Однако для девушек это важно. Может показаться, что такой взгляд глуп, но, учитывая, что девушек на таких ивентах много, игнорировать нельзя.

– Лимузин, Bachelor... – пробормотал я, листая бумаги. Кажется, что-то общее было у этих слов...

– Стоянка. Можно разрешить им стоянку. Целевая аудитория только что закончила школу, поэтому, думаю, многие приедут на машине.

— А, некоторых парни могут подвозить и забирать на машине.

– На это должен быть спрос. В любом случае мы не сможем обеспечить места для всех. Значит, нужно их продать подороже.

Чиба – вторая после Токио по размерам метрополия (сам узнавал), и до сих пор многие пользуются автомобилями. В Кисаразу, говорят, даже в нынешнюю эпоху Рэйва некоторые тюнингуют машины так, что они больше похожи на блестящие суда, специализирующиеся на ловле осьминогов, и без проблем летают по скоростным шоссе. Да уж, отличное автомобильное общество!

С другой стороны, это говорит о привязанности к автомобилям. Значит, автомобиль ещё и указывает на статус владельца. Люди, у которых хорошие машины, наверняка хотели бы их демонстрировать, кататься по людным местам. Лимузины и Bachelorg – это то, что хотят девушки, то есть им нужен лоск и уникальность, как знаменитости. Мол, выложу в Инстаграм – и буду на вершине, буду особенной. Чтобы нравиться таким девушкам, парни будут, соответственно, пытаться заполучить это самое особенное. Ё-моё, это что, иллюстрация из ада?

Впрочем, раз мы поняли спрос, значит, есть что предложить.

– А ещё можно оставить одну комнату в вестибюле в качестве VIP-комнаты. Затрат – ноль, а выгода есть.

– Тебе бы мошенником работать...

– Не думаю. Я не люблю математику. Свести баланс мне не под силу.

По сути, я понятия не имею, годится ли эта моя идея в качестве бонуса. Почти во всех ивентах я скидывал всю бухгалтерию на Юкиношиту. В общем, я поклонился Юкиношите, мол, дальше дело за вами. Юкиношита в ответ слегка улыбнулась.

– Тут всё нормально, я этим займусь. Пожалуй, подумаем насчёт лимузина или ещё чего-то роскошного, – сказала Юкиношита и сделала пометку у себя в блокноте. Ишики мельком взглянула туда и кашлянула.

– Пожалуй, пойдём этим путём?

– Хорошо! Кажется, у нас получится, – широко улыбаясь, сказал Таманава и дунул на свою чёлку. Судя по его лицу, он преисполнен уверенности. Как смело! На него можно положиться, молодец, Таманава-сан. Поэтому я на тебя во многом положусь.

– Тогда, можно вас об этом попросить? И ещё что-нибудь для выпускников, думаю, было бы неплохо. С краудфандингом мы не работали, а вы, похоже, знакомы, – сказал я быстро, словно градом стрел обстрелял Таманаву. Он похлопал глазами, но вскоре широко заулыбался.

– Р-разумеется! – сказал он, и громко хлопнул себя по груди. Он и правда, похоже, вспотел до нитки... Но нам остаётся только верить в Таманаву. У Таманавы должно получиться! На самом деле я понятия не имею, что он предпримет, но раз он может – оставим это ему.

Современные краудфандинговые сайты позволяют принимать участие, даже не вводя данные своей кредитки, а используя один телефон, значит, и школьники смогут воспользоваться. Для нас вполне достаточно спихнуть всё на Таманаву. Проблемы и процессы нас не коснутся.

– Тогда я отправлю вам предварительные расчёты и прайс-листы. Сообщите, пожалуйста, когда примерный порядок цен будет ясен, – сказала Юкиношита, ровняя стопку бумаг.

– Хо-ро-шо! – бодро ответила Оримото. Таманава согласно кивнул.

– Тогда и мы постараемся принять участие в ближайшие дни.

– Ага, спасибо. Хотя главное – управление бюджетом, так что с людьми проблем нет, можете не переживать. А, но в день прома нужны будут помощники.

– Окей, спрашиваю, – непринуждённо ответила Оримото, завершая первое собрание по вопросу бюджета совместного прома.

Провожая их двоих взглядом, я откинулся на спинку стула и сам собой издал вздох.

– Хотя бы с бюджетом наметилось решение.

– Если с краудфандингом всё получится. А что будем делать с остатком? – спросила Юкиношита, и Ишики сделала суровое выражение лица.

– Есть вероятность, что, если сумма небольшая, учсовет, возможно, сможет помочь.

– Какой-то совсем неуверенный и ненадёжный ответ. Ну, смотря какая там сумма будет. В худшем случае я из своих возьму, – сказал я с суровым видом, и Юкиношита широко раскрыла от удивления глаза.

– У тебя же нет денег?

– А у родителей-то есть. Возьму беспроцентный вклад. Для этого у меня ресурсы есть.

– Это разве можно назвать ресурсами?.. – разочарованно усмехнулась она, и я пожал плечами.

На самом деле, я не против, если мы выйдем более-менее в ноль. Если возникнет какая-то прибыль, то это может принести нам дополнительных хлопот. Как-никак, мы проводим ивент для школьников, и хотелось бы остаться в рамках неприбыльного дела. Иначе может зайти в гости налоговый инспектор...

Пока я об этом думал, Юкиношита начала что-то быстро считать на калькуляторе.

– Мне неловко вешать долг на молодёжь, поэтому я подумаю над сокращением расходов.

– Только не сокращай расходы на меня, ладно?

– За это не переживай, расходы на тебя изначально нулевые.

– Отличное рабочее место...

Хорошо, что я понимаю, что расходы на персонал нулевые... Давно у нас не было такого рода стереотипной беседы. Ишики рядом со мной вздохнула, словно разочарованно.

– Как вы хорошо ладите... – сказала она и посмотрела по сторонам. После чего она кашлянула и тихо спросила:

– Я хотела спросить, а какие у вас отношения?

В эту же секунду я и Юкиношита замерли. На самом деле я уже думал о том, что однажды кто-то об этом спросит. Ишики ведь видела недавно, как мы ссорились, а тут вдруг делаем вместе ивент. Наверняка она в замешательстве. Видя, что мы ничего не отвечаем, Ишики сверлит нас холодным взглядом.

Надо что-то сказать... я посмотрел на Юкиношиту, а она посмотрела на меня. Да, похоже, мы оба в замешательстве.

– Какие... – пробормотал я, только чтобы заполнить тишину, и взгляд Ишики стал подозрительным, и я в ужасе отвернулся в другую сторону. Юкиношита тоже что-то хотела сказать, но только приоткрыла рот.

– Это... сложно объяснить, конечно...

Щёки Юкиношиты слегка покраснели, и она опустила голову, продолжая:

– П-партнёры, наверно, я думаю, – сказала она с паузой между словами.

– Вот! Хотя я и не понимаю до конца, но, наверно, что-то такое.

– Д-да, не знаю, но, наверно, нечто похожее, – повторила за мной Юкиношита и быстро кивнула головой. Ишики пристально смотрела, ничего не говоря. Но через некоторое время устало вздохнула.

– Ха, вот как. Ну, если вас это устраивает, то ладно, – сказала она и широко улыбнулась. – Но я думаю, что лучше определиться, – добавила она, глубокомысленно улыбнувшись, и встала со стула, направляясь к выходу из комнаты, напевая что-то под нос.

Но внезапно она остановилась: оттуда, куда она собиралась ступить, вышла, недовольно теребя завитушки, Миура. Подойдя к нам, она остановилась и глубоко вздохнула.

– Ничего, что мы пойдём обедать?

– А, да, конечно, – из-за неожиданного вопроса Юкиношита ответила неловко. Даже после ответа Миура недолго смотрела на меня и Юкиношиту и внезапно перевела взгляд на Ишики.

– Пойдёшь с нами?

– А? Я, это... Ну, я... – похоже, она удивилась внезапному приглашению и пытается неуверенно отказаться. Как правило, она бы ответила что-то вроде «Чего? Нет, конечно!», но сейчас она в замешательстве и не в состоянии сопротивляться Миуре. Ну да, они ведь не особо ладят... Из-за внезапного появления Юми-Иро пары даже я в замешательстве.

А вот Миура наоборот, ничего не говорит, а лишь бросила на меня взгляд, но тут же вернула его на Ишики, словно спрашивая: «Ну, так что?». Увидев вопросительный взгляд, Ишики слегка вздохнула.

– Я проголодалась, так что можно и пойти.

– М, – немногословно кивнув, Миура развернулась, словно заставляя своей спиной следовать за собой. Ишики попрощалась с нами и пошла за ней.

Я понимаю поведение Юмико Миуры. Мы ничего не говорили, она ничего не спрашивала, но, думаю, она таким образом проявляет внимание. Не ко мне, а к нам троим. Хороший она всё-таки человек...

Миура увела Ишики из комнаты для совещаний. Около двери её ждали Юигахама, Эбинасан, Кавасаки, а также Займокуза и пара из клуба игр, решающие, что им делать. Похоже, Миура пригласила и троих очкариков. Всё-таки она хороший человек. Я ненамеренно проводил их, покидающих комнату.

С момента начала подготовки совместного прома я не видел, чтобы Юкиношита и Юигахама разговаривали. Из-за работы я к ним не присоединялся. Или же, правильнее, под предлогом работы отпустил на самотёк многие вещи.

Но, думаю, однажды этот вопрос решится. В душе я верю, что, когда всё закончится, наступит обычное незаполненное ничем время после школы. Я смотрел в сторону двери, подперев голову рукой, как тут мне по руке выше плеча постучали. Я даже удивился из-за слишком слабого толчка, скорее щекотно было, но я дрогнул. Бросив в ту сторону взгляд, я увидел улыбающуюся Юкиношиту.

– Пойдём и мы обедать?

– Ага, – сказал я и тут же встал.

***

За несколько дней до самого события работа вошла в самую интересную стадию. Частично полностью сброшенный на Таманаву бюджет, похоже, удастся вывести более-менее в ноль. Зал мы успешно забронировали, и осталось только работать.

Впрочем, использовать зал мы можем только в день прома и за день до него можно занести вещи. По поводу всего остального – нужно было найти другое место для работы, поэтому по итогу мы работаем в тот же комьюнити-центре по ночам. В основном проводим тут частые совещания и занимаемся изготовлением инвентаря, и, благодаря наличию людей из обеих школ Собу и Кайхин-Сого, мы кое-как, похоже, успеваем к дедлайну. По крайней мере, мне так кажется.

Насчёт плавности работы, увы, последние пару дней работу приходилось часто прерывать в основном из-за около-весенней погоды. Она словно идёт в ногу с позитивным настроением людей, повышая температуру воздуха. Из-за этого солнечные лучи расслабляют, погружая в дремоту. Но если это игнорировать, занимаясь физической работой, то очень быстро потеешь, и в итоге очень неприятно находиться на рабочем месте. К этому всему можно добавить вселенское зло по имени Дедлайн, которое действует на нервы круглыми сутками.

Закончив часть работы, я отлепил влажную майку от груди и, естественно, начал жаловаться.

– Жарко... Я сегодня, пожалуй, пойду домой.

Сидящая напротив меня с энергетиком в руке Юкиношита посмотрела на меня. Сегодня она собрала волосы вверх, и шее, похоже, прохладно.

– Ты и вчера уходил, и позавчера. И сегодня собрался, что ли?

– А что, нельзя каждый день уходить? У меня всё ещё есть, куда вернуться. Что может быть лучше?

Извини... Но ты ведь меня понимаешь? Я всегда приду на встречу к работе. Что-то похожее я рассказал Юкиношите, и она слегка вздохнула.

– Хотя ты работу берёшь и на дом, так что я не могу жаловаться.

О, так ты знала? Нью-тайп⁴⁹, что ли?

– Погоди-ка, ты ведь тоже берёшь работу на дом. Передай мне часть дел, пока не довела себя до предела, – сказал я с напором, и Юкиношита ненадолго перестала работать. Она виновато опустила голову и послушно кивнула.

– Угу.

– Что «угу?»

Она уже до смерти устала, похоже: словарный запас на нуле.

– Что с тобой? Всё настолько серьёзно?

– Серьёзно. Не похоже, что мы успеем вовремя. Серьёзно. Проще умереть.

Юкиношита уже серьёзно истощена, так что это может сказаться на работе. Она зло посмотрела на стопку бумаг и принялась стучать по клавиатуре и калькулятору. Больно смотреть на неё: компьютерные очки слегка покосились, а на лбу – охлаждающий пластырь. На столе – шоколад и сэмбэй⁵⁰: то ли она принесла для быстрого восполнения калорий, то ли кто-то оставил.

Увидев её уставшее лицо, в суете на пределе возможностей, к ней поспешила подмога.

– Юкинон, я возьму это.

– А я тогда это.

Юигахама и Ишики обратили на неё внимание и при каждом подходе берут одну стопку бумаг и калькулятор. Недаром они прошли вместе множество подобных мероприятий. И каждый раз переживать им приходилось примерно об одном и том же...

Всё, что я могу сделать, это рассказать великолепный лайфхак, что кофеиновые таблетки и глюкоза более эффективны и быстродейственны, чем энергетики. А ещё вырвать у неё работу и отправить отдыхать...

Пока я думал, как заставить её закончить, сзади на меня упала чёрная тень. Это был Займокуза с повязкой вокруг лба и тремя гвоздями во рту. Он постучал по мне молотком и что-то пытается сказать. Станный вид...

---

⁴⁹ Из франшизы «Гандам». Подразумевается новый вид людей, которые могут коммуницировать сквозь время и расстояние, не используя слова.

⁵⁰ Тип японских рисовых крекеров, вид десерта. Сэмбэй часто едят с зелёным чаем как закуску или предлагают гостям дома в рамках вежливости.

– Хачиман, материалов не хватает.

– Нужно сходить в магазин Mr.Мах. Я пойду, а ты со мной – вещи поможешь донести.

– О, а можно будет зайти в кафе Bikkuri Donkey? Одну рюмочку пропустить? – спросил Займокуза и странно застонал.

– Я не против. Только ты что, не только карри, но и гамбургер хочешь выпить? – спросил я у него с состраданием, и Займокуза сделал довольное лицо.

– Я даже тонкацу⁵¹ в последнее время пью...

Ужас какой. Пока я стоял в страхе, Ишики, которая слышала со стороны наш разговор, подбежала к нам.

– Отлично! У нас скоро перерыв на ужин, правда? Правда? – сказала она и, прикрыв глаз, что-то пытается сказать. Это она мне подмигнула? Я подумал, что эта грустная тропическая рыбка пытается мне сказать, она стукнула мне в бок, чтобы быстрее дошло.

Ай... Я не издал звука вслух, и Ишики указала подбородком на Юкиношиту. Она рассеяно смотрела на часы с явной усталостью на лице. А, действительно, отличный момент, чтобы завершить работу.

Юкиношита устало помяла виски и вздохнула.

– Да, уже много времени. Давайте перекусим. Можешь купить что-нибудь поесть заодно?

– Ага. А, но купить не смогу, это займёт слишком много времени.

– С чего это вдруг? – удивилась Юкиношита. Я сделал настолько серьёзное лицо, какое только мог.

– Потому что нужно будет ещё зайти в сауну.

– Чего? – раздражённо переспросила Юкиношита, словно не понимает, о чём вообще речь. Дело в том, что если я прямо скажу Юкиношита, что нужно передохнуть, она наверняка откажется, сказав, что ещё всё нормально. Значит, нужно найти другую причину, которая бы её убедила. К счастью, около магазина находится спа-салон Yukemuri Yokosho. А как же может любитель саун пройти мимо сауны и не посетить её? Как партнёр Юкиношита и любитель бань, я решил её убедить.

– Слушай меня внимательно, потому что это очень важно для работы. Посещая сауну, люди восстанавливают вегетативную нервную систему и расслабляют организм для поднятия эффективности – это именно то, что нам сейчас нужно. В определённом смысле сауна входит

---

⁵¹ Свинья отбивная по-японски.

в необходимый для нас, работников, социальный пакет, и оплачиваться должен компанией. Я принесу чек, только скажи мне, на кого.

– Я-ясно...

В середине речи я вставил полностью своё мнение, но Юкиношита всё равно в ступоре от моей быстрой речи. Похоже, моя речь подействовала и на остальных.

– Сауна? У нас есть что-то такое?

– Хотелось бы.

– Круто было бы погреться.

– Да, «лоулю» называется, или как чаще её зовут «ауфгусс».

Все парни с Займокузой и клубом игр в центре начинают соглашаться. Таманава же двигает руками по воздуху, как мастер сауны. Парни из Кайхин-Сого поднимают руки, словно прося больше жара.

– Как только привыкаешь к водяной бане, сауна начинает нравиться ещё больше.

– Конечно, стандарты сауны проникают и в баню, так что это довольно важно.

– Хотелось бы хоть раз сходить в сауну Shikiji.

Сауна сейчас популярна среди молодёжи. Особенно среди чувствительных супер-современных ребят из Кайхин-Сого. Поэтому я и говорю, что аниме про сауны будет очень популярным! Нужно получить лицензию консультанта по здоровью в сауне и спа уже сейчас! (Особенно в сауне). А я уже получил лицензию специалиста по саунам и спа! Вслед за мной засобирались и остальные парни. Юкиношита вздохнула, массируя виски.

– Давайте тогда сделаем перерыв. Покажешь это место? – сказала она и закрыла ноутбук.

***

Водная поверхность в открытой ванной ротэн-буро⁵² отражает лучи склоняющегося солнца. Мы вышли из комьюнити-центра и взяли с собой также ребят из клубов тенниса и футбола, которые занимались физической работой, и взяли последний большой перерыв перед финальным рывком. Они все тренировали свои мышцы, а я же только варился в собственном соку.

---

⁵² Ванна под открытым небом или навесом.

В сауне стоит телевизор, но работает он негромко, я бы сказал, что это наиболее подходящий уровень шума. Этот шум проникает в раскрытые поры с потом, сливается с сердцебиением, и эта связка звука с теплом меня успокаивает. Прикасаясь к голой коже, горячая влага передаёт тепло внутрь, вызывая чувство того, как приливает кровь. После чего сливается с содержимым моих мыслей и уходит наружу, оставляя лишь безупречную пустоту. Через некоторое время все идеи, концепции и идеалы покинули мой разум, и осталось лишь «Ай-ай, горячо!». Нет других слов, чтобы передать это чувство.

Некоторое время я ещё о чём-то пытался думать, но в какой-то момент мне стало всё равно. Я могу думать только об одном: «Горячо!». С другой стороны, этих мыслей настолько много, что релаксация получается наиболее эффективной. Горячо.

Однако истинное удовольствие от сауны даёт не только сама сауна. Стоит лишь хорошенько пропариться, смыть с себя пот отдельными тазиками, и разум мгновенно просветлеет. Хотя нет, не только разум – все клетки тела проснутся. К тому же вода, нагретая теплом своего тела, обволакивает, словно халат, вселяя непревзойдённое успокоение. Уничтожая этот халат, человек познаёт храбрость: как ещё назвать чувство, когда ты покидаешь свой тёплый «дом» и предаёшься во власть ледяных ветров в диком поле, как не храбростью? А они, понимаешь...

Как раз этот момент после ополаскивания – наибольшая ценность сауны, а именно – купание в свежем воздухе открытого пространства. В тот миг, как своё разогретое в сауне и после остуженное водой тело человек успокаивает в открытой ванне, только тогда можно сказать: «Хорошо!» – с полным пониманием этого ощущения.

Путём нагревания тела в сауне и охлаждения водой можно сузить кровеносные сосуды. А вот на открытом воздухе тело вновь начинает вырабатывать тепло, пульс повышается, и вновь расширенные сосуды начинают обильно питать каждую клетку тела кислородом. Повторяя эту процедуру раз за разом, люди тренируют своё тело.

Так было всю историю Земли.

Началось всё с периода извержений вулканов из мантии Земли, после был ледниковый период, когда всё промёрзло, а потом с возможностью дышать кислородом настала и наша эпоха.

Говорят, что человечество живёт между холодом и жаром, но понимание этой фразы происходит не через слова, а через голое тело. Распаренное в сауне тело продолжает выделять тепло изнутри, а холодная вода сжимает кожу, не давая этому теплу сбежать до тех пор, пока тело не окажется на открытом воздухе, и наступит освобождение от всевозможных стеснений.

Горячо!

Мне уже стало предельно хорошо в сауне, и я бросил взгляд на часы. Похоже, прошло уже пять минут. Как правило, в сауне я провожу семь минут, две минуты обливаюсь холодной водой, и три минуты под открытым воздухом – и так три захода. Таким образом, я прохожу сауну за двенадцать минут. Но это – не более чем мои пожелания, и всё зависит от температуры воздуха в сауне (желательно как минимум 98 градусов), температуры холодной воды (желательно не более 16 градусов), и наличия места для отдыха (желательно, чтобы был шезлонг, на котором можно расслабленно лежать). Настоящий любитель саун каждый раз учитывает при этом прочие обстоятельства, такие, как свои ощущения и самочувствие.

Сегодня я в сауне, где есть открытая ванна, и погода хорошая, значит, там должно быть хорошо. Можно даже растянуть время в ванной под открытым небом. Ах, я уже хочу ополоснуться водой и на воздух... Горячо, горячо, тут по-настоящему горячо!

Наконец-то все мысли испарились и ушли вместе с потом.

Горячо...

– Блин! Какая горячая вода! Не-не-не, это ж кипяток!

Даже этот голос тускнеет на фоне температуры воды. Горячо!

– Стой-стой, Хаято-кун, там опасно! Подожди! В самом верху очень горячо! Так, эм, Хикитани-кун, как ты там сидишь? Ужас!

Тобе, умолкни. Из-за тебя я потерял концентрацию. Я медленно открыл глаза. Вслед за Тобе зашли Хаяма, Тоцука, и Займокуза.

– Хачи-ман! Давай вместе! – сел рядом со мной этот человек, произнося моё имя. Этот человек – Займокуза Ёшитеру. Я могу понять, почему Тоцука плотно обмотался полотенцем, но почему и ты в броне? Полностью игнорируя Займокузу, я отклонился назад всем телом, и увидел ангела.

– Горячо тут... Голова может закружиться, – сказал Тоцука, быстро обмахивая себя рукой, а по его белой, словно фарфоровой коже, стекали, словно жемчужины, капельки пота. На миг задержавшись в ключичной ямочке, капелька пота блеснула, как драгоценный камень. Тоцука поднял повыше полотенце и неловко отвёл взгляд.

Моё сознание чуть не улетело от этой позы.

Хотя, наверно, даже улетело.

– Кстати, сауна... у нас что, времени свободного много?

Из-за этого хриплого голоса я пришёл в себя. Но вот память нескольких прошлых секунд исчезла.

– А что делать? Ну что, давай, кто дольше продержится?

– Сауна не для этого, тихо там.

Я тут изо всех сил стараюсь восстановить цепочку памяти, дай мне сконцентрироваться. К тому же сауна – это не место, где нужно «держаться», я бы сказал, нужно спасать себя самостоятельно. Однако, люди, которые не помылись перед общей ванной, и те, кто выжимает потное полотенце на горячие камни – преступники однозначно. При обнаружении убивать захватом руки!

Хоть я и не стану настолько далеко заходить, но всё же из-за моего тяжёлого тона Тобе тут же умолк. Однако, похоже, Тобе тоже из тех людей, которые теряют память о нескольких предыдущих секундах.

– Как насчёт кто последний – тот и выиграл? – сказал он. Хаяма в ответ скорчил недовольную рожу.

– Мы вошли не одновременно, поэтому будет нечестно.

– Ага! Тогда, давайте тот, кто первый скажет, что горячо – проиграл. Похожие слова тоже запрещены, а то ничего толкового не выйдет.

– Понял, ладно. Начали! – быстро сказал Хаяма. Похоже, ему тоже не нравится возиться с Тобе. После сигнала некоторое время все молчали, но спустя несколько секунд Тобе начал мотать головой, чтобы убрать воду со своих длинных волос.

– Бли-ин, делать нечего. Давайте не молчать? Может, поговорим о чём-то?

– Ну, придумай нам тему, – сказал Хаяма.

– Э? Да ладно? А...

Тобе ненадолго задумался.

– Кстати! Хикитани-кун, а ты это... Ну, встречаешься с Юкиношitou-сан? – раздалось эхом по сауне. Хаяма и Тоцука посмотрели друг на друга с неловким выражением лица.

– Нет, да нет, конечно. Нет ведь... Нет? Скажи, что нет! Ответь мне честно. Не переживай, я не буду злиться, хорошо? – быстрым и словно комариным голосом на ухо мне прожужжал Займокуза.

– ... – я сохраняю молчание. Тобе внимательно на меня смотрит, наклонившись, и ждёт от меня ответа. Хаяма слегка стукнул Тобе по голове.

– Не говори.

– Вот-вот. Мы ведь договорились, что будем молча смотреть, потому что если спросить прямо – он пойдёт в отказ, – тихо сказал Тоцука на ухо Тобе.

Э-э?.. Как это?.. Все уже немного заметили и молчали из такта?.. Это... Ну...

Я запрокинул голову, чтобы заодно и смыть пот.

«А-ах... Хочу сдохнуть...» – подумал я от чистого сердца и горячо и громко вздохнул, чтобы переключиться.

– Э? Так, ты только что сказал запретное слово. Тобе, ты выбываешь.

– Выбывает! – поддержали моё взятое с потолка предложение Тоцука и Займокуза.

– Э? Стойте, почему? Я же не сказал слово «жарко»!

Не ори. Перед моей способностью «запретное слово» оправдания не помогут. Рынок решил, что «го», «ря» и «чо» в любом порядке – и ты выбываешь.

Похоже, Тобе заметил, что что-то не так: «М, кстати...».

Маша рукой перед своим лицом, Тобе медленно поднялся. За ним, шлёпнув себя по бедру, встал и Займокуза.

– Угу, я уже на пределе, – сказал Займокуза и вышел, выталкивая Тобе.

– И я, – Тоцука вышел, шатаясь.

Людей стало меньше и, само собой, в сауне стало тише. Остались только я и Хаяма, который сидел неподвижно, словно медитировал. Слышно было только звук дыхания. Мы сидели, словно состязаясь, кто дольше продержится, когда Хаяма заговорил.

– А что на самом деле? – сказал он без интонации, однако у меня по коже словно прошёл огонь. Его спина словно говорила, что он не сдвинется, пока не услышит ответ.

– Ничего такого... Да и не время сейчас для этого, – сказал я, глубоко вздохнув, и спина Хаямы дрогнула. Хаяма засмеялся, держась за живот. Когда его смех утих, он глубоко вздохнул и встал. Повернувшись ко мне только туловищем, он широко и бодро улыбнулся, однако улыбка была циничной, неприятной.

– Жарко, – холодным тоном сказал он и медленно вышел из сауны.

***

Хорошенько отсидевшись в ванне под открытым небом, я понял, что моему телу и душе заметно полегчало. Идя в сторону обувного шкафа в хорошем настроении, я отправил Комачи сообщение: «Ужин не нужен».

В ответ почти сразу пришло: «Принято! Удачи в подготовке, Комачи тоже придёт на пром!».

Не обязательно тебе приходить, подумал я, переобулся и вышел.

Раздвинув входные шторы Yukemuri Yokochō, я увидел, что солнце уже заметно ниже, начинает краснеть за краем моря. На ходу я прислоняю свежкупленный MAX Coffee то ко лбу, то к голове. Весенний ветерок после бани очень приятен для кожи, но закатное солнце слепит глаза, из-за чего мне пришлось прищуриться.

– Хикки! – это ко мне обратилась сидящая на лавочке Юигахама и машет мне рукой. А рядом с ней довольно вздыхает Юкиношита; её волосы уже не собраны вверх, как было во время работы и, судя по щекам, она только что из сауны. Рядом из-за её спины выглядывает, неодобрительно на меня смотря, Ишики.

– Семпай, ну чего так долго?

– А это не вы очень быстро? – переспросил я, хоть и понимаю, что вышел самым последним, и подошёл к лавочке.

– А где остальные? – спросил я, посмотрел по сторонам и никого не увидел.

– Ушли ужинать, – коротко ответила мне Юкиношита.

– Ясно, – ответил я, и мы замолчали, но и никто не собирался идти в сторону кафе Bikkuri Donkey, куда по идее все ушли. Юкиношита, Юигахама, и Ишики сидят на лавочке. Я остановился, слегка потряс баночку MAX Coffee и открыл язычок. Я облокотился к стене сбоку от лавочки. Пока я пил кофе, никто так ничего и не произнёс, шло спокойное, тихое время. Наслаждаясь прохладным ветром после бани, мы сидели и наблюдали за закатом.

Обычно находиться в одном месте и ни о чём не говорить – довольно неловкая ситуация, многие бы, по крайней мере, начали играть с телефоном в одиночку, чтобы отвлечься. Но тут все выглядят спокойно, словно наслаждаются тишиной. Немного похоже на ту привычную атмосферу в клубе. Хоть говорить и не о чем, мне не было неуютно, думаю, я мог бы провести в этом времени вечность.

Ишики мурлыкает себе под нос основную мелодию из прома, двигая ногой в такт, так, что юбочка вот-вот поднимется на опасную высоту. Периодически прерывающееся мурлыканье звучит ностальгически, как колыбельная из детства, может, отчасти из-за закатного солнца.

Благодаря этому и приятному чувству после ванны Юкиношита слегка зевает и засыпает, периодически нечаянно ложась на плечо Юигахамы. Юигахама же, словно чтобы не упустить тепло, которое она должна чувствовать через то место, которого касается Юкиношита, придвинулась поближе плечом.

Внезапно меня окатил порыв холодного ночного ветра, который словно забыл, какая сейчас пора года, окатил меня, и я сжал плечи. Я посмотрел на лавочку, переживая, чтобы никто не простудился после горячей ванны, но, похоже, ветер туда не попадает: там всё ещё греет солнце. Приятный душе вечерний солнечный луч, похожий на тот, что освещал комнату клуба.

Садящееся за край моря солнце заставляет волны блестеть так, что сложно смотреть, как в том клубе, в том солнечном луче.

Уверен, я...

Или же все мы...

Зная, что этот закат однажды закончится, что это время больше не повторится вновь, хотим оставаться в этом тёплом солнечном луче.

Но пришло время расставаться.

Если я скажу, что готов расстаться в любой момент – это будет ложь. У меня есть и привязанность, и чувства, которые меня держат. Держат настолько, что я об этом размышляю.

Сейчас, наконец-то, я вынужден признать, что мне нравилось то время и то место. Иначе, если это не признать, я не смогу с ним расстаться.

От излишней яркости и обилия света может остаться ожог. От раны остаётся след, который не позволит забыть. Каждый раз до самой смерти при виде его будешь вспоминать.

Перед тем, как солнце полностью исчезло за горизонтом, я сделал шаг из того тёплого места.

– Пора уже идти, – повернулся я туловищем, и дремлющая Юкиношита открыла глаза.

– Да... – кратко ответила она, выпрямилась, тихо поблагодарив Юигахаму, и поправила смятый воротник.

Не ожидая её, Ишики сложила ноги вместе и с силой встала, шлёпнув своими лоферами по песку.

– Ну да. Пойдём? – обернувшись на каблуке, сказала она, ласково улыбнувшись Юигахаме. Мы стояли как раз между Юигахамой и закатом, поэтому Юигахама посмотрела на нас с прищуром. Прикрыв глаза, она два-три раза кивнула.

– Ага, уже нужно идти, – тихо пробормотала Юигахама и немедленно встала и пошла, не оборачиваясь, быстро догнала ушедшую Ишики, и они ушли вперёд.

Юкиношита наконец-то закончила приводить себя в порядок. Я взглядом сказал, мол, мы тоже должны идти, а она в ответ кивнула и попыталась встать.

Не говоря ни слова, я подал ей руку. Юкиношита не поняла, зачем я это сделал, и вопросительно на меня посмотрела, слегка натянуто улыбнувшись.

– Я могу и сама встать.

– Я знаю.

Знаю, что ты можешь сама встать, и что ты мне это скажешь. И, несмотря на это, я протянул руку.

Думаю, и буду делать это впредь.

Последние лучи закатного солнца создают плотные, тёмные тени. Моя тень наложилась на её тень, так, что не различить уже, где чья. И моё лицо, и её щеки окрасились в румянец, она разочарованно улыбнулась и взяла мою руку.

Интерлюдия.

Совместный пром уже скоро начнётся. Место готово, осталось только подождать посетителей. Моя работа – стол регистрации, поэтому каких-то особых приготовлений не нужно, и я стою у входа в помещение.

И смотрю на место, которое было моим, где он и она о чём-то договариваются, совсем недавно там была и я. Стоя тут, в отдалении, я подумала, что больше меня там не будет. Я буду, как раньше, смотреть издали туда, куда мне не попасть.

– Юи-семпай, что с тобой? – меня позвали, и я повернулась к Ирохе-чан.

– А? Нет, ничего, – ответила я, хотя на самом деле совсем не «ничего», и усмехнулась. Ироха-чан улыбнулась мне, ничего не ответив. Не зная, что ей сказать, я опять усмехнулась и по привычке потрогала «булочку» у себя на голове.

– Юи-са-ан! – позвал меня знакомый голос, и я обернулась. Комачи-чан широко махала руками, подбегая ко мне. На ней была уже форма нашей школы. Увидев это, я тоже развела руки.

– Комачи-чан! Форма! Милая! Нравится!

– Ох... – издала Комачи-чан странный звук, прижимаясь к моей груди, а Ироха-чан сказала: «Хе-е». Я оглянулась, а на лице Ирохи-чан читался немой вопрос, мол, кто это? Кстати, они же, наверно, первый раз видятся.

– Эм, младшая сестра Хикки, Комачи-чан, – отпустив Комачи-чан, я её представила. Ироха-чан посмотрела на неё, прищурившись, и кивнула.

– Сестра семпая... А, О-комэ-чан⁵³!

– М-м... Ну да, наверно, – ответила Комачи-чан со странным выражением лица на странную фразу Ирохи-чан. Ироха-чан приветственно поклонилась.

– Меня зовут Ишики Ироха, я – кохай⁵⁴ семпая. Рада знакомству.

– А, привет. Ироха-сан, значит? Спасибо, что присматриваете за братом. Я – сестра старшего брата, Комачи. Пришла убирать за... помогать брату.

Комачи-чан перефразировала сложные фразы и мило поклонилась.

---

⁵³ О-Комэ (яп) – рис.

⁵⁴ Кохай(яп) – младший по возрасту\рангу\выслуге, противоположность от «семпай».

– А где брат? – осматривая всё вокруг, спросила она. Я бросила взгляд на то самое место, куда смотрела ранее.

– Вон там. Но у них, похоже, совещание какое-то, поэтому лучше сейчас им не мешать.

– Вот как... – Комачи-чан сделала слегка грустное лицо. Я подумала, что она тоже обо всём догадалась. Может, даже он сам ей рассказал всё как есть. Мне как-то неловко стало из-за того, что ради меня она промолчала, и я едва слышно вздохнула. Точнее говоря, я хотела сделать это тихо-тихо, но получился ого-го какой звук. А! Посмотрев в сторону, я увидела, что Ишики-чан широко зеваает.

– Ну и что? Почему бы и не помешать? – прямо сказала она, отчего я непонятливо склонила голову, и Ироха-чан широко улыбнулась, как крохотный чертёнок.

– Они ведь в любом случае там ненадолго.

– Думаешь?

– Думаю. Они сами всё усложняют. Разве не должно быть всё быстрее?

– Э? Не... Мне, как младшей сестре, это...

– Ага... – я и Комачи-чан сделали неоднозначные лица, и Ироха-чан широко улыбнулась.

– Да брось, через три года уже можно будет алкоголь употреблять. И вот, по пьяни можно будет только оп! Бам! И всё готово. И не отвертится с таким чувством ответственности.

– А, это немного как-то... Да и неизвестно, что там через три года будет.

Из-за всего, что я себе представила, моё лицо так покраснело, что даже я поняла это. Я хотела было как-то перевести разговор в другое русло, но Комачи-чан странно посмотрела, склонив голову.

– Подожди, но ведь Юи-сан сможет пить алкоголь через два года, это только Ироха-семпай сможет пить через три года.

– Ой, заткнись, О-комэ-чан!

– О-комэ? Я не рис, Комачи зовут Комачи!

– А что, симпатичный никнейм! К тому же нужно установить иерархию при первой встрече, чтоб потом не началось.

– У-ва, что за характер...

– Кто бы говорил.

Эх... Похоже, Ироха-чан и Комачи-чан плохо совместимы... А я была бы рада, да и проще было бы, если бы они подружались. Думая, нет ли чего-то подходящего, чтобы их подружить, я машу руками с натянутой улыбкой на лице, пытаюсь их усмирить. Комачи-чан упёрла руки в бока и глубоко вздохнула.

– Поэтому и у меня, как у младшей по возрасту, столько проблем. Понимаешь, брат – как тренированный монах, с его характером уже ничего не поделать. Он наверняка ляжет и притворится спящим ещё до того, как достаточно опьянеет, в стиле Хачимана, – объяснила она, водя пальцем по воздуху, а мы с Ирохой-чан кивнули. Она права, наверняка так оно и есть. Я понимаю это. Да и Ироха-чан, похоже, тоже это понимает.

– А-а, стиль тофу⁵⁵.

– Нет, пирожки-суфле в стиле Кафе Хосино.

– А-а, мне нравится, очень вкусные, – ответила Ироха-чан и Комачи-чан кивнула. Не понимаю, то ли они подружатся... Не понимаю я их.

– Раз так, то я не смогу называть Ироху-семпая старшей сестрой⁵⁶.

– Э? Да мне всё равно, и не нужно мне это... Да что с этой девочкой не так? – натянуто ответила Ироха-чан и повернулась ко мне.

– М-м, ну да, у Комачи-чан есть в какой-то мере комплекс братика... – сказала я, слегка улыбаясь.

– Конечно! А кому же, кроме меня, любить братика, которого больше никто все пятнадцать лет не любил? Он с самого детства был таким милашкой... – гордо ударив себя в грудь, сказала Комачи-чан и достала телефон. Наверно, хочет показать какое-то фото.

– О, покажи, покажи! – попросила я и заглянула в телефон.

– У-ва... Мне это неинтересно, но всё-таки покажи, – бормоча, сделала так же и Ироха-чан.

– У меня есть брат до того, как его глаза стали мёртвыми, и после. А ещё есть после того, как они стали гнилыми, какие показать?

– Э? Можно только те, где он милашка? Погоди, а он разве когда-то был милашкой? – спросила Ироха-чан, явно не веря.

– Она ведь так и сказала.

---

⁵⁵ Тофу – очень мягкий «соевый творог», популярный в Азии.

⁵⁶ Старшей сестрой в Японии также называют жену брата (невестку).

Я вспомнила, как когда-то, когда мы ходили гулять вдвоём, она что-то такое говорила, и мне стало грустно, и улыбка у меня, должно быть, получилась неуклюжая. Как тут Ироха-чан устало вздохнула.

– А-а, знаем таких... Которые гордятся, первое – что были милашками в детстве, и второе – что были популярными. Как правило, это мелкие сошки с искажённой системой ценностей, которые пытаются заработать как можно больше «очков» для себя любимого.

– Ого, как резко! А, но, кажется, тут немного не то... А, смотри, Комачи-чан ведь милашка! – сказала я, взяв Комачи-чан за плечи и пододвинув её слегка вперёд. Комачи-чан же, явно стесняясь, посмотрела на Ироху-чан снизу вверх и начала неловко говорить, сведя вместе подушечки пальцев:

– Эм...

– Чего? – Ироха-чан грозно на неё посмотрела. Но глаза Комачи-чан были влажными, как у щеночка.

– Можно я тебя буду звать сестрёнкой? Пока что временно.

– С чего это? Не надо!

– Мне показалось, что ты понимаешь моего брата.

– Э?

– Я, Комачи, думала, что брату нужен был кто-то, чтобы либо снизу толкать, либо сверху тащить... Понятно. Значит, вариант, когда оба в паре – отстой, – это тоже вариант.

– Э? Ты чего несёшь?.. Вообще-то я не настолько отстой. И внешность это самое, и ум, и характер – отстой!

– И сам он отстой! Не просто с чужими чувствами не считается, он даже на свои чувства плюёт!

– О-Комэ-чан, почему ты такая счастливая?..

Комачи-чан сказала это очень весёлым тоном, так что Ироха-чан была шокирована, и по лицу видно, что она ничего не понимает. Ироха-чан посмотрела на меня, словно сигналив о необходимости моего вмешательства.

– М-м, у Комачи-чан есть в какой-то мере комплекс братика... – сказала я, натянуто улыбнувшись, и больше мне сказать нечего. Но Комачи-чан робко хихикнула и сделала красивую позу.

– Такой уж у меня брат. Прошу, присмотрите за ним, пока он не станет лучше.

– Ну, ещё год мне с ним придётся иметь дело, хочу я этого или не хочу, – сказала с неприязнью Ироха-чан, хоть и кажется, словно её яд нейтрализован, и повернулась ко мне.

– Юи-семпай, а ты что будешь делать?

– Я?... – я не знала, что ответить.

– Ну, мне даже нравится эта черта в Юи-семпай.

Ироха-чан вздохнула, словно сдавшись, мол, ничего тут не поделаешь, и, сделав пару шагов ко мне, прошептала мне на ухо:

– А разве есть закон, что нельзя любить человека, у которого есть девушка?

– Э?... Н-нет, думаю.

– Ну вот.

Отскочив от меня, Ироха-чан улыбнулась улыбкой победителя, улыбкой взрослой женщины. Эта милая до невозможности улыбка была похожа на мою, которой, возможно, улыбалась когда-то я, – улыбку влюблённой девушки.

– Ироха-чан, и ты?..

– Э? Нет, конечно, я вообще ещё надеюсь на шанс с Хаямой-семпаем. В худшем случае, если он откажет, то тогда уже буду думать что-то дальше, а так внезапно начинать ждать другого было бы слишком глупо, – недовольно сказала Ироха-чан, махая руками.

– Тогда почему ты говоришь такое?

– Очевидно же, – разочарованным тоном произнесла она. После чего смахнула волосы и прислонила руку к голове.

– Не сдаваться – священное право девушек!

Ироха-чан сделала знак «пис» у лица и улыбнулась улыбкой победителя, несравненно хитро-милой улыбкой. По идее она пытается выглядеть, как заигрывающая девушка, но её улыбка невероятно сильна и крута. Едва не влюбившись в её лицо, я машинально произнесла:

– Вот как...

Это был не вздох или осмысленная фраза. Скорее, слова из моей души. Услышав это, они обе одновременно улыбнулись; словно не было этого похожего на ссору разговора, у меня даже потеплело на душе. Я несколько раз кивнула и... сжала зубы.

Посмотрев на меня, Ироха-чан и Комачи-чан переглянулись и улыбнулись. После чего они подошли друг к другу и начали о чём-то шептаться.

– Кстати, О-Комэ-чан, тебя это устраивает?

– Хм, у Комачи есть кое-какие идеи.

– Хм-м.

– М? Что за вялый ответ?

– Мне ведь и правда это неинтересно.

– Для тебя, Ироха-семпай, это тоже неплохой вариант. Дай кое-что скажу на ухо.

Комачи-чан что-то прошептала ей на ухо, и лицо Ирохи-чан исказилось от отвращения.

– Э? О-Комэ-чан, ты за кого вообще?

– Брата, разумеется! А, как круто это было, много-много очков для Комачи!

– У-ва, как противно.

– Что-что?! Как грубо! Всё, Комачи больше не будет болеть за Ироху-семпая!

– Я и не прошу за меня болеть!

Не похоже, что они подружатся, но совместимость у них неплохая, так что я улыбаюсь, всего лишь смотря на них. Возможно, что это – такой метод меня подбодрить.

От радости я их крепко обняла. Комачи-чан обняла меня в ответ, а Ироха-чан отвернула лицо, словно ей неприятно.

С чувствами я ещё не разобралась.

И я не думаю, что это хорошо.

И понимаю, что так оставлять – неправильно.

Но, пожалуй, я ещё немного в нём побуду, в том ярком и тёплом солнечном свете.

– Отлично, мне уже хорошо! Пойдём! – сказала я, держа их за плечи и толкая изо всех сил вперёд. И я пошла вперёд.

Я пошла в сторону того места, где хотела быть.

Глава 9. Лазурный цвет, поблекнув за годы, таким же лазурным и остался.

Завершилась официальная часть церемонии отставки, и мы закончили подготовку к прощанию. Прощанию, где речам с трибун, букетам цветов, прощальным слезам и прочему нет места. Нужно сделать так, чтобы посетители развлекались без лишних мыслей, хотя мы, в свою очередь, настолько истощены, что эмоции, в том числе и осознание расставания, полностью подавлены. Несмотря на многочисленные преграды и сложности, совместный пром удалось провести. Благодаря многочисленным помощникам площадка полностью готова, на каждом этаже – фигурные воздушные шары с цветами, звучит тихо музыка – в общем, всё полностью готово. Даже сотрудники, которые вошли раньше посетителей, довольно шумно реагируют на украшенное помещение.

Ощущая кожей высоту надежд, мы с Юкиношита проводим последнее совещание в одном из углов прихожей.

– Так, Хикигая-кун, займись, пожалуйста, этажом для школы Собу и персоналом холла.

– Есть.

– Ещё необходимо проверить экстренную связь с Тоцукой-куном и Хаямой-куном касательно порученных клубам тенниса и футбола роли встречающих и охранников.

– Слушаюсь.

– Также присматривай за кейтерингом. Лаундж будет открыт, чтобы посетители могли размяться, поэтому попроси поддержки у За... За... У него.

– Сдалась...

– И ещё одно. Для тех, кто входит повторно, у нас есть процедура штампования, этим занимается школа Кайхин-Сого. Тебе только нужно будет следить за персоналом, которые меняют ковры для посетителей пляжа. Песка в холле быть не должно.

– Как ска... А не много ли это для меня одного? Это не просто управление, это уже разнорабочий получается, – сказал я, и Юкиношита удивилась.

– Что поделаться, так уж получилось, что всю картину в целом знаем только я и ты. Я не смогу отлучиться во время ивента... Хочешь сказать, что мой партнёр неспособен даже на это? – провокативным тоном сказала она, смахнув волосы с плеча и широко улыбнувшись. Её взгляд победителя, направленный на меня, уменьшает количество ответов, которые я могу дать.

– Могу...

Если тебя называют партнёром, то, хоть и через силу и со сжатыми зубами, так что голос получается совсем не громким, ответ можешь дать только такой. Не знаю, дошёл ли звук до ушей Юкиношиты, но она усмехнулась.

Совещание на некоторое время прервалось, как вдруг в зале стало очень тихо. До сих пор там было шумно, словно насекомые шумели длинной осенней ночью⁵⁷, и в один миг это всё прекратилось. Обернувшись назад, я увидел словно подавляющих окружающий мир мать Юкиношиты и Юкиношиту Харуно. Им, судя по всему, всё равно, но... красивая женщина неопределённого возраста в традиционном кимоно и ещё одна красивая женщина в платье с весьма широкими вырезами на рукавах, спине и груди, причём ниже пояса платье полностью закрыто и плотно прилегает к телу. А сзади идёт ещё одна высокая красивая впечатляющая женщина в костюме мужского типа, со штанами, – Хирацука-сенсей. Сложно их игнорировать. Как корабль разрезает волны, они подошли к нам, разрезая толпу. Юкиношита глянула на них и провокационно улыбнулась.

– О, пришли.

Мать Юкиношиты улыбнулась, смотря на невежливое поведение дочери.

– Да... Хотим всё хорошенько рассмотреть.

Но вот в словах чувствуется враждебность. Ох, она как всегда страшная... Я спрятался за тенью Юкиношиты, дрожа, а вот Харуно-сан пошутила, не обращая внимания на эту тревогу.

– А, а я пришла выпить.

– Мы не подаём алкоголь, вообще-то, – парировала Юкиношита с разочарованным выражением лица, как Харуно-сан подтянула к себе стоящую рядом Хирацуку-сенсея и взяла её под руку.

– Всё нормально, захотим – пойдём с Шизукой-чан в ресторан напротив.

– Я за рулём, вообще-то, – неловко ответила Хирацука-сенсей, но не стала освобождать руку от захвата Харуно-сан. И в таком положении, напоминая свидание взрослых, она посмотрела и улыбнулась.

– Развлеките и меня сегодня.

– Юкино-чан, удачи. Хикигая-кун, и тебе удачи, – посередине фразы она сделала шаг ко мне и прошептала на ухо: – принимай решение.

---

⁵⁷ Популярная фраза *Riaju bakuhatsu shiro*, выражение негодования соц. класса реальщиков и аутсайдеров, то есть людей, имеющих вторую половинку, детей, хорошую работу и остальных.
<https://www.youtube.com/watch?v=wgV9AaHyAeA>

– Ага... – издал я странный звук. Из-за того, что её слова и тон были страшными, у меня по спине пробежал холодок. Не знаю, как Харуно-сан это восприняла, но она вяло улыбнулась и опять пододвинулась ко мне.

– Если что-то пойдёт не так – обращайся, сестрёнка поможет.

– Честно говоря, сложнее всего мне с тобой...

Спасибо, конечно, за предложение, но от горечи я ответил довольно цинично, и Харуно-сан на секунду застыла. Но тут же её большие круглые глаза сузились, как у хищника перед своей добычей.

– Хикигая-кун, ты такой милый... Нужно тебя приглубить так же, как и Юкино-чан, – сказала она, словно до этого момента она сдерживалась. Не может быть! Куда ещё больше?..

Хотя, если подумать, то это ведь Юкиношита Харуно; вряд ли её бы устроило это. Думаю, она и дальше будет меня испытывать. Её завораживающий смех у моего уха – тому подтверждение. Я рефлекторно сжался, а она же едва касается открытой кожи моего тела, щеотно дышит мне на ухо, цветочные духи возбуждают мой нюх, и по спине пробегает холод. О нет, она такая страшная! Я дрожу. Но вот Юкиношита встала между нами, хлопнула Харуно-сан по руке и той же рукой указала наружу.

– Сестра, ресторан в той стороне.

– Ой, на меня разозлились. Пока, – с невинным видом Харуно-сан помахала рукой, взяла Хирацуку-сенсея, и они медленно ушли. Юкиношита проводила их взглядом, вздохнула и перевела взгляд на мать. В отличие от противостояния сестёр, между матерью и дочерью атмосфера была ледяной. Мать Юкиношиты приставила веер к своему подбородку.

– Юкино, любое начинание встречает сопротивление. Какой бы ни была причина, всем людям не угодить. Тем более если говорить об этом ивенте, у которого нет никого за спиной. Думаю, вскоре после окончания от школы придёт претензия.

– Возможно.

– Я тебя уже предупредила, поэтому заступаться за тебя не буду. Какой бы вы хитрый план не строили.

Ледяным взглядом она окатила меня. Возможно, пытается намекнуть на то, что я раньше использовал события прошлого. Однако Юкиношита той же рукой остановила её и сделала шаг вперёд. Взгляд Юкиношиты был почти таким же – с ледяной улыбкой.

– Не проблема. Принимать ответственность – задача ответственного лица. Так задумывалось изначально.

– А-а. Тогда я буду наблюдать, – хмыкнув, мать Юкиношиты весело и победоносно улыбнулась. Хотя со стороны и видится противостояние, в какой-то мере это похоже на воспитание молодого зверёныша у животных. Атака в момент покидания родного гнезда, должно быть, не самая мягкая.

Помню, Харуно-сан говорила когда-то, что существование врага возвращает человека. Я и раньше догадывался, но теперь я уверен – эти мать и дочь, или сестры, используют противостояние как метод коммуникации, и враждебность – как воспитание. «Что это за семейка ракшасов⁵⁸? Почему они все такие? Нужно постараться держаться от них подальше», – подумал я и сделал полшага назад. Однако мать Юкиношиты заметила это и широко мне улыбнулась.

– Хикигая-кун, извини, что впутываем. Надеемся на тебя.

– Э? А, ну, ничего, работа ведь... – сказал я, слегка улыбаясь. Не могу же я, смотря на такую улыбку, ответить: «Не, ни за что!»

Впрочем, похоже, матери Юкиношиты этот ответ пришёлся по нраву, и она улыбнулась за веером, после чего развернулась и ушла довольной походкой. Проводив её взглядом, Юкиношита глубоко вздохнула.

– Ушла, наконец. Продолжим совещание.

– Это ещё не всё?.. – удивлённо спросил я, и Юкиношита приставила пальцы к вискам, словно сдерживая головную боль.

– Да... Неприятно признавать, но мне указали на мою наивность.

– Э?

О чём это она? Я хотел было задать те самые шесть вопросов⁵⁹, но Юкиношита рассказала сама.

– Я не подумала об алкоголе. Мы его не продаём, но некоторые могут принести с собой. Когда будешь делать обход, обращай на это внимание.

– Работы стало больше... Но ладно, я понял. Есть ещё что-то? – спросил я, и Юкиношита приставила руку к подбородку, задумавшись.

---

⁵⁸ Ракшасы (санскр., проклинать, бранить) — демоны-людоеды и злые духи в индуизме и буддизме. Ракшасов женского пола называют ракшаси.

⁵⁹ В оригинале 5W1H – “What? Who? Where? When? Why? How?” – (англ.) – Что? Кто? Где? Когда? Почему? Как?

– Так... – она подумала, посмотрела по сторонам, ища, что сказать, но... – Пока что, думаю, этого достаточно, – пробормотала она.

– Понял. Ну, пора начинать.

– Ага, – Юкиношита подняла голову.

Мы коротко кивнули друг другу и одновременно ушли за сцену.

Начинается последняя вечеринка.

***

Я не помню, чтобы хоть раз отдохнул с тех пор, как начался совместный пром. Объём работ гигантский, и время пролетало вмиг. Вокруг всё переполнено цветами, как первая весенняя растительность. Интересно, это то, что нужно носить при расставании?

В каждом зале играет клубная музыка, и знакомые лица бегают туда-сюда в поте лица. И каждый при встрече со мной кидает мне жалобы, недовольства и ругательства. И причина этого – должность главного менеджера прома. Звучит внушительно, но, по сути, из обязанностей в основном работа с претензиями. При каждом взаимодействии различных рабочих групп приходится решать возникающие проблемы.

И вот, бегая вокруг в попытках решить очередную проблему, я услышал, как меня позвали со спины.

– Хикки.

Только один человек меня так зовёт. Я остановился и быстро повернулся к Юигахаме.

– О, спасибо за работу. Как дела?

– Нормально, уже работы мало. Но вот Ироха-чан умерла в задней комнате. А ты?

– Сложно очень и опасно. Я потом наведаясь к Ишики. Кстати, доставили мало еды, у нас там остались какие-то сладости?

– Лёгкое что-то было. Принести?

– Да, спасибо. Займокуза уже побежал закупаться, но до тех пор надо чем-то заполнить столы, – сказал я, и Юигахама усмехнулась.

– Ясно, хе-хе.

– Это так смешно? – спросил я, и она перестала смеяться.

– Ну... как-то это очень похоже на нас.

Но улыбка, от которой на душе становится тепло, не исчезла; она всё ещё улыбалась, и её улыбка всё ещё жалит меня где-то в груди. Я поднял чёлку и криво, как мог, улыбнулся.

– Извини, что заставили тебя работать.

– Ничего, – Юигахама кивнула, мол, ничего такого, и ласково посмотрела на всё вокруг: на танцующих в платьях, на улыбки и смех, на суетливо бегающую туда-сюда Юкиношиту и уставшие живые трупы, которые у нас работают как помощники.

Смотря на это, Юигахама усмехнулась.

– Наверно, это то, что я хотела увидеть.

– Ясно.

Я тоже засмеялся. Она права: этот вид очень похож на то, что мы видели раньше. Ещё ни разу не получилось у нас сделать красивый финал. Споры, осложнения, скандалы, паузы, и только под конец мы делали последний решительный рывок, чтобы расправиться с работой.

Но я могу утверждать, что было весело, в том числе и из-за всех этих проблем. Даже сейчас так: у меня столько хлопот, что я хотел бы прибить автора этого плана, но всё же мне нравится такая жизнь.

– Скажи... – сказала она так тихо, что я снял даже наушник рации.

– М?

Но она отрицательно помотала головой.

– Ничего. В другой раз.

– А-а...

– Ну же, работа! Торопись, торопись!

– Ага...

Я быстро встал и побежал дальше, услышав вслед тихое «удачи». Ну что ж, придётся постараться. Несмотря на свои жалобы касательно работы, я верю в то, что если даже не получается сделать всё как нужно, надо завершить хотя бы шестьдесят процентов, чтобы было хоть какое-то оправдание. Почти все проблемы слишком далеки от решения, устранить их получается едва-едва, используя различные методы, ложь, безразличие, временные заплатки и откладывание на потом. Думаю, однажды, в не очень далёком будущем, придёт

ответная реакция, и придётся заплатить по всем счетам, включая проценты, и взять ответственность за всё.

Но, думаю, это то, чего я хочу: как сейчас, бегать изнурённым, жаловаться, но работать. Чтобы потом, после многих сожалений и терзаний, когда я стану престарелым, сидеть на веранде и рассказывать юной Магомачи, внучке Комачи, одно и то же много раз подряд – что юность полна ошибок и ничего хорошего там нет.

Бормоча этот стариковский бред, я закончил работу. Пока я бегал без передышки, солнце опустилось, и виднеющийся через окно Токийский залив начал окрашиваться красным. Кто-то направился в сторону пляжа, кто-то развлекается в лаундже, а кто-то весело беседует, сидя у костра.

Проведя некоторое время, как того хотелось, люди начали собираться в зале.

Подходит время последних танцев. И звук, и свет были оформлены куда лучше прошлого прома, что только добавляло радости. Хотя сложно было работать в толпе.

Из больших динамиков раздаётся танцевальный «Стандартный номер». Прожектор бежит по залу, зеркальный шар пускает зайчики, похожие на бегущие ручейки, так что всегда можно понять, когда песня меняется, и когда песня подходит к концу. Стоя вдали от разгорячённой толпы, я внимательно смотрю за этими зайчиками. Прислонившись спиной к стене, я издал усталый вздох. Популярная электронная музыка, танцы как придётся, режущие глаза стробоскопы – это не то, что я люблю, но стоять в уголке, слушая музыку, не так уж и плохо. Но времени у меня на это было мало: по рации кто-то опять меня зовёт и ругается. Ответив, я тут же отправился туда.

***

Совместный пром по своей сути не подразумевает каких-либо больших проблем, но во время прома возникали небольшие сложности и вопросы, которые, впрочем, не были смертельными. На этом пром и закончился.

Думаю, было очень весело. Участвовавшие в нём выпускники обеих школ, часть учеников и несколько организаторов веселились, танцевали, пели – в общем, наслаждались. Из-за этого возникает сильный контраст от оставшейся тут пустоты.

Ни души не осталось в зале. Только я, ответственный за этот танцевальный зал, главный менеджер прома. Нужно закончить здесь мелкие задачи вроде уборки мусора, проверки забытых вещей и так далее. Буквально только что здесь шумела музыка и люди, мелькал свет прожекторов, так что тишина сейчас режет уши. Как вдруг мои медленные шаги наложились на стук чьих-то каблучков. Обернувшись, я увидел Хирацуку-сенсея.

– О, вы ещё тут?

– Да, забыла кое-что, – сказала она, направляясь строго в центр зала, – похоже, она знает, где её забытая вещь. Однако я уже закончил поиск забытых вещей.

– Я уже всё осмотрел, – сказал я и посмотрел вокруг, не проглядел ли я чего.

– Вот что я забыла, – став передо мной, Хирацука-сенсей выставила руку. Но в руке ничего не было. Она выставила руку, и ничего более. Судя по направлению, не похоже, что она хочет пожать мне руку. Не понимая, что она хочет, я издал глупый звук «хм...».

Вдруг она протянула руку ко мне.

– Я совсем забыла потанцевать с тобой.

Нежно, как принц из сказки, она взяла мою руку и мужественно улыбнулась. Из-за внезапных слов я не знаю, как реагировать.

– Э? – открыл я рот, внимательно смотря на Хирацуку-сенсея. Похоже, ей всё-таки немного стыдно, и она слегка улыбнулась. Только что она выглядела смело и мужественно, а сейчас робеет, как совсем юная девочка.

Я растерялся, и Хирацука-сенсей слегка потянула меня за руку, чтобы я хоть что-то сказал. Это вернуло меня на землю, и я сказал первое, что пришло в голову.

– Я никогда нормально не танцевал.

– Я тоже.

Но Хирацука-сенсей не обратила на это ни малейшего внимания, а просто улыбнулась и широко взмахнула рукой, всё ещё сжимая мою руку.

Без какого-либо сигнала к старту, Хирацука-сенсей начала делать странные шаги, исходя лишь из своих предпочтений. Без музыки и света прожекторов, без лазеров и дыма, лишь что-то напевая себе под нос. Однако мне показалось, что тонкий ритмичный стук каблуков и довольное напевание мелодии – это более чем достаточно. Всё равно мы оба не умеем нормально танцевать. Поэтому можно пытаться вспоминать где-то виденные движения и внезапно их воплощать, танцевать чечётку, шутливо использовать в танце костюм и свистеть.

Как же это глупо... До глупого весело.

Наши тела нечаянно соприкоснулись, и Хирацука-сенсей резко отпустила мою руку, закончив движение. Из-за внезапности я слегка потерял равновесие и сделал пару шагов, чтоб не упасть. Но Хирацука-сенсей меня поймала и силой подтянула.

В какой-то момент, весело напевая мелодию, Хирацука-сенсей наступила каблуком на мою ногу.

– Ой-ой...

Из-за резкой боли я потерял равновесие и упал, и следом сверху, ударив мою спину, упала Хирацука-сенсей. Она весит гораздо меньше, чем мне казалось, но мягкие выпуклости, в свою очередь, имеют куда больший вес. Сенсей издала тихое «ай...» около моих ушей, а её волосы упали на мою шею и лицо, так что я не был уверен, как мне дышать. Хирацука-сенсей медленно слезла с меня и села на полу, поправляя пальцами спутавшиеся волосы с присущим взрослому человеку самообладанием.

– Повезло тебе, - улыбнувшись, сказала она.

– Вообще-то мне каблуком ногу раздавили...

Моя нога до сих пор ноет. Пожалуйста, не говори так. Где твоя деликатность? Разве не знаешь, что мальчики в расцвете юности очень ранимы? У меня болит и нога, и сердце! Впрочем, я ничего не потерял, так что всё нормально.

– Эх, устала. Весело было.

Хирацука-сенсей села, скрестив ноги, и спиной опёрлась на меня, как на спинку кресла. Из-за бешеного танца дыхание у неё ещё не восстановилось, и, кажется, она действительно устала. Мне пришлось принять роль спинки и слушать голос сенсея через спину.

– А хороший ивент получился. Правда, мне было страшно, когда ты сказал ту огромную ложь, – тяжело произнесла она. Полагаю, она имеет в виду события в приёмной комнате, когда я пытался протащить совместный пром, ничего не зная, перед матерью Юкиношиты с Харуно-сан и Юкиношитой. Впрочем, я бы не сказал, что я соврал. Скорее, я притворился, что не понимаю, о чём речь. Как и сейчас – я пожал плечами и притворился, что не понимаю, о чём речь.

– Я ведь не обманывал, а прикинулся дурачком.

– Нехороший мужчина, – сказала она и разочарованно вздохнула, стукнув меня затылком. Нет, это совсем не больно, только щекочут её длинные волосы и приятный запах. Увидев мою реакцию, Хирацука-сенсей довольно улыбнулась.

– Можно сказать, что это – выбранная тобою молодость.

– Чего? – я не понял, что она хотела этим сказать, и повернулся к ней, вопросительно смотря. Она тоже повернулась на секунду ко мне. На лице у неё была шаловливая улыбка.

– Ты разве не знаешь? Молодость есть ложь и зло, – подняв палец вверх, с выражением произнесла Хирацука-сенсей. Я на секунду задумался, но тут же вспомнил и ещё раз посмотрел на неё.

– Ува-а, как стыдно сейчас такое слушать. Перестаньте, пожалуйста, – сказал я и закрыл обеими руками лицо. Нет ничего постыднее своих собственных старых сочинений. Захотелось умереть прямо здесь. Хирацука-сенсей посмеялась над моей реакцией, но недолго.

– Как тебе прошедший год? Что-то изменилось? – ласково спросила она, и я вспомнил своё тогдашнее сочинение. Эта желторотая записка с годами выгорит на солнце, потеряет цвет и смысл. Однако вполне можно сказать, что я ещё слишком молод.

– Ничего не изменилось... – протянул я, вспоминая очень короткий и в то же время ужасно длинный год. Но, похоже, ей этот ответ не понравился, и она меня стукнула затылком.

– Я неправильно поставила вопрос... Ты нашёл своё настоящее?

На этот раз мне не понадобилось много времени на раздумья. Этому меня уже научила сенсей. Думать и страдать, вымучить ответ... мой ответ очевиден. Поэтому я стукнул её головой в ответ и улыбнулся уголком рта.

– Трудно сказать. Настоящее не настолько простая вещь, чтобы его можно было так быстро найти.

– Если кто услышит такой ответ, разозлится. Или же расплчется где-то подальше от людских глаз.

– Ой... Не надо мне этих рассказов из реальной жизни. К тому же о ком это вы? Ничего такого нет.

– Понятно. Может, и нет, – Хирацука-сенсей усмехнулась плечами и села рядом со мной.

– Сопереживание, привыкание друг к другу, интерес, сострадание, уважение, ревность... Испытывать все эти чувства к одной девушке – это нечто большее, чем просто любить, – Хирацука-сенсей считала чувства на пальцах, облокотив голову на другую руку, и смотрела на меня.

– Поэтому вы и не в силах расстаться, отпустить друг друга, и тянетесь друг к другу через расстояние и время. Может, это и есть настоящее.

– Может быть, не знаю, – пожал я плечами и цинично усмехнулся.

Наверняка я никогда не узнаю, было ли наше решение верным. Думаю, возможно, мы даже сейчас ошибаемся. Но наверняка можно сказать только то, что один какой-то ответ, указанный мне извне, меня не убедит.

– Поэтому я всегда буду сомневаться. Наверно, и я, и она так легко не поверим.

– Далеко от верного ответа, но я бы поставила сто баллов из ста. Ничего красивого в этом ответе нет. Поэтому ты – лучший ученик, – Хирацука-сенсей быстро протянула руку к моей голове и растрепала мои волосы.

Тут наушник рации зашумел и через несколько секунд раздался голос Юкиношиты:

– Хикигая-кун, можешь подойти к деревянной террасе?

Я не смог ответить сразу же и повернулся к Хирацуке-сенсею.

– Извините, ещё работа осталась. Мне пора идти.

– Ясно. Тогда и я пойду.

Хирацука-сенсей резко встала и подала мне руку. Похоже, хочет и меня поднять. Улыбнувшись, я отрицательно помахал головой и встал сам. Хирацука-сенсей слегка грустно улыбнулась и убрала руку... но я успел взять её быстрее.

Я поклонился ей.

– Спасибо за всё.

Хирацука-сенсей не сразу ответила, похоже, я застал её врасплох. Но, поняв, что это – рукопожатие, она усмехнулась.

– Да, на тебя ушло много сил.

Хлопнув по руке, она забрала руку из моей и спрятала её в карман. Она перевела вес на одну ногу и с болью улыбнулась.

– Прощай.

– Прощайте, сенсей.

Я тоже слегка приподнял уголок рта, чтобы улыбка казалась более взрослой. Увидев это, Хирацука-сенсей довольно кивнула и медленно пошла к выходу. Шаг, два шага... я проводил её взглядом, запоминая вид со спины, и, обернувшись, тоже пошёл.

– Извини, занят был. Иду, – быстро сказал я, сжав микрофон, и тут же пришло подтверждение: «Хорошо». Ускорившись, я пошёл к противоположному выходу от того, куда пошла сенсей. Я всё ещё слышу стук её каблучков.

Вдруг этот стук прекратился.

– Хикигая, – остановила она меня, и я обернулся. Хирацука-сенсей, смотря через плечо на меня, приставила руки ко рту, сделав «рупор», и прокричала:

– Чтоб вы взорвались, реальщики!

– Это уже устарело лет на десять, – ответил я и пошёл дальше. Но, не сделав и двух-трёх шагов, обернулся назад. Хирацука-сенсей накинула плащ и уходит красивой уверенной походкой, стуча тонкими каблучками по полу. И даже не догадывается, что я ещё смотрю. Я поднял руку и помахал, поклонился и, развернувшись, побежал к девушке.

***

Выйдя из танцевального зала, я направился к террасе. Снаружи уже темно, наступила настоящая ночь. И вид на океан превратился в несколько огоньков вдоль линии горизонта, предположительно – огни кораблей. Однако, с другой стороны, хоть и не видно моря, но от моря справа можно увидеть прибрежную часть Токио, а слева – индустриальный регион Кэйо, что тоже смотрится красиво. А что же Юкиношита? Я посмотрел на неё – она собирала бумаги, сидя около камина в центре террасы. Похоже, там всё ещё тепло, несмотря на недавно начавшийся холодный ветер.

В камине слабо тлеет костерок в форме шалаша, и свечение костра освещает светлое стройное лицо Юкиношита, усиливая призрачную атмосферу. Казалось, что я мог бы смотреть на это вечно, но тут горящее полено хлопнуло, и Юкиношита посмотрела туда, заметив меня.

– О, Хикигая-кун. Спасибо за работу, – улыбнувшись, сказала она.

– Спасибо за работу. Извини, что так долго, – сказал я, собираясь подойти к камину. Но Юкиношита подняла руку, остановив меня.

– Подожди. Посмотри под ноги.

– А? Под ноги...

У меня под ногами только грязные половики в песке. Больше ничего нет. Что за загадка? Я озадаченно посмотрел на Юкиношиту, и та вздохнула. Она постучала бумагами о стол и, взяв их, подошла ко мне. Придерживая юбку, она присела и провела пальцем по полу, после чего показала палец мне.

– Смотри, сколько тут песка.

– Ага...

Зачем ты мне это показываешь? Я могу лишь согласиться. Что это за игра? Юкиношита вытерла палец влажной салфеткой и приставила пальцы к вискам.

– Разве я не говорила, что нужно вовремя менять половики, чтобы песок не попадал внутрь?

– А!

Говорила. Да, говорила. А у меня было столько дел, что на это времени не оставалось. Но я вслух ничего не сказал, а только видом показал, что сожалею. Она меня что, только ради того, чтобы отчитать, сюда позвала? Таинственная призрачная атмосфера уже растворилась, остался только реалистичный пейзаж. И нежный образ Юкиношита превратился в образ не то что матери, а мачехи: она упёрла руки в бока и с абсолютным холодом на меня смотрит.

– Тогда нужно убраться, пока мы не ушли отсюда.

– Хорошо, – сказал я, понуро кивнув головой, и пошёл было внутрь здания, пытаясь вспомнить, где хранится метла. Но Юкиношита снова что-то сказала: «А, точно».

Чего ещё? Я повернулся, смотря на задумчивую Юкиношиту.

– Заодно проверь зал ожидания. Думаю, там ничего, кроме наших с тобой вещей не должно оставаться, но на всяких случай. Я пока расплачусь за дополнительный заказ и верну ключи. Спасибо.

– О, работы стало больше... Но ладно, слушаюсь.

Как только эта работа закончится – всё, я свободен! Можно будет уйти с чистой совестью. Этот длинный, но всё же очень короткий пром наконец-то закончится. Смотря на ночной пейзаж вдалеке и наслаждаясь ночным воздухом, который гладит меня по щекам, я задумался. Как вдруг Юкиношита приставила палец к губам, намереваясь ещё что-то сказать.

– Давай тогда после окончания встретимся перед главным входом? Пока ждёшь, проверь стоянку, и, если там кто-то будет, скажи, что мы уходим.

– Слушаюсь, – ответил я с дурным предчувствием, мол, а вдруг это так задумано, что чем больше я слушаю, тем больше становится работы? Задумавшись, Юкиношита издала звук, словно что-то ещё вспомнила.

– Ещё...

– Ещё что-то? Разве не всё? Куда ещё? – не выдержал я, и Юкиношита, сделав шаг ко мне, странно на меня посмотрела.

– Нет, нужно сказать ещё одну вещь напоследок, – предупредила Юкиношита, отвела взгляд в сторону и слегка кашлянула. Странно, она ведь такой разговорчивой была мгновение тому назад, а сейчас сжала губы и глубоко дышит, прижав к себе пачку собранных бумаг. После этого она перевела взгляд с земли, посмотрев красивыми глазами на меня, и тихо, но отчётливо сказала:

– Я люблю тебя, Хикигая-кун.

Я был пойман врасплох и застыл, а Юкиношита стыдливо усмехнулась, спрятав покрасневшие щёки стопкой бумаг, и лишь на миг посмотрела в мою сторону снизу вверх, чтобы увидеть мою реакцию. Не в силах выдержать тишину, она сделала шаг назад и быстро ушла, чуть ли не убегая и не дожидаясь, пока я что-либо скажу.

Эй, ты это серьёзно? Сколько хлопот от тебя... Из-за того, что ты убежала, я не могу ничего сделать. Что это ещё такое? То есть мне теперь придётся что-то сделать при следующем случае? Сложно это и хлопотно...

Однако, пусть и хлопот до смерти много, ты до смерти мила.

Глава 10. Поэтому Хикигая Хачиман так сказал.

Началась моя последняя весна в старшей школе. Сакуры под окнами нового класса ещё не расцвели, однако бутоны уже набухают. Начало весны что в каменном веке, что сейчас – очень важный момент, и я могу с уверенностью сказать, что моё начало – худшее из всех, что только можно было представить.

В особенности – худшее разбиение по классам. Мне было бы неважно, если бы в классе не было знакомых лиц или друзей. Я уже привык примыкать к оставшимся без группы, когда весь класс делился на группы для внешкольного обучения. Наличие полужнакомых людей – вот что ужасно.

В моём случае в рулетке выпали Хаяма Хаято и Эбина Хина – худшие из возможных вариантов. С Тобе было бы даже лучше... При каждой встрече они стараются коротко поговорить со мной о чём-то постороннем, из-за чего меня жалят заинтересованные взгляды со стороны, так как эти двое всегда привлекали к себе внимание. К тому же я и раньше не любил разговоры ни о чем, из-за чего стресс укорачивает мне жизнь. В итоге я стараюсь не проводить в классе ни секунды и покидаю его, как только звенит звонок с последнего урока.

Вид цветов в клумбах, открывающийся через окна подвесного коридора в особый корпус, оповещает о наступлении весны. Однако пусть и меняется год обучения, сменяют друг друга сезоны, но рассчитаться с прошлым не суждено: как и следовало ожидать, долги от совместного прома ещё остались. Мы с Юкиношitou всё ещё занимаем ту самую комнату клуба, которая, по идее, уже исполнила свой долг.

Проще говоря, оставшаяся с совместного прома работа.

Комнату, которой пользовался клуб помощи, нам разрешили временно использовать благодаря своего рода последнему подарку от Хирацуки-сенсея и разрешению от школьного совета. Она довольно велика для двух человек, но зато у нас есть работа, которая словно заполняет оставшееся пространство.

Собрав в стопки оставшиеся от совместного прома счета и плавающая среди гор квитанций под пластом докладов, мы мало-помалу их как следует обрабатываем. По идее, такой объём работ для Юкиношitou занял бы всего секунду, но сейчас она работает довольно лениво. Однако стоит отметить, что это касается и меня в равной степени – возможно, я хотел бы оставаться здесь подольше.

– Отдохнём немного.

– Ага.

Мы приостановили работу, и Юкиношита, постучав по плечам, тихо налила чёрного чаю в мою оставленную тут чашку и свою стильную чайную чашечку. Есть ещё стакан, который остался тут; хоть его и моют и хранят от пыли, пар с него не подымается.

– Прошу.

– Спасибо, – я взял чашку и сделал глоток. Также и Юкиношита, сделав глоток, расслабленно вздохнула.

– Похоже, завтра уже закончим.

– Да, наверно.

– Тогда нужно будет и тут прибраться, – сказала Юкиношита, смотря на оставленные вещи. Их немного, в основном – чайные наборы.

– Я помогу донести. Всё равно моих вещей почти нет.

– Да? Спасибо, – улыбнувшись, ответила Юкиношита и, не переставая улыбаться, сказала то, от чего невозможно уклониться:

– Заодно заходи завтра на ужин. Мать приглашает. Похоже, ты ей понравился.

– А нельзя отказаться?

– Думаешь, я смогу?

– Так ведь завтра это...

«Вспомнил...» – хотел было сказать я выражением лица, а Юкиношита на меня вопросительно посмотрела.

– Комачи-сан, похоже, будет допоздна занята, выбирая клуб, у Тоцуки-куна клуб до вечера, Зай... Зайцу-кун? А Зайцу-кун подождёт следующего раза, – спокойно сказала Юкиношита. Однако то, что она знает планы всех людей вокруг меня – это слишком страшно! Она уничтожила все аргументы, которые у меня только могли бы быть.

– Э-эм... – не знал, что сказать я. Юкиношита поставила локти на парту и посмотрела мне в лицо.

– Так, что ещё? Хаяма-кун?

– Не, не-не-не! Уж точно нет.

Почему это я должен проводить с ним время после школы? Я могу пойти на кое-какие компромиссы, но здесь – ни за что. В ответ Юкиношита улыбнулась улыбкой победителя.

– Значит, планов у тебя нет? Отлично.

Я не смог ничего возразить, смотря на счастливую улыбку Юкиношита. В принципе, я мог бы физически убежать завтра, но потом ведь этот разговор всё равно возникнет. Ужин с Юкиношита Юкино, в принципе, не то чтобы плохая идея, я только за. По крайней мере, я мог бы радоваться, но если речь пойдёт о семье Юкиношита – это уже другой разговор. Препятствия на входе в замок пропали, но ведь ещё препятствия внутри... Усердно думая, что же делать, мой взгляд остановился на двери. По двери, к счастью, кто-то постучал.

– Входите, – немедленно ответил я, и кто-то резво её отворил.

– Добрый день! Мы пришли вступать в ваш клуб! – громким голосом сказала одетая в новенькую школьную форму Хикигая Комачи, моя сестра.

– Здравствуй, Комачи-сан. Новая форма красиво смотрится на тебе.

– Юкино-сан! Спасибо большое! – подбежала Комачи к Юкиношита. Юкиношита ничего не делает, видимо, из-за внезапности. Но когда-то ведь нужно это закончить, и она решается.

– Комачи, клуба уже нет. Мы новичков не ищем, да и деятельности не ведём.

– Верно. Мы придумали подходящий повод собраться в этом месте, не более.

– Опасная фраза. Но не переживай, ведь... – Комачи повернулась ко входу. В открытом дверном проёме появилась Ишики, держась за дверь и тяжело дыша.

– О-Комэ-чан, ты слишком быстро бегаешь. Ничего не понимаю.

– Э? О-Комэ-чан? Интересное прозвище. Не спорю, что Комачи – мечта любого японца, однако же...

Я хотел было дополнить, что она – лучшая в мире младшая сестра, которая таким образом одновременно имеет два высших звания, но меня больше волнует, что они пришли сюда вместе. Разве они были знакомы, задумался я, и, похоже, об этом же задумалась и Юкиношита.

– Ишики-сан, и ты... По делу? – спросила Юкиношита с подозрительным выражением лица, хотя Комачи до сих пор на ней висела, и Ишики, глубоко вздохнув, закрыла дверь и подошла к нам с одним листом.

На листе было что-то про создание клуба и фраза «клуб помощи». К тому же, в графе «глава клуба» стояло имя Комачи, а ниже – моё и Юкиношита имена. Похоже, тут есть все данные и печать, похожая на согласие учебного совета.

– В общем, с этого дня здесь будет клуб помощи, - сказала с ничего не выражающим лицом Ишики, но я и Юкиношита в замешательстве. А Комачи весело улыбается.

– Чего?

– Теперь проблем быть не должно. Давайте начнём работу клуба!

– Кроме проблем ничего нет, вообще-то.

Во-первых, это ведь не что иное, как подделка документов? Преступление ведь? Вина?

– Какую ещё работу? Нам уже делать нечего, – неуверенно спросила Юкиношита, и Комачи с Ишики посмотрели друг на друга. Ишики пожала плечами и устало вздохнула.

– Скоро придёт.

– Что? – немедленно переспросил я, и Ишики с Комачи неприятно ухмыльнулись, ничего не ответив. Как-то вы сдружились... Вышла очень мощная комбинация, по-моему. Комбинация кохая и младшей сестры меня, семпая и старшего брата, весьма радует. Радует, однако... Они обе весьма странные личности, поэтому нельзя расслабляться. Комачи хоть и простая, но с хитрыми планами внутри, а Ишики умная и при этом дрянь. И они, похоже, что-то затеяли. Нет, у меня кроме тревоги ничего не возникает. Что они задумали?..

И как ответ на немой вопрос, слабо постучался очередной посетитель.

– Входите, – настороженно ответила Юкиношита,

– Вхожу... – снаружи раздался слегка высокий от волнения голос.

Дверь с привычный грохотом частично раскрылась, и она вошла, словно протиснувшись, как будто не хотела, чтобы кто-то её увидел.

Фривольно надетая форма на девушке с розово-каштановыми волосами, трясущаяся при ходьбе «булочка» из волос на голове.

– Я...Я-хало... – поздоровалась неловко Юигахама Юи, сделав шаг внутрь, и слегка улыбнулась, подняв руку. Увидев Юигахаму, Юкиношита резко встала, так что стул загрохотал. Глаза её были влажными, словно она вот-вот заплачет.

– Юигахама-сан, ты пришла... – сказала она рыдающим голосом.

– Э-хе-хе... Пришла... – смущённо приставила руку к голове Юигахама и погладила булочку. Кажется, её присутствие в клубе – словно возвращение недостающего паззла. Искренне посчитав, что это – к лучшему, я прихлебнул чай и начал было думать, что сказать Юигахаме, как заметил широко улыбающуюся Комачи и неприятно лыбящуюся Ишики. И Юигахаму,

странно смотрящую в мою сторону. Какая-то беспокойная обстановка... Даже, я бы сказал, напряжённая. А в таких случаях мои подозрения, как правило, сбываются.

– У меня будет просьба... или консультация... – начала Юигахама. Юкиношита с улыбкой ей кивнула, словно говоря взглядом, что поможет во что бы то ни стало. В противоположность ей мои глаза, кажется, стали ещё больше умирать.

Юигахама сделала глубокий вдох, приложив руку к груди.

– Есть парень, который мне нравится, но у него есть кто-то вроде девушки, которая моя лучшая подруга... И я хочу продолжать дружить с ней и дальше. Как мне поступить?

Юигахама бросила на меня многозначительный взгляд, и я отвёл глаза. На этот раз мой взгляд встретился со взглядом Юкиношиты. Её взгляд был холоден до дрожи. Продолжая искать, куда же мне деть свой взгляд, я посмотрел на чашку, которую держал обеими руками. Но и там нет моему взгляду пристанища, поверхность чая покрывается волнами.

– Рассказывайте, – широко улыбнувшись, Юкиношита пододвинула стул на то самое свободное место между мной и Юкиношитой.

– Садись, похоже, разговор будет долгим.

– Угу, наверно. Наверно, за сегодня не успею, и за завтра, и за послезавтра. Думаю, это надолго, – смотря прямо на Юкиношиту, Юигахама улыбнулась, не кривя душой. Смотря на неё, Юкиношита на миг удивилась, но тут же улыбнулась.

– Да, это будет надолго, – сказала она и налила в кружку янтарного цвета чёрный чай.

Аромат тёплого чая наполнил комнату, а лучи подходящего к закату солнца попали через окно. На том месте зародилось тёплое весеннее пятно солнечного света, а по моей спине пробежал мороз, и лицо моё позеленело.

Понятно... Я осознал, что новая пора года наступила, молодая весна...

Да, так я и знал.

Иначе тут и не скажешь: розовая пора моей школьной жизни – сплошной обман.

Конец.

Эпилог.

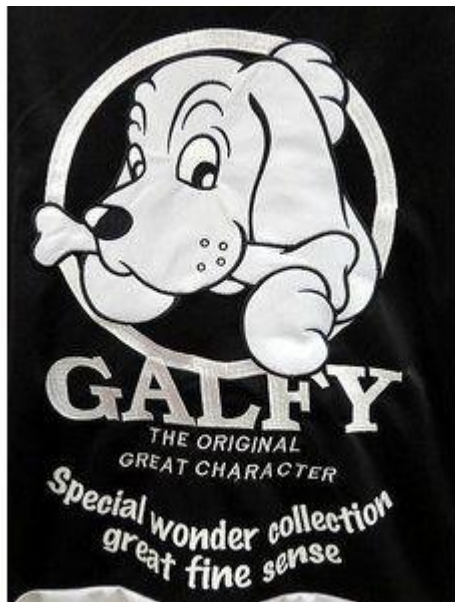
Здравствуйте, с вами Ватару Ватари.

Я так давно не писал эпилоги, что уже и забыл, как я их писал до этого. Хотел было перечитать предыдущие выпуски, но знаете, нужна некоторая храбрость, чтобы читать то, что сам когда-то давно писал. Я же, лишь слегка глянув, тут же с криком закрыл обратно. Изнутри предельно серьёзно, или же: «Ува-а! Какая я была молодая! Как весело тогда было!» - сказал бы позитивный тусовщик; вот для таких инстинктивно-позитивных людей сегодняшний счастливый предмет будет джерси от GALFY⁶⁰.

Впрочем, я немного переживаю по поводу того, что, возможно, выражение «джерси от GALFY» может быть не всеми понято. «Сандалии с белой кошечкой»⁶¹, думаю, знает больше людей. Для тех, кто и этого не понял, я постараюсь попроще объяснить. У нас, в Чибэ, среди нашего поколения толпящиеся перед Don Quijote⁶² люди в этих джерси и сандалиях – почти все без исключения хулиганы и их друзья. Хотя это и довольно предвзятое мнение, да и GALFY – неплохой бренд. К тому же в Don Quijote ходят не только хулиганы, но и маленькие девочки иногда носят эти сандалии, поэтому одним выражением что-то полностью объяснить невозможно, думаю.

Но всё-таки все, кто носят джерси от GALFY – хулиганы. Впрочем, есть нюанс – бывают и отморозенные асоциальные хулиганы, и умеренные, которые по субботам ходят с семьёй в фудкорт в AEON, и оба носят джерси от GALFY, поэтому выражение получается сложное...

Слова – это сложно, всё-таки.

⁶⁰

⁶¹ Сандалии с ляжками в виде улыбающейся белой кошачьей мордочки.

⁶² Сетевой магазин по всей Японии.

Есть чувства, которые можно передать всего одним словом, и есть эмоции, которые не объяснить и горой слов, отсюда и попытки придать им какой-то вид, используя различные средства. Рассказ написать – один из таких способов, не правда ли?

Что-то можно понять исключительно без слов, а что-то можно не понять, использовав весь свой словарный запас. Как понимать – решение каждого читателя, и я надеюсь, что вы вынесете как можно больше из этого рассказа. Он и она... или так: и он, и она, подбирая таким же образом слова, соединяя свои сердца, продолжали бы проживать каждый день.

Это были тома 12, 13, и 14 «Розовая пора моей школьной жизни – сплошной обман».

По идее, я должен был бы писать эпилог к каждому из этих томов, однако 12, 13 и 14 тома – это своего рода трилогия, а вставлять эпилог между частями трилогии мне показалось неуместно. Вот поэтому я пишу единый эпилог в этом томе.

Этот том – последний, и я думал над тем, стоит ли писать обо всей серии целиком, но тогда получилось бы очень много текста, так что я подумываю над выпуском целого тома под заглавием «Розовая пора моей школьной жизни – сплошной обман. Эпилог». Так что здесь будут мои благодарности.

Первый том вышел в марте 2011 года, и с тех пор прошло около девяти лет. Хотя и с небольшими отпусками, я дописал историю до конца. Я написал всё, что хотел написать и передать в этой истории: в самой серии, в каждом томе, каждой главе, каждом абзаце, каждом слове. До этого я писал только, чтобы в итоге написать это. Хотя я уже давно не ученик второго класса старшей школы, кажется, словно мой второй год наконец-то закончился. Это был самый длинный год в моей жизни.

Господа, которые провели юность вместе с Хачиманом и его компанией, которые были старше него, и у которых второй год старшей школы только впереди! Я был бы очень рад, если вам рассказ понравился. Спасибо вам большое.

На этом рассказ «Розовая пора моей школьной жизни – сплошной обман» завершен... хотел бы я сказать, но давайте ещё совсем чуть-чуть.

Давайте поговорим об OreGairu. Я планирую выпустить коллекцию коротких историй, хотя ещё неизвестно, когда. Есть много чего, что я хотел бы написать, но нужно хорошенько подготовиться.

А ещё уже решено издать антологию «Розовая пора моей школьной жизни - сплошной обман». Подготовленную авторами, которых я очень-очень люблю! Я искренне очень рад такому именитому составу. Я тоже планирую участвовать. Вот беда – слишком много писать.

А ещё весной 2020-го года выйдет третий сезон аниме на канале TBS и прочих. И в этот раз тоже будет самое лучшее аниме. Можете ожидать с нетерпением.

А ещё...

Я думаю, что как всё успокоится, можно понаблюдать за юностью Хачимана ещё немного, самую малость, войти в их мир ещё ненадолго.

Но конкретных планов нет. Планов действительно нет, но я хотел бы сообщить вам о своём желании.

Благодарности.

Понкан-8 Боженка.

Он был действительно бог! Думаю, если бы меня кто спросил, «А верите ли вы в Бога?», я бы с удивлением ответил: «В смысле? Я с ним работаю вместе!». Благодаря богу-персонажу я смог написать этот рассказ. Спасибо за чудесные иллюстрации для каждого тома. Спасибо за эти девять лет. Я ещё не прощаюсь! Надеюсь на дальнейшее сотрудничество.

Редактор: господин Хосино.

Хотя какой господин, это же последний том, можно делать, что хочешь, мва-ха-ха! Хотя я вспоминаю все эти дни с ностальгией... Десять лет тому назад, когда я только дебютировал, я и подумать не мог, что будет настолько долго. Казалось, что издательство «ГаГаГа-Бунко» умрёт быстрее. Извините, что доставлял вам неудобства. Спасибо большое! До следующего раза! Мва-ха-ха!

Команда по созданию аниме во главе с режиссёром Ойкавой и все связанные с выходом аниме!

Спасибо большое, что смогли уместить этот полный неудобных для формата аниме или манги монологов и стен текстов рассказ настолько великолепно. Благодаря вам мир OreGairu стал шире. Третий сезон ещё в будущем, но, надеюсь, мы с вами ещё будем работать.

И, наконец, читатели, что оставались с нами до самого конца!

Девять лет – это удивительно долгий срок, и я вам премного благодарен за то, что вы читали его все эти девять лет. Спасибо за ваши благодарности «Я люблю этот момент!» и подобные на встречах с писателем, где вы брали автографы. Благодаря вам я стал смелее. Я был очень рад получать от вас письма с отзывами и новостями. Я хочу перечитать их ещё раз и ответить когда-нибудь, извините, что до сих пор не ответил. Как минимум, благодаря вашей поддержке я смог закончить рассказ. Несмотря на то, что не выразил это ни словами, ни голосом, ни письмом, благодаря вам этот рассказ существует. Рассказ продолжается, потому что вы его читаете. Если есть ты – есть и я (досл. *оре га иру*).

Искреннее вам спасибо. Надеюсь и на дальнейшие встречи.

В следующий раз давайте встретимся на «Розовая пора моей школьной жизни – сплошной обман. Звёзды»!

Неистово крича в небо «The Shawshank Redemption⁶³» с кофе MAX в руке этим октябрьским днём,

Ватари Ватару

---

⁶³ Побег из Шоушенка.